

"Замужество Кэролайн"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Маргарет Роум

Замужество Кэролайн

OCR & SpellCheck: Larisa_F

Роум Маргарет P58 Замужество Кэролайн: Роман / Пер. с англ. Е.А. Муссеевой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 175 с. — (Цветы любви, Выпуск 115).

Оригинал: Margaret Rome «The Marriage of Caroline Lindsay», 1968

ISBN 5-9524-2127-X

Переводчик: Муссеева Е.А.

Аннотация

Юная Кэролайн Линдсей, чтобы обеспечить будущее осиротевшего племянника, выходит замуж за итальянского аристократа Доменико Викари, который принимает ее за другую и думает, что выполняет долг чести. Но Кэролайн по-настоящему влюбляется в мужа. Ее сердце разрывается от того, что он видит в ней девицу легкого поведения, и она убегает...

Маргарет Роум

Замужество Кэролайн

Глава 1

Как только последний человек покинул дом, Кэролайн, с трудом отбившаяся от предложений добрых людей остаться с ней, пока она не придет в себя после внезапной смерти отца, уселась перед пылающим камином и попыталась согреться.

Последние три дня она жила словно во сне. Что-то говорила, покупала траурную одежду, но все это делала механически, как будто после смерти отца превратилась в совершенно другого человека. Эта другая Кэролайн разыскивала бумаги отца, вела переговоры с его адвокатом и несколькими близкими друзьями, благодарила соседей за поддержку, уверяла их, что с ней все в порядке, что она хорошо спит и ей ничего не нужно, в то время как истинная Кэролайн скрывалась за этой маской, плакала, страдала, ничего не ела и ничего не хотела, потеряв единственного любимого человека.

Теперь, сидя перед камином, она думала об отце, о том, каким он был веселым, прирожденным оптимистом, никогда ни на что не жаловался. Если возникала какая-нибудь трудность, весело заявлял: «Ложись спать, милая, и завтра все разрешится само собой».

Естественно, долги торговцам никуда не делись, но Кэролайн никогда не говорила о них. Она сэкономила на всем, пока не выплатила все долги, только чтобы не расстраивать своего веселого, беспечного отца. Неудивительно, что ее платья изнашивались от постоянных стирок и штопок и она уже давно отказывала себе в таких приятных мелочах, как духи, косметика.

Однако Кэролайн не жаловалась, она обожала отца.

Ее мать умерла, когда ей было всего несколько месяцев от роду, и хотя Чарльз Линдсей любил дочь до безумия, он скоро пришел к выводу, что присутствие рядом женщины сделает его жизнь более сносной. Поэтому через полгода после смерти супруги женился во второй раз.

Ни он, ни Милдред не притворялись, что сильно влюблены, просто они нуждались друг в друге. Ей надо было дать имя своей двухлетней дочери Доринде. В обмен она предложила Чарльзу и его малютке дочери женскую заботу. Оказалось, что Милдред хорошо готовит и умело ведет хозяйство. В доме всегда было безупречно чисто, а девочки хорошо и опрятно одеты. Удочерив Доринду и дав ей свое имя, Чарльз водрузил на палец Милдред золотое кольцо, что было для нее символом статуса.

Они были довольно счастливой семьей. Девочки дружили и, как близкие люди, делились друг с другом радостями и печалью. Единство нарушалось, только если в семье возникала какая-нибудь серьезная проблема, потому что Кэролайн тут же вставала на сторону отца, а Доринда — матери. Чарльз и Милдред воспринимали это как нечто вполне естественное и не пытались заставить девочек вести себя иначе. Так продолжалось до самой смерти Милдред три года назад, после которой Доринда осталась совершенно одна. Чарльз и Кэролайн тоже были опечалены, но находили утешение друг в друге, а Доринде не к кому было обратиться за помощью и сочувствием.

Поэтому Чарльз даже не очень удивился, когда спустя три месяца после смерти матери Доринда вдруг спокойно заявила:

— Я решила уехать в Лондон.

Кэролайн с изумлением уставилась на нее:

— В Лондон? Но что ты будешь там делать?

— Вы же знаете, что бабушка оставила мне небольшое наследство. Мама завещала его мне в прошлом году, когда, — ее голос дрогнул, — рассказала, что отец удочерил меня и воспитал, как свою родную дочь. Я решила поступить в школу моделей в Лондоне. Они гарантируют мне работу после окончания обучения, а поскольку эта работа всегда мне нравилась, я уверена, что у меня все получится. Я уже заплатила за обучение, и меня там ждут через два дня.

Кэролайн тщетно умоляла Доринду изменить решение. Два дня спустя она уехала в Лондон, пообещав написать, как только устроится на новом месте. Ее счастливое, взволнованное лицо, когда она махала рукой из окна отходящего от станции поезда, было последним, что Кэролайн с отцом видели.

Внезапный треск дров в камине заставил Кэролайн очнуться от воспоминаний. И в ту же минуту раздался звонок в дверь. Кто это может быть? Сначала Кэролайн с недоумением уставилась на высокую, элегантную девушку, стоящую на пороге, но потом с криком радости бросилась к ней:

— Доринда! Милая, я знала, что ты приедешь! Я так молилась, чтобы ты приехала, и это произошло.

Доринда с улыбкой позволила Кэролайн втащить себя в гостиную. Быстро оглядевшись вокруг, она увидела те же самые потертые кресла, шкаф, полный посуды с синим узором в китайском стиле, тщательно отполированную старую мебель, дорогие, но теперь совершенно вытертые

ковры на неровном полу и почувствовала, что время здесь будто остановилось. Наконец повернулась к сестре. В этот момент свет упал на волосы Кэролайн, отчего они засияли золотисто-медным блеском. Доринда ахнула от изумления:

— Кэролайн, как же ты выросла! Ты стала настоящей красавицей! Если бы Рене тебя увидел, то вмиг бы за тебя схватился.

— Кто такой Рене? — поинтересовалась Кэролайн.

— Я у него работаю. Он фотограф. Ты заставила бы его застыть от восхищения.

Кэролайн недоверчиво рассмеялась, пытаясь представить, как известный фотограф, окруженный роем красавиц, подобных Доринде, застывает от восхищения при виде безвкусно одетой девушки. Она была совершенно лишена тщеславия и понятия не имела, как могла бы выглядеть в свете прожекторов. Между тем ее маленькое лицо с блестящими фиалковыми глазами было увенчано темно-золотыми сияющими волосами, а точеная фигура с красивыми округлыми формами, изящными запястьями и лодыжками навевала мысль о прекрасной розе, ждущей первого поцелуя солнца. Только где, подумала Доринда, найти в этой глуши достойного мужчину, который сумеет превратить это невинное дитя в зрелую женщину?

— Доринда! — Кэролайн почти танцевала от счастья. — Не могу выразить, как я рада, что ты вернулась домой. Давай я возьму твои сумки. Садись у огня, а я приготовлю ужин. Ты, наверное, замерзла.

Доринда улыbnулась, усаживаясь в старое кресло отца:

— Я тоже счастлива, и мне ужасно не терпится поговорить с тобой.

Они поужинали перед горящим камином. За стенами крепкого маленького дома из серого камня завывал суровый ветер, а сестры, греясь у огня, рассказывали друг другу о том, что случилось за три прошедших года. Когда часы пробили полночь, Кэролайн вздрогнула:

— Господи, как уже поздно! А мне еще надо постелить тебе. Боюсь, мы завтра все проспим, а утром должен прийти старый мистер Уилкинс зачитывать папино завещание. — При этих словах по ее лицу скользнула тень — Кэролайн поняла, что в первый раз после приезда Доринды вспомнила об отце.

Доринда догадалась, что чувствует сестра, и крепко ее обняла.

— Прости, что не приехала раньше, чтобы помочь тебе с похоронами. Но я уже говорила, что мне приходится летать по всему миру, и стоило только принять решение написать тебе, как что-нибудь непременно отвлекало. То надо бежать на примерку, то фотографу не нравится освещение, и он хочет сделать еще снимки... А когда я добилась успеха, все вокруг просто закрутилось — постоянные встречи, вечеринки, все время надо куда-то спешить. Жизнь стала похожа на карусель, а я ощущала себя в ней марионеткой, которую дергают за ниточку.

Кэролайн удивленно взглянула на нее:

— Должно быть, это прекрасно, когда весь мир лежит у твоих ног. Путешествия, приключения, романтика! Но скажи, Доринда, ты встретила какого-нибудь красивого молодого человека? Влюбилась в кого-нибудь? — И поразилась, заметив, как изменилось и осунулось лицо Доринды, стоило ей лишь задать этот вопрос. Кэролайн вскрикнула и обняла сестру за плечи, но Доринда высвободилась и шагнула в тень, подальше от яркого света лампы.

— Я очень устала, Кэролайн. Не возражаешь, если я пойду к себе? — Не дожидаясь ответа, она развернулась и почти побежала по лестнице в свою старую спальню.

Кэролайн пошла за ней, но Доринда захлопнула дверь и повернула в замке ключ. Кэролайн отошла, обиженная и недоумевающая, не зная, стоит ли настаивать, чтобы Доринда открыла дверь и рассказала, что случилось. Наконец решила этого не делать и медленно пошла к себе. Всю ночь ей снилось искаженное страданием и ужасом лицо сестры, и она испытывала угрызения совести от того, что всему виной стал ее бездумный вопрос.

На следующее утро Кэролайн разбудили звон посуды и свист закипающего чайника. Должно быть, под утро ей все же удалось забыться тревожным сном. Простыни были сбиты, и Кэролайн почувствовала себя невыспавшейся. Несколько минут она лежала, собираясь с духом, потом вспомнила, что случилось накануне. Доринда приехала домой! Кэролайн выбралась из постели и пошла принять душ. Затем торопливо оделась в зеленую твидовую юбку и бледно-желтый свитер, провела расческой по волосам и побежала вниз.

Доринда отвернулась от плиты, на которой жарила бекон, и одарила сестру лучезарной улыбкой:

— Доброе утро, Кэролайн. Завтрак почти готов. Налей пока кофе.

Такое впечатление, что не осталось и следа от вчерашней бледной, рассеянной девушки. Доринда беззаботно болтала, сновала по кухне, и Кэролайн уже была готова забыть случившееся накануне, как вдруг встретилась с глазами. Доринда умело наложила макияж, но ничто не могло замаскировать ее припухшие веки и страдающий взгляд прелестных зеленых глаз.

— Все в порядке, Доринда? Почему ты вчера заперлась в спальне? Я не смогла постелить тебе. Как ты спала? Я тебя расстроила? Честное слово, я не собиралась лезть в твои дела!

— Не так много вопросов, Кэролайн! Я отказываюсь на них отвечать, пока не поем. — Доринда улыбнулась, но выражение ее глаз не изменилось. — Садись и ешь. Мистер Уилкинс придет через полчаса, и он не должен подумать, что мы лежебоки. Ты же знаешь, как он любит рано вставать, и наверняка не изменился за те три года, что меня не было.

Кэролайн промолчала, и тогда, взяв ее за руку, Доринда пообещала:

— Пожалуйста, дай мне несколько часов. Обещаю, я тебе все расскажу.

Кэролайн крепко обняла сестру:

— Мне так стыдно. У меня нет никакого права расспрашивать тебя, и я постараюсь не лезть в твои дела. Но помни: если тебе нужна помощь, только скажи.

— Спасибо. Конечно, я могу поймать тебя на слове, но пока давай забудем обо всех проблемах.

Сестры весело и беззаботно позавтракали. Потом Доринда убрала со стола и вымыла посуду, а Кэролайн протерла пыль и подмела полы в ожидании прихода мистера Уилкинса. Он прибыл ровно в десять.

Если мистер Уилкинс и удивился присутствию Доринды, то не показал виду. Он приветствовал ее с сухой улыбкой, быстро оглядев через стекла старинных очков. Затем неторопливо вытащил из портфеля документ и, расположившись в старом уютном кресле, принялся

зачитывать завещание отца.

Оно было коротким и емким. Все, чем владел Чарльз Линдсей, доставалось Кэролайн — дом с его содержимым, несколько сотен акций в не очень прибыльной компании и его личные вещи. О Доринде не было даже упомянуто, и Кэролайн, взглянув на ее бледное, напряженное лицо, впервые рассердилась на отца.

— Но папа не мог забыть о Доринде, — сказала она. — Моя сестра так же, как и я, имеет право на наследство. — Взволнованные красивые глаза Кэролайн обратились к мистеру Уилкинсу, словно он был волшебником, способным достать из шляпы кролика.

— Милое дитя, — ответил тот, — пожалуйста, дай мне закончить. Думаю, ты, как и твой отец, не понимаешь, что после выплаты всех долгов уже ничего не осталось. Я несколько раз просил его научить тебя чему-нибудь, чтобы ты могла сама зарабатывать себе на жизнь, если так сложатся обстоятельства, но он всегда отмахивался, говорил, что ты и так счастлива дома рядом с ним. Боюсь, мистер Линдсей вел себя очень эгоистично. А теперь ты оказалась в затруднительном положении. Мисс Доринде повезло намного больше. У нее есть работа и обеспеченное будущее, в то время как ты ничего не умеешь и осталась практически без средств к существованию.

Доринда вскочила и обняла Кэролайн, которая широко раскрытыми, испуганными глазами смотрела на адвоката.

— Хотите сказать, что мне придется продать дом? — прошептала она, переводя взгляд на дорогие сердцу вещи, ставшие частью ее жизни.

Мистер Уилкинс откашлялся и с сочувствием посмотрел на нее:

— Нет. Возможно, дом нам удастся спасти. Но денег не будет.

Он взял шляпу, портфель и двинулся к двери, покачивая головой в знак неодобрения человека, который не послушал его совета и оставил свою дочь в таком затруднении. Он не имел права так поступить! Никакого права! А теперь для этой девушки лучше всего было бы выйти замуж. Даже старый закоренелый холостяк мистер Уилкинс оценил привлекательность своей юной клиентки.

— Я зайду к вам через несколько дней, — пообещал он, — и тогда более подробно обрисую вам ваше финансовое положение. Но пока, юная леди, советую вам серьезно подумать о карьере. Тогда я скажу, сколько у вас есть на обучение.

Несколько минут после его ухода обе девушки сидели в задумчивости. В голове Доринды вихрем проносились мысли. «Черт побери, — яростно думала она. — Что мне теперь делать? Как я справлюсь без денег? Мне нужно добыть их во что бы то ни стало».

Кэролайн тоже думала о деньгах. О том, как отец бросал их на ветер, покупая то картины, то посуду. Он просто не мог отказаться от красивых вещей и так радовался покупкам, что Кэролайн в конце концов прекратила упрекать его. Она знала, что для него значила красота, как она наполняла его жизнь. Кэролайн с грустью вспомнила, как отец говорил: «Ты самое большое мое сокровище, Кэролайн, самое бесценное в моей коллекции».

Из задумчивости ее вывел голос Доринды:

— Кэролайн, помнишь, я хотела что-то рассказать тебе?

— Что? Ты что-то сказала?

Доринда нетерпеливо повторила вопрос.

— Да, продолжай. Это касается твоей работы?

— Косвенно — да. Мне придется на время оставить ее.

— Оставить? Но почему? Ты плохо себя чувствуешь? — тревожно спросила Кэролайн. Вспомнив, как Доринда описывала сумасшедшую жизнь модели, она вздохнула с облегчением и продолжила: — А, я знаю. Тебе нужно отдохнуть и прийти в себя после этой безумной гонки.

Доринда печально улыбнулась, подошла к окну и молчала так долго, что Кэролайн решила, что она передумала говорить. Но спустя какое-то время Доринда сообщила:

— У меня будет ребенок.

И сказала так спокойно, что Кэролайн решила, будто это ей послышалось. Она непонимающе уставилась на Доринду.

Увидев ее ошарашенное выражение лица, Доринда повторила медленно и отчетливо, чтобы не осталось сомнений:

— У меня будет ребенок. Я не замужем и никогда уже не выйду. Он не хочет жениться на мне, — с горечью пояснила она. — Я пыталась связаться с ним, но он не ответил на мое письмо. — Она резко повернулась, изо всех сил пытаясь сдержать слезы. Ее тело сотрясали рыдания. Она упала на колени перед стулом, на котором сидела Кэролайн, и умоляюще спросила: — Кэролайн, что мне делать? Пожалуйста, помоги мне. Не отворачивайся от меня, ты единственный близкий мне человек. У меня, кроме тебя, никого нет!

— Тихо, милая, не плачь. Конечно, я сделаю все возможное. Ты это знаешь. — Дрожащими пальцами Кэролайн пригладила волосы Доринды и принялась успокаивать ее, пока рыдания не прекратились. Но в груди ее бушевала буря. Ребенок! У Доринды будет ребенок! Ее первым чувством было недоверие. Только не у Доринды! Только не у ее сестры. Это может случиться с кем-то другим, но не с ней.

Уединенная жизнь в глуши, заслоненная от порочного мира любящим отцом, привела к тому, что Кэролайн оказалась не готова к такому удару. У нее не было возможности проявить либо терпимость, либо осуждение. Конечно, она читала газеты и смотрела телевизор, но герои мыльных опер и газетных статей жили, как ей казалось, на другой планете. Рыдания Доринды привели Кэролайн в чувство, и она крепко прижала к себе сестру.

Немного успокоившись, Доринда рассказала все с самого начала:

— Я встретила его на вечеринке, устроенной Рене в честь дня рождения. Он не был другом Рене, просто жил в его доме, когда приехал в Лондон по делам. Он был такой красивый! Смуглый, высокий для итальянца, веселый и жизнерадостный. Трудно описать, как я любила его, Кэролайн! — Голос Доринды дрогнул. — Могу поклясться, что и он любил меня, а не просто хотел развлечься. Мы танцевали, ужинали вместе, ходили в театры. Потом однажды он провожал меня домой после театра. Мы немного выпили, но были пьяны от счастья и нашей любви. Когда мы добрались до моей квартиры, я пригласила его выпить кофе. Сначала он отказывался, но потом согласился и остался на ночь! — Все это Доринда говорила, не глядя на сестру, но тут повернулась и серьезно посмотрела ей в глаза. — В этом не было ничего

грязного. Мы были молоды, любили друг друга и собирались пожениться. На следующий день он купил мне кольцо.

Доринда протянула руку, и Кэролайн впервые увидела красивое кольцо с бриллиантами. Оно выглядело очень дорогим, действительно похожим на символ любви и верности, а не таким, какое покупают обычной очередной подружке.

— На следующий день он улетал в Африку, потом в Канаду. Он должен был отсутствовать полгода, вернуться к себе домой в Рим, а потом приехать в Англию и забрать меня в Италию, чтобы познакомиться с семьей. — Доринда побледнела, и Кэролайн показалось, что она может потерять сознание. Она заставила сестру выпить стакан шерри, прежде чем та продолжила: — Первые несколько недель он писал каждый день. Я была счастлива, готовила приданое и ждала его возвращения. Как-то утром спустя четыре недели я потеряла сознание во время съемок. Рене уговорил меня отправиться на такси к врачу. Когда врач сказал, что со мной, я пришла в ужас. Я так долго витала в облаках, что не обращала внимания на явные признаки. Конечно, я была душой, но эта мысль даже не приходила мне в голову. В ту ночь я написала Вито, рассказав ему о моей беременности. И с тех пор я больше не получала от него писем. И тогда поняла, что ему не нужны ни я, ни ребенок. Он просто хотел развлечься и не собирался возвращаться за мной.

Доринда опустила голову на колени Кэролайн, словно вновь собираясь заплакать. Но лежала так тихо и спокойно, что Кэролайн решила, что та заснула. Однако вскоре Доринда шевельнулась и протянула руку. Кэролайн сжала холодные пальцы сестры.

— Ты сильно шокирована, Кэролайн? — тихо спросила Доринда.

Кэролайн тихо ответила:

— Сначала сильно расстроилась. Но когда ты все рассказала, я тебя поняла. Правда, в моей жизни еще не было такой любви, но я верю, что любить — значит отдавать и чем больше любишь человека, тем больше хочешь ему отдать. Это ведь так просто, правда?

Доринда вздохнула и благодарно взглянула на Кэролайн:

— Ты ангел. Когда-нибудь ты сделаешь своего мужа очень счастливым человеком. Я только надеюсь, что он будет достоин тебя.

Но Кэролайн ее не слышала. Она отчаянно пыталась придумать, как ей содержать их обоих до рождения ребенка и следить за Дориндой. Сестру нельзя оставлять надолго одну. Рядом постоянно кто-то должен находиться, особенно когда беременность будет подходить к концу.

Глава 2

Пару ночей Кэролайн провела без сна, ворочаясь на постели и пытаясь найти какое-нибудь решение. Она великодушно взвалила беды Доринды на свои плечи и искренне полагала, что проблема сестры стала и ее проблемой. Но как Кэролайн ни старалась, она не смогла найти выход, чтобы можно было оставаться дома с Дориндой и одновременно зарабатывать на жизнь.

Доринда тоже не спала. Кэролайн слышала, как сестра до утра беспокойно металась по кровати, но в конце концов, должно быть, засыпала, потому что, когда Кэролайн утром проскальзывала на цыпочках мимо ее спальни, оттуда не доносилось ни звука.

На третье утро, когда она отдернула кухонные занавески, в окно ворвались солнечные лучи. Кэролайн стало веселее. Выглянув в окно, она увидела воробьев, сидящих на лужайке и плещущихся в ванночке, которую сама сделала им много лет назад. И тут неожиданно к ней вернулось ее обычное хорошее расположение духа. Готовя завтрак для себя и Доринды, Кэролайн принялась напевать. Она решила не будить сестру и отнести ей в спальню поднос, как только та проснется.

За завтраком Кэролайн просмотрела утреннюю газету. Прочитав первую страницу, обратилась к разделу вакансий. Ничего. Она вздохнула и принялась варить кофе для Доринды. А когда взялась почистить овощи к обеду, раздался телефонный звонок. Кэролайн торопливо вытерла руки и взяла трубку.

— Кэролайн? Слава богу! Знаю, что это ужасное нахальство с моей стороны беспокоить тебя, но не могла бы ты на сегодняшнее утро забрать моих отпрысков? Только что позвонил фермер Браун. Он очень встревожен — его лучшая кобыла начала жеребиться, и, кажется, там что-то случилось. Эта чертова девчонка Кэрриган опять не пришла сидеть с детьми, а я не могу взять их с собой. Ты же знаешь, какие они непоседы. В последний раз, когда я имела неосторожность взять их на работу, они свалились в утиный пруд.

Кэролайн расхохоталась, услышав про очередную проделку близнецов ее подруги, и даже сразу не ответила из-за смеха. Наконец произнесла:

— Джейн, могла бы не звонить, а просто привезти их ко мне по пути на ферму. Ты же знаешь, как я обожаю с ними возиться. И все-таки они мои крестники.

— Спасибо тебе, подруга. Я знаю, что всегда могу на тебя рассчитывать. Если бы то же самое можно было сказать о Мэйзи Кэрриган! За деньги, которые я ей плачу, следовало бы ожидать вечной преданности, но она то и дело твердит о своих друзьях с обувной фабрики в Ньюеме, пятидневной рабочей неделе и премиях. Наверное, я должна быть благодарна любому, кто сможет просидеть с этими ужасными детьми несколько недель и не получить нервное расстройство. В общем, привезу их через полчаса, если тебе удобно. Пока!

Как только Кэролайн положила трубку, в дверях появилась Доринда:

— Кто это был? Я слышала ее крики аж в спальне. У нее что, пожар случился?

— Хуже. Целых два пожара, — засмеялась Кэролайн. — И они нагрянут к нам через полчаса, так что поторопись позавтракать поскорее, а то потом у тебя не будет ни минуты покоя.

За завтраком Кэролайн рассказала Доринде о затруднительном положении Джейн Мартин:

— Джейн — наш ветеринарный врач. Начала здесь работать три года назад, как раз когда ты уехала. И быстро доказала местным фермерам, что она не хуже ветеринаров-мужчин. Фермеры поверили в нее, так что когда она вышла замуж, упростили ее не бросать работу. Ее муж — морской офицер и большую часть времени проводит вдали от дома. Джейн согласилась. Правда, когда полтора года назад родились близнецы, ей стало трудновато. Но она очень отзывчивая и старается помочь всем фермерам, которые обращаются к ней.

В эту минуту послышались хлопок автомобильной дверцы, топот маленьких ножек по тропинке и возгласы:

— Тетя Кэволайн! Тетя Кэволайн!

Вскоре два малыша повисли на руках Кэролайн, а она обнимала и расцеловала их в пухлые щечки. Следом за близнецами в дом ворвалась их мать.

— Эта девчонка... — начала она. — Я бы с удовольствием свернула ей шею! — Но, заметив Доринду, замерла. — Кэролайн, ты не сказала, что у тебя гость. Я не стала бы навязывать тебе малышей.

Но Доринда успокоила ее:

— Пожалуйста, не переживайте, миссис Мартин. Я уверена, мы с ними поладим. Кроме того, я не гостья. Я здесь живу. Кэролайн — моя сестра.

Джейн протянула руку:

— Должно быть, ты Доринда. Я так много слышала о тебе от Кэролайн, что мне стало казаться, будто мы уже знакомы. Пожалуйста, зови меня Джейн. Если не возражаешь, я буду звать тебя Дориндой.

Они улыбнулись друг другу. Доринде сразу понравилась эта маленькая девушка с каштановыми волосами, озорной улыбкой и веселыми карими глазами, а Джейн решила, что никогда не видела более красивой девушки с такими печальными или, точнее, разочарованными глазами.

Близнецы требовали внимания Кэролайн. Они любили оставаться с ней, потому что она их баловала, но, к счастью, ничто не могло поколебать ангельского выражения на их личиках.

После заверений, что ее дети никому не помешают, Джейн села в машину и позвала Кэролайн:

— Чуть не забыла. Эта ужасная девчонка устроилась работать на обувную фабрику. Даже не удосужилась меня предупредить. Просто утром бросила в ящик письмо. У нее не хватило мужества сказать мне это в лицо. Но погоди! Вот увидишь, я с ней расправлюсь, как только ее встречу. — И она уехала, с негодованием рассуждая о безответственности современной молодежи.

Кэролайн и Доринда беспомощно рассмеялись, а близнецы, не понимая, о чем шла речь, принялись им вторить. Они катались по траве и захлебывались от смеха, а взрослые, глядя на них, смеялись так, что у них потекли слезы и заболели бока.

— Кэролайн, да они же просто чудо! — воскликнула Доринда.

Кэролайн с нею согласилась и посадила одного из малышей себе на колени. Он запачкал слюнями свой комбинезончик, и когда она пыталась удержать крепкое маленькое тельце, чтобы вытереть его, до нее вдруг дошло, о чем им сказала Джейн.

— Значит, она будет искать другого человека присматривать за детьми? — задумчиво протянула Кэролайн.

Доринда оторвалась от возни с ребенком и удивленно взглянула на ее радостное лицо.

— Наверное, но, боюсь, большие зарплаты на этой фабрике в Ньюнеме слишком притягательны. В наше время молодые девушки неохотно соглашались на домашнюю работу и уход за детьми, и я не могу их осуждать. Они понимают, что этого у них и так будет достаточно после замужества...

— Но разве ты не понимаешь? — заволновалась Кэролайн. — Я могу этим заняться. Я часто присматривала за детьми Джейн, так что она не станет возражать. Мне это нравится, а Джейн, я знаю, хорошо платит. Если мы сложим наши деньги, Доринда, и я буду зарабатывать, то смогу оставаться с тобой весь день. Уверена, Джейн согласится привозить детей сюда. Мне кажется, это отличный выход.

Глаза Кэролайн сияли от радости, когда, изложив свой план, она взглянула на сестру, но на лице той не появилось даже улыбки.

— Я не могу позволить тебе, Кэролайн, погрязнуть в домашних заботах в твоём юном возрасте, — заявила она. — Ты должна общаться со сверстниками, танцевать, наслаждаться жизнью, встречаться с молодыми людьми. Я сломала свою жизнь, но не могу позволить, чтобы ты расплачивалась за мои ошибки. Нет, я тебе не позволю. И пожалуйста, пойми меня, дорогая. Это несправедливо. Ты не должна жертвовать своей жизнью ради меня. — Доринда подошла к Кэролайн, положила руку на плечо и легко коснулась губами её лба, как бы завершая этим их спор. Потом твердо добавила: — Я справлюсь.

Однако вскоре Доринда убедилась, что она ошибалась. Кэролайн не собиралась отказываться от своей затеи и, поскольку у нее не было склонности к работам, которые ей уже предлагала сестра, собиралась бороться до конца. Доринду поразило железное упорство Кэролайн. Она вспомнила их редкие детские споры, когда ее сестра упрямо стояла на своем, твердо отказываясь изменить решение, которое считала правильным. Так и на этот раз после долгих часов уговоров Доринда почувствовала, что выбилась из сил и ее попытки переубедить Кэролайн ни к чему не привели.

Наконец, после очередного отказа, она не выдержала:

— Хорошо, хорошо! Твоя взяла, дорогая. Ты всегда была сильнее меня, и если мы сейчас не прекратим спорить, то это будет длиться всю ночь. Я сдаюсь! — Доринда шутливо подняла руки, улыбнулась измученной улыбкой и упала в глубокое кресло.

Кэролайн подбежала к ней и опустилась рядом на колени.

— Я тебя утомила, прости. Но ты должна признать, что это самое лучшее решение. А что касается всех этих глупостей насчет любви, молодых людей и танцев, то ты прекрасно знаешь, что мне всегда нравилось сидеть дома с папой. Я ни разу не встретила мужчину, который мне понравился бы. Думаю, я прирожденная старая дева! — решительно заключила она.

Глядя на копну ее волос, освещенных светом лампы, блестящие глаза, полные радости, и красивую фигуру, выгодно подчеркнутую обтягивающим свитером и выцветшими, но чистыми джинсами, Доринда с трудом сдержалась от смеха, когда представила пятидесятилетнюю Кэролайн в сельском доме в окружении кошек. Почувствовав прилив любви к сестре, она подумала: а могла бы сама так искренне пожертвовать собой ради нее? И из ее глаз покатались слезы.

— Спасибо тебе, Кэролайн, — хрипло произнесла Доринда. — Надеюсь, придет день, когда я смогу отплатить тебе за твою верность и понимание. Такой замечательной сестры больше ни у кого нет.

— Пошли! — воскликнула Кэролайн. — Пора уже поесть. Я умираю от голода!

И они со смехом побежали на кухню.

За следующие несколько месяцев Доринда, к удивлению Кэролайн, сильно изменилась. Когда ее стройное, изящное тело начало округляться, стало меняться и ее отношение к будущему ребенку. Она не строила никаких планов, не готовилась к его рождению.

Кэролайн вязала крошечные жакетики, хорошенькие маленькие ботиночки и варежки, пытаясь пробудить в Доринде одобрение или хотя бы слабый интерес, но та лишь равнодушно смотрела на них или пожимала плечами.

Доринда целыми днями уныло сидела дома и страдала от таких сильных приступов депрессии, что Кэролайн встревожилась и настояла на приглашении доктора Томаса, их семейного врача.

Его диагноз был непреклонен.

— Физически она совершенно здорова. Но меня беспокоит ее душевное состояние. Где ее муж?

Кэролайн не знала, что сказать. Она не хотела лгать, но и не имела права выдавать Доринду, поэтому уклонилась от прямого ответа:

— Он работает за границей.

— Пора вызвать его домой к молодой жене. Она тоскует, вот в чем беда. Тоскует по нему! Если он в ближайшем будущем не приедет, я не отвечаю за последствия. — И, подняв чемоданчик, доктор Томас покинул дом.

Уже усаживаясь в машину, он пообещал:

— Я снова загляну на следующей неделе, а пока пришло к вам Нору Мейсон. Твоей сестре будет неплохо познакомиться с будущей акушеркой. Она научит ее необходимым упражнениям и будет следить за ее состоянием.

Слова врача подтвердили опасения Кэролайн. Причиной тоски и апатии Доринды, ее ужасных истерик по ночам было подлое поведение Вито Викари. Доринда все еще любила его, хотя он не удосужился ответить на ее письмо, в котором она сообщала, что он скоро станет отцом. Кэролайн не понимала, как Доринда могла связаться с таким подлецом.

Когда она вошла в комнату сестры, Доринда лежала на кровати, тупо глядя в окно. Кэролайн решила попытаться уговорить ее еще раз написать отцу ребенка:

— Милая, может, тебе написать Вито? В конце концов, с твоим первым письмом могло что-то случиться. Если Вито путешествует по всему земному шару, то получить письмо ему могло помешать что угодно. Я думаю, что почтовые службы в некоторых отдаленных местах находятся в примитивном состоянии и было бы несправедливо осуждать Вито, если он не получил письмо. — Кэролайн показалось, что она заметила в глазах сестры искорку интереса — такое ведь могло не прийти Доринде в голову, и потому продолжила: — Почему бы не послать ему еще одно письмо? Он может быть в больнице, или с ним произошел несчастный случай. Всякое могло случиться. — Встревоженный взгляд Доринды внушил Кэролайн надежду. Затаив дыхание, она ждала ее ответа. И не была разочарована.

Доринда взволнованно спросила:

— Почему ты считаешь, что он может лежать в больнице и не иметь возможности связаться со мной? Надеюсь, это не так! Я не вынесу, если с ним что-то случилось. Если бы это было так, его кузен уже давно начал бы поиски.

— Кузен? Ты не говорила, что у него есть кузен. А с ним ты связывалась?

Доринда рассеянно ответила:

— Нет... Кэролайн, ты правда думаешь, что с Вито могло что-то случиться? Я должна знать. Вдруг он действительно лежит где-то больной. Он мог даже умереть! — При этой мысли лицо Доринды смертельно побледнело, и она встревоженно попросила сестру передать ей письменные принадлежности, лежащие на туалетном столике.

Вскоре Доринда занялась письмом, и Кэролайн весело сбежала вниз, страшно довольная собой. Похоже, Доринде удастся справиться с тоской и вновь начать жить. На одно ужасное мгновение она представила, что может случиться, если и это второе письмо останется без ответа. Но об этом лучше было не думать. Вито должен ответить! Пожалуйста, пусть он ответит, шептала Кэролайн про себя.

Позже она даже подсчитала, когда приблизительно может прийти ответ. Самое большее — через пять недель, и девушка стала страстно молиться, чтобы такое произошло. Однако письма не было.

Все это время Доринда была совсем другой. Казалось, она уцепилась за объяснение Кэролайн, как утопающий цепляется за соломинку. Доринда весело болтала о ребенке, уверенная, что родится мальчик, решила, что назовет его Вито в честь отца. Она заказала коляску и колыбельку и уже подумывала купить большого плюшевого мишку. Даже близнецы, ставшие практически членами семьи, на которых Доринда последние несколько недель совсем не обращала внимания, заметили в ней перемену. Ее волнение отражалось только в вопросе, который она каждое утро задавала Кэролайн:

— Мне еще не пришло письмо?

Глаза Доринды постепенно утрачивали блеск. С каждым днем ее шаги становились более тяжелыми, а когда прошло примерно семь недель, она вновь погрузилась в отчаяние и так горько плакала каждую ночь, что Кэролайн стала бояться, что ее сестра умрет от тоски.

Она упрекала себя: «Почему я не оставила все как есть? Сейчас Доринда уже смирилась бы. А я причинила ей ненужную боль. Но я была уверена, что есть какая-то причина в молчании Вито. Доринда не могла так ошибиться в любимом человеке. Ненавижу его за все страдания, которые он причинил ей! Я никогда не прощу его. Никогда!»

Наконец однажды вечером начались роды. Врач и акушерка приехали через пять минут. Кэролайн сидела на постели Доринды, держала ее дрожащую руку и шептала:

— Не бойся, милая. Я с тобой. Скоро все закончится.

— Мне все равно, что будет с ребенком, — вдруг с горечью произнесла Доринда. — Разве ты не понимаешь? Я хочу умереть. Мне больше незачем жить.

Кэролайн пришла в ужас:

— Доринда, ты не можешь говорить это серьезно! Что я буду делать без тебя? А как же ребенок?

— Лучше бы он тоже умер, — в отчаянии ответила Доринда. — Мне все равно.

Кэролайн не успела ей возразить, потому что доктор и акушерка попросили девушку выйти.

Казалось, она ждала внизу целую вечность, расхаживая по комнате взад и вперед, словно взволнованный отец. Это сравнение ее насмешило, и Кэролайн с грустью подумала о том, где теперь Вито Викари. Наверное, развлекается с другой доверчивой девушкой, решила она.

Наконец раздался слабый крик младенца. Кэролайн встrepенулась и домчалась до двери спальни как раз в тот момент, когда оттуда показалась голова Норы Мейсон. Акушерка, широко улыбаясь, объявила:

— Мальчик. У него такие прелестные черные глазки и густые черные волосы.

— Можно мне войти? — встревоженно спросила Кэролайн. — Могу я увидеть Доринду? С ней все в порядке?

— Дай нам еще пару минут, и увидишь их обоих.

Через пять минут Кэролайн глядела на своего племянника. Его крошечные толстые пальчики с нежными розовыми ноготками очаровали ее, и она с восхищением произнесла:

— Доринда, посмотри, какое прелестное существо!

Кэролайн была так увлечена разглядыванием младенца, что не сразу заметила, что сестра, устало лежащая на постели, ей не ответила. Она вопросительно взглянула на Доринду. На ее лице не было радости и гордости, столь обычных для матери. Только равнодушие и невыносимая усталость. Доктор вывел Кэролайн из комнаты.

— Ты послала за ее мужем? — сурово спросил он.

Кэролайн была так обеспокоена поведением Доринды, что ответила не сразу:

— Да, но он не смог приехать.

Доктор пронзительно взглянул на нее:

— Мне не нравится, как ведет себя Доринда. Меня беспокоит ее отношение к ребенку. Я нередко сталкивался с тем, что женщины по какой-то причине испытывают к младенцам неприязнь. Но в данном случае все серьезнее. Ты не можешь заставить ее мужа-идиота приехать немедленно?

Кэролайн кивнула, и доктор сочувственно продолжил:

— Не тревожься так, дитя мое. Ты слишком многое взвалила на свои хрупкие плечи. Пора бы тебе выйти замуж за какого-нибудь хорошего человека, чтобы он беспокоился вместо тебя.

Кэролайн ледяным взглядом посмотрела на доктора Томаса, думая, что после всего только что ею увиденного уж лучше остаться одинокой, чем испытать подобное.

Следующие дни были для Кэролайн очень напряженными — постоянная стирка пеленок, подготовка бутылочек и попытки уговорить Доринду хоть что-нибудь съесть. Вито-младший плакал без остановки. А мать не хотела его видеть. Она наотрез отказалась кормить бедняжку. Кэролайн и уговаривала ее, и умоляла, но Доринда по-прежнему лежала, уставившись в окно, находясь в каком-то своем мире.

Доктор Томас пытался успокоить Кэролайн, но и его взгляд был тревожным, когда он сказал:

— Оставь ее ненадолго в покое. Эта травма должна скоро пройти. Эмоциональный шок заставил ее отгородиться от остального мира, но я уверен, что она придет в себя, когда появится ее муж. Полагаю, он уже в пути?

Проницательный взгляд врача подтвердил опасения Кэролайн, что он уже обо всем догадался, и у нее появился соблазн все ему рассказать. Она вся холодела при мысли, что если Вито Викари больше не появится, то Доринда может никогда не выйти из этого состояния.

Плач ребенка вернул ее к жизни. Кэролайн быстро простилась с доктором, оставив его вопрос без ответа, и поспешила к маленькому Вито. Теперь он плакал, только когда был голоден, в отличие от первых четырех дней жизни, когда кричал так пронзительно, что весь синел. Нора Мейсон говорила, что у него такой нрав, но Кэролайн полагала, что ему просто нужны любовь и защита матери.

Она вынула его из кровати, ласково воркуя. Его беспомощность вызывала у нее слезы. Кэролайн была уверена, что стоит Доринде взять малыша на руки, как она не устоит в своем упрямстве.

На следующий день, готовя ванночку, она поднесла ребенка к матери, которая уныло лежала на постели, глядя в окно.

— Не поддержишь его минутку, Доринда? Мне надо измерить температуру воды.

Кэролайн была готова к отказу, но не к такому полному ненависти взгляду, который мать бросила на сына, и к горечи в ее голосе, когда она закричала:

— Нет! Убери его! Я не желаю его видеть!

Кэролайн поспешно вынесла ребенка из спальни подальше от Доринды.

— Милый мой, — шептала она, глядя на него. — Что нам делать с твоей мамой? Как нам ей помочь?

Вито смотрел на нее детским отсутствующим взглядом, и его беспомощность вызвала в сердце Кэролайн материнский инстинкт. Она погладила его шелковистую щечку и тихо прошептала, словно давая клятву:

— Я позабочусь о тебе, малыш. Если мне придется посвятить тебе мою жизнь, я так и сделаю.

Ребенок вздохнул, словно удовлетворился ее словами, и закрыл глаза. Кэролайн рассмеялась своим нелепым мыслям о том, что малыш мог ее понять, уложила его в коляску и занялась приготовлениями к купанию.

Когда Кэролайн вошла с подносом в спальню Доринды, та попыталась извиниться:

— Прости, что устроила сцену, Кэролайн. Наверное, ты мной уже сыта по горло. После завтрака я встану и помогу тебе по дому. Я буду делать все, что захочешь, но прошу тебя, не проси меня заботиться о малыше. Я не могу прикоснуться к нему! — выкрикнула она с истерическими нотками.

Увидев блестящие, полные слез глаза Доринды, Кэролайн прикусила губу и поспешно

ответила:

— Пока не думай об этом. Просто поправляйся. Остальное придет, я в этом уверена. Доктор Томас будет рад, если ты встанешь. Только вчера он сказал, что было бы неплохо заставить тебя немного двигаться. Но никакой работы по дому! Я поставлю тебе стул в саду.

Кэролайн поспешила собрать для Доринды белье и одежду. Такой шанс нельзя было упускать. Доктор Томас считал, что необходимо как можно быстрее заставить ее проявить хотя бы малейший интерес к жизни. Выход на улицу будет первым шагом к этому.

Спустя полчаса Доринда уже сидела в саду с книжкой в руках, которую не собиралась читать.

И тут раздались веселый свист почтальона, грохот почтового ящика. Доринда инстинктивно повернула голову и увидела, что Кэролайн идет по лужайке к ней и держит перед собой конверт так, словно он может ее укусить.

— Это тебе, — произнесла она сдавленным голосом.

Доринда сильно побледнела, взяла конверт, взглянула на почерк. Потом медленно покачала головой:

— Это от Рене. Интересно, что ему нужно?

Кэролайн была не в силах скрыть разочарование. Она уже почти не надеялась, что Вито Викари напишет сестре, но все-таки ее оптимистическая натура брала верх. Услышав ответ Доринды, Кэролайн совершенно сникла и ушла в дом.

Шли дни, и Кэролайн была несколько уязвлена, потому что Доринда так и не рассказала ей, о чем написал Рене. Но успокаивала себя тем, что с каждым днем лицо сестры становилось все более румяным. И хотя Доринда по-прежнему порой предавалась унынию, все же она теперь каждое утро вставала и даже получала разрешение немного подмести или приготовить овощи к обеду, пока Кэролайн мыла и кормила малыша Вито, следила за близнецами.

Джейн по-прежнему привозила их точно к девяти утра, и поэтому, когда однажды запоздала на полчаса, Кэролайн не на шутку разволновалась, недоумевая, что могло случиться. Но наконец услышала, что перед домом остановилась машина, затем послышался топот маленьких ножек, и два крошечных существа, словно ураган, ворвались в дверь и бросились к Кэролайн. А лицо их матери так и светилось от счастья, и Кэролайн догадалась, что она получила весточку от мужа и ей не терпится ею поделиться. Так оно и оказалось.

— Я только что получила замечательное известие! — воскликнула Джейн. — Джим нашел работу на берегу. Он написал, что больше не может находиться вдали от нас и что все уже решено. В следующую пятницу мы встретим его в Саутгемптоне, вместе отправимся присматривать дом, а пока будем жить в гостинице! Кэролайн, я так счастлива! — Она схватила детей и принялась вальсировать с ними по кухне, пока у нее не закружилась голова.

Кэролайн была так рада за подругу, что чуть не заплакала. Позже она, конечно, расстроилась, так как это событие сильно влияло на судьбу малыша и Доринды, но в тот момент думала только о счастье Джейн и о том, что близнецы наконец-то будут жить с отцом, которого они обожают, а видят редко. Ее лицо помрачнело, лишь когда она подумала, как ей будет не хватать Джейн. Видимо, эта же мысль пришла и в голову подруги, потому что она взволнованно произнесла:

— Ты обязательно приедешь к нам в гости, как только мы устроимся? Мы не должны потеряться. Эти крохи будут ужасно скучать, и я смогу успокоить их лишь обещанием, что ты скоро приедешь.

— Только попробуй избавиться от меня! — улыбнулась Кэролайн, глядя на счастливых близнецов и их мать. — Я буду на твоём пороге, как только ты напишешь, что готова к приему гостей.

— Ты, Доринда и малыш будете первыми, — твердо заявила Джейн, — и мы настоим, чтобы вы остались у нас надолго, так что готовьтесь...

— Что будет с твоей практикой, когда ты уедешь, Джейн?

— И тут мне повезло. Знаешь молодого Колина Гранта? У его отца ферма примерно в пяти милях отсюда. Так вот, Колин только что закончил ветеринарную школу и искал работу в наших краях. Его отец на днях поинтересовался, не продам ли я ему практику. Я попросила его дать мне время подумать, поскольку предложение очень заманчивое, а теперь я смогу ему ответить.

Излагая свои планы, Джейн сияла от счастья. Но у нее еще была работа, а потому, тревожно взглянув на часы, она поспешно взяла перчатки, сумочку, обняла детей и направилась к машине.

Кэролайн пошла передать ее новости Доринде, которая сидела в саду. Конечно, Доринда порадовалась за Джейн, но, когда Кэролайн закончила рассказывать, нахмурилась и обеспокоенно спросила:

— А как же мы будем жить без денег, которые Джейн тебе платит? К концу недели у нас останется совсем мало. Что будем делать, Кэролайн?

Кэролайн знала, что если Доринда начнет переживать, то все улучшения, которые произошли в ее состоянии, окажутся напрасными. Поэтому, приняв небрежный вид, уверенно заявила:

— Об этом не беспокойся. Мы справимся. Что касается еды, то в эти месяцы нам будет легче. В саду полно овощей, салата, и уже скоро поспеют плоды. Голодать мы не будем. Можно даже продать излишки в магазины.

Но Доринда не успокоилась.

— Все-таки одной из нас придется найти работу, — уныло констатировала она и перевела взгляд на коляску в дальнем углу сада. — А это значит, что мне придется оставаться с ним, пока ты будешь на работе. — И по ее лицу пробежало выражение отвращения.

Если бы Кэролайн не знала, что это последствие нервного расстройства, в котором Доринда не виновата, то она отчитала бы сестру за такое отношение к сыну. Но Кэролайн помнила наставление доктора Томаса, что Доринду ни в коем случае нельзя упрекать за такое противоестественное поведение.

«Время излечивает все, — постоянно повторял он. — Тебе может быть сложно в это поверить, Кэролайн, но когда ты будешь в моем возрасте, то поймешь, что это правда».

— Пожалуйста, не волнуйся, Доринда, — успокоила Кэролайн сестру. — Я не собираюсь вас оставлять. — И решительно перевела разговор на другую тему.

Совсем скоро Джейн и близнецы отправились в путь. Все шло гладко, были улажены дела с продажей практики, дома и мебели, и наконец настал день прощания. Кэролайн отправилась проводить их на вокзал, а поскольку не могла оставлять Доринду с ребенком, то взяла с собой и Вито в коляске. Накануне вечером она предупредила сестру, что, проводив Джейн с детьми, пойдет в гости к другой своей подруге, с которой не виделась уже много месяцев. К ее удивлению, Доринда сразу же согласилась и велела Кэролайн не торопиться, как следует провести время в городе.

И вот наконец последнее медвежье объятие Джейн, пара слюнявых поцелуев близнецов, и все трое уехали из жизни Кэролайн. Сквозь слезы она смотрела вслед уходящему поезду и чувствовала, как ее сердце наполняется тоской.

Школьная подруга Кэролайн Элин Сондерс вышла замуж всего год назад и жила теперь с мужем-бухгалтером в аккуратном домике на окраине города. Она радостно приветствовала гостью, а взглянув на ребенка в коляске, расцвела.

— Какая прелесть! — заворковала Элин и тут же попросила разрешения подержать Вито.

Кэролайн не стала возражать, потому что его нужно было накормить и переодеть, после чего он опять быстро заснет.

А когда малыш уgomонился, подруги всласть посплетничали. Кэролайн была подружкой невесты на свадьбе Элин и почти всю жизнь знала ее мужа, так что им было о чем поговорить. Элин также знала Доринду и Джейн, и ей было интересно, как они поживают. В общем, день пролетел незаметно. Когда муж Элин Джим поставил машину в гараж, Кэролайн решила, что ей пора уходить, но хозяйева уговорили ее остаться на обед. И только после него, когда уже стемнело, Джим настоял, что отвезет девушку домой.

Когда они подъехали к дому, Кэролайн с удивлением обнаружила, что в окнах нет света. Предположить, что Доринда куда-то ушла, было настолько маловероятным, что она тут же занервничала. Джим отказался зайти на чашку кофе, объяснив, что ему еще предстоит вечерняя работа с бумагами, и Кэролайн в тревоге поспешила к двери. Почему Доринда не открыла ей, как обычно? Ведь она наверняка слышала подъехавшую машину.

Наконец Кэролайн вошла в дом и встревоженным голосом позвала:

— Доринда! Где ты? Мы пришли.

Ответа не последовало. В доме было тихо, как в могиле. Кэролайн оставила коляску с Вито в гостиной и бросилась вверх. Может, Доринда почувствовала себя плохо и легла в постель? Спальня сестры была пуста. С каждой минутой Кэролайн все сильнее охватывало дурное предчувствие. Она опять сбежала вниз и прошла на кухню. Там все было прибрано. Очевидно, Доринда вымыла посуду, но, когда Кэролайн заглянула в холодильник, оказалось, что сестра даже не притронулась к приготовленному для нее завтраку.

Кэролайн начала дрожать. Что, если в дом забрался бродяга и напал на Доринду? «Глупости, — успокоила она себя. — Если бы это случилось, она была бы здесь». И тут увидела письмо, прислоненное к чайнику. Кэролайн медленно протянула к нему руку, в страхе разорвала конверт и начала читать.

Когда она закончила, кровь отлила у нее от лица. Кэролайн медленно прошла в гостиную, где в коляске лежал ребенок, посмотрела на его вьющиеся черные волосы, ангельское личико и в отчаянии упала рядом с ним на колени. Ей не было нужды перечитывать письмо. Каждое слово

отпечталось в ее мозгу огненными буквами:

«Дорогая Кэролайн! Не знаю, простишь ли ты меня когда-нибудь, но я должна это сделать. Я уезжаю. Когда ты прочтешь это письмо, я буду в пути уже шесть часов. Мне было нелегко принять такое решение, но я считаю, что оно правильное. В письме, которое я получила от Рене, он спрашивал, согласна ли я на работу моделью, что означает путешествия по всему миру. Мне кажется, так я смогу узнать какие-нибудь новости о Вито. Как только увижу его и услышу, что он не хочет больше меня знать, я вернусь домой. Не пытайся найти меня, Кэролайн, потому что я не вернусь, пока не отыщу его. Не могу дать тебе никакого адреса, потому что сама точно не знаю, где буду работать, но постараюсь присылать тебе деньги. Пожалуйста, прости, что я уехала тайно, но я знаю, что ты пыталась бы меня остановить, а это совершенно бесполезно.

Твоя любящая и благодарная сестра».

Глава 3

Был прекрасный день, солнце ярко светило с самого утра, но ранним вечером жара уже немного спала. Аромат цветов разносился по всему саду, где под любимым деревом лежала Кэролайн. Вито, крепкий, веселый малыш, которому исполнилось полгода, ползал рядом, пытаясь схватить прядь блестящих золотых волос. Кэролайн весело смеялась, уклоняясь в сторону от маленькой ручки, а малыш радостно хихикал над ее проделками и визгом выражал свой протест.

Кэролайн не услышала шума большой машины, подъехавшей к дому, и не заметила мужчину, который, прищурившись, наблюдал за ними. Его внимание было приковано к Кэролайн. Он внимательно оглядел ее — от буйных прядей золотых волос, милого лица и фиалковых глаз до длинных, стройных ног в узких выцветших джинсах, прежде чем направился к ней. Почувствовав, что она не одна, Кэролайн быстро села и с открытым ртом уставилась на высокого, смуглого красивого незнакомца, который как-то странно смотрел на нее.

У него была выправка гладиатора и такой надменный вид, что Кэролайн напряглась от негодования. Когда же незнакомец заговорил, то в его голосе прозвучал неприкрытый сарказм:

— Я имею удовольствие лицезреть мисс Линдсей?

Кэролайн поднялась, непроизвольно отряхнула траву с джинсов и тщетно попыталась привести в порядок растрепавшиеся волосы.

— Да, — натянуто ответила она. — Чем я могу вам помочь?

Мужчина огляделся и спросил:

— Мы можем где-нибудь поговорить, мисс Линдсей?

— Что такого вы можете сообщить мне, чего нельзя сказать здесь? — Кэролайн не желала, чтобы этот тип врвался в ее жизнь, только чтобы попрактиковать свои надменные манеры. Она выставила подбородок вперед и угрожающе уставилась на мужчину.

Всего лишь на одно мгновение незнакомец слегка смутился, затем молча достал из бумажника

визитную карточку и протянул ей.

Кэролайн охнула от удивления, увидев имя. Викари! Мужчину звали Доменико Викари!

Ее лицо порозовело, когда она протянула ему карточку обратно и грубовато предложила:

— Идемте в дом.

Мужчина так надменно улыбнулся, что Кэролайн захотелось его ударить. В гостиной она предложила ему сесть, а сама направилась вскипятить чайник. Даже если этот человек принадлежит к ненавистному клану Викари, она обязана проявить гостеприимство. Кэролайн была приучена с почестями принимать гостей, и эту привычку было нелегко искоренить. Тем не менее ее мысли были спутаны, когда она вернулась к Викари, который с интересом оглядывался по сторонам.

— Вижу, у вас есть неплохие скульптуры и картины, мисс Линдсей. Подарки поклонников?

Его пренебрежительный тон заставил Кэролайн задохнуться от гнева, но тут же она вдруг поняла, что он принял ее за Доринду. Очевидно, Доменико Викари готовился встретить бессердечную авантюристку или девицу, с которой можно весело провести время. Такой вполне способен дать ей чек за оказанные услуги, зловеще подумала Кэролайн. Плата за то, что она развлекла одного из членов его семьи, когда он находился далеко от дома.

Ее кровь закипела, когда она вспомнила, как они пострадали от его милого кузена, ведь Доринда как-то упомянула, что у Вито был кузен по имени Доменико, и ей отчаянно хотелось причинить ему боль, которую они испытали сами.

— Возможно, — изысканно вежливо ответила Кэролайн. — Девушка должна смотреть в будущее, синьор Викари, а что может быть лучше вложения денег в предметы искусства?

Викари с отвращением взглянул на нее, и его крепкие белые зубы скрипнули от гнева. Надменным жестом он указал ей на стул, и Кэролайн повиновалась с негодующим видом, который он то ли не заметил, то ли просто проигнорировал. Из кармана своего безупречно пошитого костюма он вытащил тончайший платиновый портсигар и вежливо предложил ей. Когда Кэролайн отказалась, спросил ее разрешения закурить и задумчиво уставился на нее сквозь пелену дыма. Кэролайн терпеливо ждала, когда он заговорит. Наконец, внимательно изучив ее неряшливый внешний вид, Викари спросил:

— Насколько хорошо вы знали Вито, мисс Линдсей?

Кэролайн уже собиралась ответить, что вообще его не знала и не желала бы знать, но тут вспомнила уничижительные замечания Викари насчет предметов искусства и то, что он, очевидно, принял ее за Доринду. Тогда она приняла наигранно-равнодушный вид и ответила:

— Насколько в наше время можно знать отца своего ребенка. Нам было хорошо вместе, очень хорошо, но, к несчастью, я осталась с малышом на руках, в то время как милый Вито совершенно свободен, а его преданный кузен готов прикрыть грешки родственника. Полагаю, вы прибыли с этой целью, синьор Викари? Предложить компенсацию матери его ребенка? И как часто вам приходится выполнять подобную работу? Она вам по вкусу?

Кэролайн была поражена своими актерскими способностями, причем ее голос звучал все презрительнее, стоило ей лишь подумать о страданиях Доринды и покинутом родителями маленьком Вито.

Внезапно рука Викари схватила ее за запястье. Его стальные пальцы впились в ее нежную кожу. Ледяным голосом он произнес:

— Вито мертв, мисс Линдсей, и погубило его собственное безрассудство, когда он сел на не вполне пригодный для полета самолет, чтобы побыстрее добраться до вас. Если бы он дождался рейса на исправном самолете, то был бы теперь жив, но нет, его любовь к вам была настолько сильна, что он был не в силах потерпеть даже несколько дней. Обугленные останки самолета нашли в глухом месте, после того как жена пилота добилась, чтобы на поиски пропавших была послана спасательная экспедиция. По всем признакам они оба погибли.

Глаза Кэролайн потемнели от ужаса, когда Викари бросил ей в лицо эти слова без тени сочувствия. Его пальцы по-прежнему сжимали ее руку, но она больше этого не чувствовала. Сердце Кэролайн переполнилось болью, когда она подумала, как будет страдать Доринда, узнав о гибели Вито. С безмолвной мольбой Кэролайн подняла глаза:

— Нет! Пожалуйста, скажите, что это неправда! Этого не может быть! Что будет с ребенком? Как мне воспитать его без отца? — Она подумала, что весть о гибели Вито еще больше отдалит Доринду от сына и вызовет у нее еще большую депрессию.

Кэролайн в отчаянии заломила руки. Пальцы Викари оставили на ее запястье глубокие полосы, и когда к ним постепенно прилила кровь, они стали ярко-красными, уродливыми. Викари взглянул на ее руку, и его щеки покраснели. Он нежно взял Кэролайн за запястье и принялся поглаживать кончиками пальцев. Его гнев мгновенно улетучился при виде ее очевидного горя, и он заговорил мягким голосом:

— По этой причине я и приехал, мисс Линдсей. Чтобы позаботиться о вас обоих. Мой кузен хотел бы этого. Я многим обязан Вито и его матери и пришел к вам, чтобы исполнить его желание. Я только надеюсь, что вы согласитесь на мой план.

Кэролайн подозрительно посмотрела на него. Она не верила его мягким манерам. И хотя говорил он ласково, его уверенный вид свидетельствовал о том, что ей придется подчиниться, хочет она того или нет.

— Какой план?

— Я решил, что для нас самым простым выходом из ситуации было бы пожениться.

Не успел он закончить эту фразу, как Кэролайн вскочила и гневно закричала:

— Вы сошли с ума! Пожениться? Да я лучше умру! — Ее голубые глаза метали молнии.

Доменико откинулся на спинку кушетки, небрежно закинул ногу на ногу и так прищурился, что его глаза превратилась в две узкие щелочки. Холодным и четким тоном он повторил свое предложение. Кэролайн чуть не задохнулась от ярости, но не успела она найти уничтожающие слова, как он продолжил:

— Ребенок получит воспитание, достойное положения его отца. Его жизнь будет обеспечена, а когда он достигнет совершеннолетия, то автоматически станет партнером одной из крупнейших и известнейших в Италии, а также во всем мире фирм, занимающихся экспортом и импортом. Кроме того, он унаследует значительное состояние. Неужели вы хотите лишить его таких возможностей из-за простой неприязни ко мне? — И, немного помолчав, добавил: — Уверен, что вы сумеете примириться со мной, если я предложу вам беспечную и роскошную жизнь.

Кэролайн был отвратителен его уверенный и насмешливый взгляд. Она почувствовала, что ей доставило бы огромное удовольствие ударить по этому надменному, невероятно красивому лицу. Она свирепо уставилась на него, всей своей позой бросая ему вызов, но ее негодование тут же сменилось смущением, когда она заметила, что его взгляд скользит по ее фигуре, а в уголках губ играет легкая улыбка, словно он нарочно пытается смутить ее этим наглым, бесцеремонным разглядыванием. Кэролайн резко отвернулась, чтобы скрыть выступивший на лице румянец. Ей казалось, что она вот-вот сгорит от стыда, но девушка не хотела показывать Викари своего смятения.

Через несколько минут она взяла себя в руки и почувствовала, что теперь в состоянии посмотреть ему в лицо. Кэролайн отвернулась от окна, за которым играл малыш Вито, и отчетливо, язвительно произнесла:

— Синьор Викари, я не сомневаюсь в искренности ваших намерений и в том, что вы желаете нам помочь. Я также не сомневаюсь, что вы в состоянии обеспечить нас, но должна твердо отказаться от вашего предложения, потому что считаю, что мы абсолютно не подходим друг другу. Если я выйду замуж, то только за человека, которого люблю и который полюбит меня. У меня нет желания устраивать брак по расчету, несмотря на то что вы, вероятно, думали иначе, отправляясь сюда. А теперь попрошу вас уйти. Знакомство с вами было настоящим испытанием.

Кэролайн подошла к двери и распахнула ее, ожидая, что Викари покорно выйдет, совершенно уничтоженный ее ледяным тоном и величественной манерой.

К ее удивлению, он поднялся и выполнил ее молчаливую просьбу. Да еще по пути к двери помедлил и отвесил ей легкий поклон. В это мгновение Кэролайн заметила веселые искорки в его темных глазах и плотнее закрыла рот, чтобы удержать сердитые слова, которые так и вертелись у нее на языке. Викари посмотрел на свои изящные золотые часы, должно быть, удивился, сколько прошло времени, и поспешно проговорил:

— Нам еще многое нужно обсудить, мисс Линдсей. Но через полчаса мне должны позвонить в отель по очень важному делу, так что сейчас я уйду, однако после обеда я вернусь, чтобы продолжить этот разговор. А у вас пока будет время серьезно обдумать ваше положение и взвесить все преимущества моего предложения.

Такая наглость вообще лишила Кэролайн дара речи. Она молча проследила, как он сел в машину и уехал, даже не оглянувшись.

Их разговор занял не более получаса, но Кэролайн казалось, что он длился целую вечность, а она испытала настоящую бурю эмоций. Ей еще никогда не приходилось встречать человека, сила личности которого оставила бы ее выжатой словно лимон. Она удостоверилась, что Вито по-прежнему безмятежно играет в саду, убедилась, что ему не скучно, вернулась в комнату и устало опустилась на кушетку, где только что сидел Доменико Викари. Его присутствие все еще ощущалось в комнате. Легкий аромат лосьона после бритья и сигареты, которую он курил, ударил Кэролайн в ноздри. Ее негодование уже улеглось, и она принялась спокойно обдумывать сложившуюся ситуацию.

Последние слова Викари все еще звенели в ее ушах. Имеет ли она право лишать Вито возможностей, которые ему может дать богатая семья Викари? Кэролайн прикусила губу, представив, какое незавидное будущее ждет его — сына человека, на которого уже нельзя возлагать никаких надежд, и матери, которая бросила его после рождения. Ее вновь охватила горечь, когда она подумала о бессердечном поступке Доринды. Месяцы, прошедшие со дня ее

побега, немного смягчили боль, и хотя Кэролайн пыталась найти оправдание ее поведению, порой ей было до слез обидно.

От Доринды за все это время пришло одно письмо, в котором она сообщила, что уезжает из Англии. И ни слова о ребенке, беспокойства о том, как там Кэролайн справляется с ним одна без денег. Помощь, которую она обещала, так ни разу и не поступила.

Кэролайн уже сходила с ума от отчаяния, когда однажды утром к ней явился мистер Уилкинс.

У него был такой довольный и важный вид, словно он только что провернул выгодную сделку. Удовлетворение сквозило даже в голосе адвоката, когда он обратился к Кэролайн в напыщенной, старомодной манере:

— Обстоятельства сложились весьма счастливо, мисс Линдсей. Помните, я упоминал об акциях, принадлежавших вашему покойному отцу? С большим удовольствием сообщаю вам, что в данное время они пользуются огромным спросом и я уже получил выгодные предложения от заинтересованных клиентов. Дело в том, что компания, в которую вложил деньги ваш отец, произвела продукт, пользующийся большим спросом, вот цены на акции и подскочили. Думаю, со временем вы получите небольшое состояние от ваших вложений.

Мистер Уилкинс в предвкушении радостно потер руки, но его радость сменилась изумлением, когда Кэролайн стала настаивать на немедленной продаже акций. Адвокат тщетно умолял ее передумать и подождать, пока их цена не возрастет, но она решила, что это посланная свыше возможность получить немного денег, и была непреклонна. Мистер Уилкинс нехотя подчинился. Кэролайн не пришлось продавать часть бесценной коллекции отца, и она смогла купить новую одежду Вито. Но теперь на ее счете осталась столь ничтожная сумма, что Кэролайн в панике думала о том, как им с Вито жить дальше.

Она взглянула на часы и вспомнила, что пора купать ребенка. Вито весело смеялся и расплескивал воду, когда вновь появился Доменико Викари.

Услышал смех, Доменико взбежал по лестнице и появился на пороге ванной как раз в тот момент, когда Кэролайн вытаскивала ребенка из воды. Доменико впервые по-настоящему увидел малыша, и на его лице внезапно появилась широкая, почти мальчишеская улыбка.

— Позвольте мне. Пора нам лучше познакомиться, — проговорил он, протягивая к ребенку руки. И, искоса взглянув на Кэролайн, добавил: — С вами мы будем улучшать наши отношения позже.

Его дерзкие смеющиеся глаза внимательно оглядели ее фигуру. Кэролайн вспомнила, что на ней узкие джинсы, а блузка без одной пуговицы, которую оторвал Вито. Она вспыхнула и чуть не топнула ногой от ярости, сообразив, что Доменико нарочно ее провоцирует. «Этот человек говорит со мной так, словно он цезарь, а я рабыня», — с негодованием подумала Кэролайн, испытывая к нему неприязнь.

Вито уделил человеку, о котором она только что с такой яростью думала, гораздо больше внимания. Он радостно захихикал в его сильных руках, не скрывая, что ему по душе новоявленный дядя. Доменико, кажется, тоже был доволен.

В этот момент полотенце соскользнуло с плечика мальчика, и Доменико с удивлением увидел на розовой коже маленькое родимое пятно в форме сердечка.

— Родинка... Она у него с рождения?

— Да. Доктор Томас первым ее заметил. Сказал, что она идеальной формы...

Доменико передал Кэролайн ребенка, тяжело вздохнул и на мгновение прикрыл глаза ладонями, словно получил тяжкий удар, от которого не сразу мог оправиться. Потом, взглянув на изумленное лицо Кэролайн, хмуро пробормотал:

— Ладно, мисс Линдсей, я убедился — это ребенок Вито. У всех мужчин в нашем роду на плече такая же родинка. Это не может быть простым совпадением.

Выходит, до этого момента он подозревал, что этот ребенок может быть не от его кузена? Кэролайн чуть не задохнулась от гнева, оскорбившись за Доринду. Значит, он считал ее распущенной девицей, способной переспать с кем угодно?

Свирепо уставившись на Доменико, она с ненавистью проскрежетала:

— Вы самый омерзительный человек, какого я только встречала!

Если злость Кэролайн его и удивила, то он не подал виду. Лишь слегка приподнял брови, глядя на ее пылающие щеки и блестящие от гнева глаза. Затем холодным, небрежным жестом указал на маленькое, поникшее тельце малыша, который храбро боролся с приступами сонливости.

— Вам лучше отнести этого молодого человека в кроватку, мисс Линдсей. Потом переоденетесь в платье, если у вас оно есть, и мы сможем спокойно поговорить.

Кэролайн собрала вещи Вито и покинула Доменико с высоко поднятой головой.

Ее щеки по-прежнему горели, когда она соображала, во что бы одеться. Единственной пригодной вещью оказалось застиранное хлопковое платье непонятного цвета, которое Кэролайн никогда не нравилось, и она старалась не надевать его до тех пор, пока с ее платьями не стало совсем плохо. К счастью, оно единственное не выцвело, как другие. Ни минуты не сомневаясь в том, что если платье Доменико не понравится, то он тут же выскажет ей свое мнение, она натянула его, быстро причесала волосы и стала медленно спускаться по лестнице.

Его презрительного взгляда было достаточно, чтобы Кэролайн пожалела, что не оставила без внимания его наглый приказ переодеться. Но девушка быстро взяла себя в руки. «Кэролайн Линдсей, какая же ты дура! Какое тебе дело, что он думает о твоей одежде? Этот человек твой враг, не забывай!»

Она поудобнее уселась на кушетке, подобрав ноги, презрительно взглянула на Доменико и стала ждать, когда он заговорит.

Попросив у нее разрешения закурить, которое Кэролайн дала небрежным взмахом руки, он несколько минут задумчиво смотрел на нее через пелену голубоватого дыма, затем вдруг произнес:

— По-моему, мне пора узнать ваше имя.

Не ожидая этого, она спокойно ответила:

— Кэролайн.

— Кэролайн! Мне нравится. Вам идет. Поскольку вы, очевидно, написали на конверте ваше прозвище, мне пришлось разыскивать вас по адресу. Судя по некоторым фразам, я понял, что

вы писали Вито и раньше, но ваше письмо осталось без ответа. Вот я и решил, что оно стало причиной столь поспешного возвращения Вито в Англию, а также причиной его безвременной гибели, — с укором добавил он.

Кэролайн поморщилась, вспомнив, как она нелестно думала об этом молодом человеке, считая, что он обхаживает другую девушку, пока Доринда рождает его ребенка, но теперь к ее горлу подступил комок от такой несправедливости к нему.

Между тем Доменико продолжал:

— Это письмо ужасно поразило меня, Кэролайн.

Она презирала себя за то, что по ее телу пробежала волна удовольствия, когда он впервые произнес ее имя.

— Естественно, когда Вито пропал, все письма ему стали переправлять семье: Меньше всего я ожидал прочесть письмо от англичанки, подписанное словами «твоя единственная настоящая любовь», о которой я никогда не слышал и которая просила его вернуться к ней и ребенку. В вашем письме было столько отчаяния, что я почти порадовался, что он его не получил.

Кэролайн вновь вспыхнула, сообразив, что Доменико считает ее автором письма. Перед тем как задать ей очередной вопрос, он поколебался:

— Вы не думаете, что Вито мог встречаться с какой-нибудь другой девушкой, кроме вас?

Кэролайн принялась судорожно припоминать разговор с Дориндой и пришла к выводу, что та не упоминала ни о какой другой девушке.

— Нет, я так не думаю, — пробормотала она.

— Я спрашиваю потому, что до меня долетали слухи о его романе с какой-то сногшибательной моделью. Я не смог узнать ее имя или место работы, но мне рассказывали, что их видели вместе почти каждый день его пребывания в Лондоне. Вы уверены, что ничего не знаете об этой девушке?

В этот момент Кэролайн поняла, что ее обман зашел слишком далеко, и открыла рот, чтобы сказать ему правду, но он тут же сердито выпалил:

— Вам непонятно, почему у меня такие подозрения? Мне говорили, что эта девушка такая же смуглая, как женщины на моей родине, а приехав сюда, я застаю настоящую английскую розу с золотыми волосами и бархатистой кожей, которая уверяет, что это она мать ребенка Вито.

Пока Доменико говорил, его глаза скользили по ее лицу и сияющему ореолу волос. Кэролайн совсем смутилась, и слова, которые она собиралась сказать, застряли у нее в горле. Доменико еще раз окинул ее оценивающим взглядом и, судя по слегка насмешливой улыбке, тронувшей его губы, не нашел ее достойной своего кузена. Но его следующие слова вывели Кэролайн из оцепенения:

— Если хотите знать, мое предложение выйти за меня замуж было своего рода проверкой. Если бы вы ухватились за него, я бы счел, что вы просто охотитесь за богатым мужем, и обращался бы с вами соответственно. Но поскольку ваш отказ прозвучал недвусмысленно, а у меня теперь появились доказательства, что ваш ребенок действительно от Вито, я приношу вам мои извинения и надеюсь, что вы простите мои подозрения. Естественно, мое предложение

остается в силе.

Кэролайн огрызнулась:

— Но почему я должна выходить за вас? С первой минуты нашего знакомства вы намеренно пытаетесь меня спровоцировать. Вы что же, считаете меня одной из тех рабынь, которых ваши предки обожали привозить в Рим на колесницах? Поверьте мне, синьор Викари, у меня нет желания становиться женой цезаря. Хотя я благодарю вас за оказанную честь. — Она насмешливо поклонилась.

Доменико чуть раздосадованно засмеялся и, прищурившись, процедил:

— Тогда, надеюсь, вы не возражаете, если я заберу племянника к себе?

Кэролайн замерла.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что сделаю все, чтобы мой племянник вырос в той же обстановке, что и его отец. У него будут те же преимущества, что и у его отца, и обеспеченное будущее. Я могу это сделать ради его отца и ради него самого. Вы станете отрицать, что я дам ему больше, чем можете дать вы?

— Да, стану! — быстро ответила Кэролайн, застыв от ужаса. — Возможно, у вас много денег, но это не значит, что с вами он будет счастливее. Я люблю его. Он мой сын, и ничто не сможет нас разлучить!

— Я не был бы так уверен, — зловеще возразил Доменико. — Деньги имеют силу, и никто в здравом уме не станет спорить, что со мной Вито будет лучше, чем с вами. Да, я знаю, что вы его мать. Но разве вы сможете его обеспечить? Предупреждаю вас, Кэролайн, я сделаю все возможное, чтобы получить опеку над ребенком. Почему бы вам хорошенько не подумать над моим предложением? Я заберу вас в Италию. Моя жена и сын не будут ни в чем нуждаться до конца жизни. Вито будет расти среди родственников его отца, и они будут любить его, даже не зная, что он сын Вито, потому что, если вы согласитесь выйти за меня замуж, я усыновлю его. Он познакомится со своей бабушкой. Неужели вы не можете заставить себя согласиться хотя бы ради того, чтобы в жизни пожилой женщины вновь появилась радость?

Кэролайн была невыносима мысль о том, что придется расстаться с любимым малышом. Холодея от отчаяния и ужаса, она пыталась найти выход из этой запутанной ситуации. Он сказал, что сделает все возможное, чтобы получить опеку над ребенком. А если он узнает, что она не мать Вито, то сделать это ему будет еще легче. Какой суд отдаст ребенка тете без гроша в кармане? Кэролайн понимала, что проиграла. Но решила, что пойдет на все, выдержит все испытания, только бы Вито остался с ней.

Она вздернула подбородок, стиснула руки и посмотрела Доменико в глаза:

— Очень хорошо, я выйду за вас замуж.

Доменико удовлетворенно вздохнул и коснулся ее побледневшей щеки:

— Не бойся меня, Кэролайн. Обещаю, я позабочусь о вас обоих. Правда, есть кое-что еще...

— Да?

— Я хочу, чтобы ты поняла, что речи о разводе не может быть ни при каких обстоятельствах. Это очень важно, Кэролайн. Ты понимаешь?

— Да, — тихо пролепетала она. Какая разница? Если она полюбит кого-то другого, тогда и решит, как ей поступить, а сейчас ее тошнит от мужчин.

Следующие несколько дней подтвердили, что решение не бороться с Доменико было правильным.

Может, его уверенность в том, что любое его желание будет тотчас же исполнено, заставляла всех окружающих делать все возможное, чтобы удовлетворить его требования? Или их впечатляла его внушительная внешность?

Как бы там ни было, но все дела были улажены в невероятно короткий срок. Доменико распорядился, чтобы ценные предметы мебели отправили в Италию. Дом был передан агенту, который заверил, что быстро его продаст. Были сделаны паспорта, и назначен день свадьбы.

Когда Кэролайн начинала думать об этом, ее сердце трепетало, а лоб покрывали капли пота. Но стоило ей взглянуть на Вито, как все мысли об отступлении мгновенно улетучивались, поскольку ничто не могло быть хуже, чем потерять любимого ею малыша.

И теперь, когда машина Доменико остановилась перед домом, ее охватила паника. Кэролайн сидела у окна, выходящего в сад, и распахнула его настежь, чтобы впустить ночной воздух, напоенный ароматом роз, вьющихся вокруг рамы, и избавиться от ощущения удушья.

— Добрый вечер, Кэролайн, — войдя в гостиную, произнес Доменико ей в спину.

— Добрый вечер, — ответила она, не поворачиваясь.

Он схватил ее за плечо и мягко повернул к себе:

— Что-то случилось?

Кэролайн высвободилась. Она уже успела понять, что Доменико, когда хочет, может очаровать кого угодно. Иногда он забывал о противоречиях между ними и представлял перед ней той привлекательной частью своей натуры, которую так тщательно скрывал под маской холодного презрения. Ей приходилось то и дело напоминать себе, что она ненавидит его, чтобы не попасть в его дьявольскую ловушку, что, вне всякого сомнения, случилось со многими несчастными женщинами.

— Просто немного устала, вот и все. — Кэролайн постаралась, чтобы ее голос прозвучал как можно холоднее.

Доменико взглянул на ее слегка изможденное лицо, положил руки ей на плечи и, склонив голову, посмотрел прямо в фиалковые глаза.

— Бедняжка, — прошептал он.

От его близости и необычайно нежного голоса Кэролайн чуть не потеряла голову. Она слегка качнулась к нему, и Доменико тут же заключил ее в свои объятия, прижался холодной загорелой щекой к ее бархатистой щеке, и прикосновение его теплых губ вывело Кэролайн из забытья. Испытывая отвращение к себе, она вырвалась из его объятий и шагнула в самый дальний угол маленькой комнаты. Оттуда, проведя рукой по лицу, взглянула на него

потемневшими от гнева глазами.

— Не смей ко мне прикасаться!

Доменико пожал плечами и грустно улыбнулся:

— Тебя ведь уже целовали раньше? Зачем же разыгрывать из себя разъяренную героиню романа?

Значение его слов было очевидно, и Кэролайн почувствовала себя совершенно униженной. Он решил, что она дешевка. Доменико ведь ясно дал понять, что, хотя и решил жениться на ней, у него нет иллюзий насчет ее прошлого. Кэролайн просто игрушка, с которой можно скоротать пару свободных часов, а потом выбросить за ненадобностью. Гнев и отвращение к себе за те предательские чувства, которые овладели ею при прикосновении его губ, заставили Кэролайн сжать кулаки, чтобы совладать с собой. Она храбро посмотрела Доменико в глаза и ровным голосом проговорила:

— Не стоит судить меня из-за моих отношений с твоим кузеном, Доменико. Я родила от него ребенка и не жалею об этом. И хотя я выйду замуж за тебя, только он будет всегда владеть моим сердцем.

Доменико был спокоен, пока она не произнесла эти слова. А тут вдруг заскрипел зубами, словно с трудом сдерживая себя. Его глаза заблестели от гнева, но он овладел собой. Кэролайн облегченно вздохнула, когда его тело расслабилось, а хмурое выражение лица сменилось сдержанным недовольством. Однако, заговорив, он вновь своей надменностью напомнил ей римского гладиатора.

— У меня нет желания занимать место моего кузена, и, окажись он сейчас на этом месте, я с радостью передал бы ему все полномочия. Но сейчас у меня нет выбора, кроме как взять ответственность на себя. Возможно, мои попытки к сближению на данном этапе тебе отвратительны, но, уверяю тебя, со временем я все исправлю. Должен признаться в одном, Кэролайн... — Она быстро взглянула на него, поскольку его насмешливый тон вдруг сменился на нежный. — Я хочу признаться, что против собственного желания я нахожу тебя очень привлекательной.

Это было уже слишком! Обращаясь с Кэролайн подобным образом, он еще имеет наглость заявлять, что она ему нравится!

— Тогда мне остается надеяться, — сухо отозвалась Кэролайн, — что с моей стороны не будет сделано никаких шагов к сближению, поскольку ничто не может быть более отвратительным для женщины, чем неприятное для нее внимание мужчины, а ваше внимание, синьор, мне крайне неприятно.

Этот пылкий отпор не произвел на Доменико ни малейшего впечатления. Он быстро подошел к Кэролайн и опять заключил ее в стальные объятия. Она попыталась сопротивляться, но у нее не хватало сил. Доменико держал ее крепко, пока она не устала. Кэролайн почувствовала себя обессиленной, и ее плечи устало поникли. К ее удивлению, Доменико не сделал попытки ее поцеловать. Он отвел с ее лба прядь волос и решительно произнес:

— Вито мертв. Ничто не вернет его, как бы мы оба этого ни хотели. Но мы живы и молоды, и, когда поженимся, я хочу, чтобы ты забыла всех других мужчин и была верна только мне. И запомни, Кэролайн, я не убежденный холостяк. Признаю, что хочу тебя. Я пытался справиться со своими чувствами, но они с каждым разом становятся все сильнее. Ты меня поражаешь.

Очевидно, что у тебя есть опыт, но стоит мне приблизиться к тебе, как ты бросаешься бежать. Может, ты играешь со мной в такую игру? Ты то холодная и умудренная опытом, то невинная и испуганная... Мне нужна жена, Кэролайн, — жена в полном смысле этого слова. Ты понимаешь?

Она слишком хорошо его понимала, и по ее телу пробежала дрожь. Доменико ни слова не сказал о любви. Он воцелел ее тела, но в то же время презирал себя за слабость. Кэролайн храбро посмотрела на него и голосом, в котором звучали слезы, спросила:

— Но ты ведь не можешь ожидать, что я стану твоей женой, когда я тебя так мало знаю? Я согласилась выйти за тебя замуж ради ребенка, но не мог бы ты дать мне немного времени, прежде... — Краска бросилась ей в лицо, и она не нашла слов, чтобы закончить.

— Прежде чем ты станешь моей? — тихо закончил за нее Доменико.

Его объятия стали еще крепче, когда он заметил блестящие в ее глазах слезы. Потом Доменико отпустил ее и отошел к окну. Какое-то время он молча глядел в сад, о чем-то раздумывая. Кэролайн терпеливо ждала. Когда же она сделала легкое движение, потревожившее его раздумья, Доменико повернулся к ней:

— Я буду с тобой честен, Кэролайн. Обман глубоко противен мне, и я должен сказать, что чувствую. Я не могу гарантировать, что не попытаюсь заняться с тобой любовью, потому что даже сейчас твоя холодность вызывает у меня искушение схватить тебя на руки и заставить забыть, что ты знала другого мужчину. А я мог бы заставить тебя забыть, — нежно повторил он, лаская ее взглядом. Могу только обещать, что дам тебе время узнать меня получше, прежде чем приступлю к своим супружеским обязанностям. Это тебя удовлетворит? Ты выйдешь за меня на таких условиях, помня о том, что твоим мужем станет не холодный британец, а нормальный итальянец с горячей кровью?

Доменико заметил смущение Кэролайн, которое она тщетно пыталась скрыть. Кэролайн не могла столь откровенно говорить на такую личную тему. Для него любить было так же естественно, как и дышать, но Кэролайн была воспитана по-другому — с предрассудками и моральными устоями, свойственными ее народу, а потому не знала, что ему ответить. Ей хотелось крикнуть: «Нет, я не выйду за тебя замуж!» Но она согласилась сделать это ради малыша. А теперь вообще не могла рассуждать здраво, поскольку в ее ушах все еще звучали первые слова Доменико: «Обман глубоко противен мне!» Как он поступит, когда узнает, а это когда-нибудь обязательно случится, что она так ужасно его обманула? Разведется с ней? Нет, он же сказал, что о разводе не может быть и речи. Что же тогда? Какой еще может быть выход?

Внезапно, словно блеснувший в конце туннеля свет, Кэролайн вспомнила, что брак можно будет аннулировать. Ну конечно же! Почему она не подумала об этом раньше? Почувствовав облегчение, Кэролайн вернулась мыслями к их теперешнему разговору и сообразила, что Доменико ждет ответа. Интересно, что бы он сказал, если бы сумел прочесть ее мысли? Он ожидает, что она согласится выйти за него и со временем стать его женой в полном смысле этого слова, в то время как она размышляла о том, что брак можно будет аннулировать.

Кэролайн не имела понятия, как это можно будет сделать, учитывая чувства Доменико к ней, но твердо решила, что так и поступит. Когда Доринда вернется за ребенком, они все вместе уедут и забудут о существовании семьи Викари.

Эти мысли ее немного успокоили, она повернулась к Доменико и ответила:

— Очень хорошо. Если ты согласен дать мне время, я стану твоей женой.

Глава 4

Когда огромный серебристый самолет взмыл в воздух, на душе у Кэролайн стало веселее. До этой минуты ей казалось, что тяжелое широкое золотое кольцо на пальце ее левой руки давит ей на сердце. Кольцо как бы сделало Кэролайн собственностью Доменико, его пленницей.

Она с интересом рассматривала в иллюминатор зеленые заплатки земли и игрушечные поезда, мчащиеся по серебристым нитям дорог, пока все это не скрылось за облаками. Тогда Кэролайн принялась изучать внутреннюю обстановку самолета и сидящего рядом с ней человека.

Полет так захватил ее, что Кэролайн одарила Доменико сияющей улыбкой и заговорила с ним без тени враждебности:

— Как здорово! Мне хочется ущипнуть себя, чтобы поверить, что это не сон.

— Ты впервые летишь за границу?

— За границу? Да я впервые оказалась дальше чем в пятидесяти милях от дома. Просто не могу поверить, что это происходит со мной!

Удивившись этому откровению, Доменико уже не в первый раз подумал, что он многого не знает о Кэролайн и только постоянно изумляется новым сведениям о ней, пытаясь свести их воедино, чтобы составить полную картину.

— А ты часто летал на самолете, Доменико?

Он объяснил, что человек, принадлежащий к международной корпорации, и не может путешествовать иначе. Кэролайн на мгновение смутилась:

— Наверное, ты считаешь меня ужасно глупой. Боюсь, я окажусь очень скучной спутницей, потому что буду все время всем восхищаться.

— Не стоит извиняться за наивность и свежесть восприятия, Кэролайн. Это я уже ко всему привык, а ты pomoжешь мне многое увидеть другими глазами. — Доменико взглянул на безмятежно спящего Вито и обратился к Кэролайн: — Думаю, будет лучше последовать примеру этого молодого человека и немного поспать, прежде чем мы долетим до Парижа. Утром у тебя было много хлопот, а я не хочу, чтобы ты заснула сегодня вечером, когда буду знакомить тебя с городом. У нас впереди целая культурная программа, прежде чем мы отправимся завтра в Рим, одно обновление гардероба чего стоит. Откинься на спинку кресла и закрой глаза. Я разбужу тебя до того, как мы приземлимся.

Кэролайн покорно, что было довольно странно для нее, выполнила просьбу Доменико, наслаждаясь необычно приятным ощущением от того, что кто-то за нее принимает решения. Однако сон не шел, и мысли Кэролайн неизбежно вернулись к началу этого судьбоносного дня.

Утром она встала с ощущением надвигающейся опасности, и, когда вспомнила, что сегодня день ее свадьбы, ей пришлось подавить начавшуюся было панику. Я не смогу, в ужасе думала Кэролайн. Надо позвонить ему и все отменить. Ее рука уже дрожала над диском телефона, когда приехали Джим и Элин, согласившиеся быть свидетелями, чтобы помочь ей с

приготовлениями. Собственно, помогать должна была одна Элин. Джим просто подвез ее по пути в отель к Доменико, где они должны были встретиться перед началом церемонии. Другой Кэролайн этот красивый итальянец очаровал буквально с первого взгляда.

— Приеду за вами примерно через полчаса, чтобы отвезти в церковь, — предупредил Джим.

После этого у Кэролайн уже не было возможности позвонить Доменико. Элин она не могла ни в чем признаться, потому что та считала Кэролайн самой счастливой девушкой на свете. Поскольку в последние месяцы у подруг не было возможности пообщаться, Элин решила, что Кэролайн и Доменико знакомы уже давно, и даже упрекнула Кэролайн, что та не поделилась с ней известием о предстоящей свадьбе.

Кэролайн кормила и одевала Вито и оставила себе всего лишь четверть часа на то, чтобы принять душ, переодеться в свадебное платье. Элин прогнала ее в ванную и велела поторопиться. Руки Кэролайн не слушались, когда она пыталась застегнуть крошечные пуговицы, идущие сзади по кремовому лифу, переходящему в бледно-голубую юбку.

Доменико удивился, когда Кэролайн настояла на том, что она сама купит себе наряд. Он хотел приобрести для нее ужасно дорогое платье, которое она высмотрела в одном из модных журналов Доринды. Но Кэролайн была непреклонна.

— У меня есть сбережения, — величественно сообщила она, — и я смогу найти что-нибудь подходящее в Ньюеме. Там есть хорошие магазины.

— Но мне казалось, что одним из преимуществ нашего брака будет то, что ты сможешь тратить на наряды столько денег, сколько пожелаешь, — проворчал Доменико.

— Не забывай, что я согласилась выйти за тебя только по одной причине — чтобы не расставаться с Вито, — с горечью напомнила Кэролайн. — Если бы ты пообещал мне уехать и оставить нас в покое, я с радостью отказалась от мысли о роскошной жизни, которая, ты считаешь, мне важна.

Конечно, Доменико такого не пообещал, и приготовления к свадьбе продолжились.

Вся церемония прошла как во сне. Кэролайн была поражена тем, что маленькую церковь сплошь украсили белыми розами. К алтарю, где ее ждал Доменико, она шла под руку с мистером Уилкинсом. Его Доменико тоже привлек на свою сторону, проведя в его офисе всего несколько минут.

Кэролайн тихо отвечала священнику, не смея взглянуть на Доменико, который отвечал твердо и кратко, а когда, надевая ей на палец золотое кольцо, его твердая загорелая ладонь коснулась ее руки, сердце Кэролайн затрепетало. Она хотела выдернуть руку, но Доменико держал ее крепко.

Он продолжал сжимать ее руку и тогда, когда они поехали в отель, где Доменико заказал роскошный обед, и со смехом отпустил лишь после того, как она пожаловалась, что у нее онемели пальцы.

— Просим пассажиров пристегнуть ремни.

Голос стюардессы вернул Кэролайн к действительности, и она попыталась исполнить приказание. Доменико пришел на помощь и с улыбкой быстро защелкнул ремень.

Когда самолет приземлился, они собрали вещи и попрощались с очаровательной стюардессой, которая заботилась о них и Вито все время полета. Кэролайн даже подумала, вела бы она себя столь же услужливо, будь ее пассажир не так красив, как Доменико, поскольку заметила, с каким восхищением стюардесса поглядывала на него. Надо отдать должное Доменико — он не замечал этих взглядов и не отводил глаз от своей юной жены.

Отель поразил Кэролайн роскошью. Ее номер был выполнен в белых и золотых тонах. Пол покрывал белый ковер с темно-розовым узором, а высокие окна закрывали тяжелые бархатные шторы. Она даже ахнула от искреннего восхищения.

— Нравится? — с улыбкой спросил Доменико.

— Очень красиво!

— Я рад. Думаю, в наш медовый месяц все должно быть самым лучшим. Ты согласна со мной?

Кэролайн подозрительно взглянула на него, а он продолжил:

— Париж — город влюбленных, Кэролайн. Особая обстановка в номере и атмосфера могут пробудить в тебе желание любви. — Его смеющееся лицо исчезло за соседней дверью, прежде чем Кэролайн успела придумать уничтожающий ответ.

Она прикусила губу и обеспокоенно подумала, что вряд ли сможет долго сдерживать Доменико, если он будет прибывать в таком настроении.

Доменико был весел весь остаток дня. Договорившись с управляющим отеля насчет ухода за Вито, Доменико сделал несколько телефонных звонков и повел изумленную Кэролайн к такси.

— Куда мы едем? — поинтересовалась она.

— Нам надо кое-что купить, моя дорогая. Ты настояла на свадебном платье, но я больше не желаю видеть тебя в этом ужасе цвета хаки, который был на тебе в день нашего знакомства. При первой же возможности я с удовольствием выброшу его в Сену!

Кэролайн решила по-другому. Она сама терпеть не могла то платье, но яростно бросилась его защищать:

— Это не хаки! Оно бежевое. И я не собираюсь его выбрасывать, оно мне нравится. — Кэролайн понимала, что нарочно упрямится, но была полна решимости выиграть хотя бы эту маленькую битву.

Такси остановилось перед рядом скромных домов, и когда Кэролайн в сопровождении Доменико поднялась по ступеням, дверь открыл слуга, почтительно отступивший в сторону при виде Доменико. Заметив Кэролайн, он слегка поклонился, тронув фуражку.

А в комнате, куда их провели, маленькая полная женщина неопределенного возраста прошла мимо Кэролайн, обняла Доменико и быстро заговорила по-французски. Кэролайн показалось, что она по-матерински отчитывает его. Наконец Доменико остановил ее и указал на Кэролайн, которая неловко стояла в сторонке:

— Бриджит, я хочу познакомить тебя с моей женой Кэролайн. Она не говорит по-французски.

Бриджит изумленно уставилась на Кэролайн:

— Твоя жена? Боже мой! Да ты хитрец! Эта новость сведет с ума половину любящих мамочек в Риме. Ты женился?! Не могу в это поверить.

Ее маленькие черные глаза разглядывали Кэролайн. Она так пристально и долго изучала ее, что Кэролайн смутилась. Доменико молчал, а Бриджит ходила вокруг Кэролайн, словно вокруг домашней живности на ярмарке в поисках недостатков. «Наверное, сейчас она попросит меня открыть рот, чтобы осмотреть зубы», — с негодованием подумала Кэролайн. Однако была тронута, когда Бриджит, повернувшись к Доменико, заключила:

— Ты счастливый человек, Доменико. Она безупречна. — И тут же все испортила, добавив: — По крайней мере, будет, когда я поработаю с ней.

— Именно поэтому мы здесь, — объяснил Доменико. — Несмотря на всю ее красоту, английской розе нужно немного лоска, прежде чем она предстанет перед римским обществом. Ты согласна, Бриджит?

— Да, но только совсем немного, Доменико. Не стоит портить ее естественную красоту. Я точно знаю, как она должна быть одета. Ты оставишь ее мне на час или два? Конечно, за такое короткое время я не смогу подобрать ей весь гардероб, но подберу что-нибудь подходящее для сегодняшнего вечера и наряд, в котором она полетит завтра в Рим. Остальное мы пришлем, как только все будет готово.

— Хорошо. Я знал, что смогу положиться на тебя, мой друг. — И тут, к ужасу Кэролайн, Доменико потребовал: — Пожалуйста, позаботься, чтобы в ее приданое включили какое-нибудь восхитительное белье, Бриджит. Хорошо бы что-нибудь из черных кружев...

Доменико ушел под оглушительный хохот Бриджит, а Кэролайн почувствовала себя совсем раздетой.

Но скоро она поняла, что находится в руках мастера. Как только Доменико ушел, Бриджит засуетилась. Словно из-под земли появились модели и, повинувшись кратким командам Бриджит, принялись демонстрировать потрясающие наряды. Голова Кэролайн закружилась, когда она попыталась выбрать что-нибудь из восхитительной круговерти нарядов, проплывающих перед ней, и наконец решила положиться на вкус Бриджит.

От вечернего платья у Кэролайн захватило дух. Оно было из белой тафты с высоким королевским воротником, усыпанным искусственными бриллиантами. Простая прямая юбка спадала вниз, а лиф красивыми складками обтягивал молодую, упругую грудь Кэролайн. Но именно воротник придавал всю прелесть платью, окружая лицо его владелицы блестящим ореолом, отчего она стала похожа на юную принцессу. Сердце Кэролайн радостно забило, как только она представила реакцию Доменико на этот шедевр, но тут же остановилось от мысли, что в этом наряде его станет еще труднее удерживать на расстоянии. Бриджит осталась довольна.

— Ты будешь ему под стать, моя красавица, — с радостной улыбкой сообщила она. — Сегодня Париж увидит двух самых красивых влюбленных.

Кэролайн вспыхнула и обняла маленькую француженку.

— Спасибо, — застенчиво прошептала она. — Спасибо вам за все.

— Была рада помочь, милая моя. Я всегда рада служить моему дорогому Доменико, а теперь и тебе.

Она быстро отвернулась и принялась давать указания упаковать платье к приходу Доменико. Наряд, который Бриджит выбрала для полета в Рим, должны были прислать в отель позже — его еще требовалось немного подогнать по фигуре.

— А нам надо сделать кое-что еще, — заявила она, возвращаясь к Кэролайн. — Сейчас я позвоню моему парикмахеру и попрошу его сделать тебе прическу. Тогда ты будешь идеальна.

После коротких пререканий по телефону Бриджит удовлетворенно хмыкнула и сообщила Кэролайн, что парикмахер согласен.

— Не беспокойся, что Доменико придется немного подождать. Я развлеку его, — пообещала Бриджит, усаживая Кэролайн в такси, которое должно было отвезти ее в салон.

Маленький француз, которого столь бесцеремонно уговорили найти время для Кэролайн в его и без того переполненном графике, был раздражен звонком Бриджит. Но, увидев цвет волос девушки, принялся за работу с удвоенной энергией. Готовая прическа идеально соответствовала платью, описанному Бриджит, — зачесанные на затылок волосы были собраны в красивый пучок. Довольно простой и строгий стиль прически подчеркивал стройную шею Кэролайн и делал ее еще моложе.

Отмахнувшись от ее благодарности, парикмахер выразил радость, что ему доверили Кэролайн.

— Редкое удовольствие, мадам, работать с волосами такой естественной красоты.

Доменико и Бриджит попивали шерри, когда вернулась Кэролайн. Бриджит захохотала от восторга, а Доменико лишь улыбнулся и спросил:

— Ты не устала, Кэролайн? Думаю, тебе лучше отдохнуть перед ужином, прежде чем мы отправимся наслаждаться красотами ночного Парижа.

— Устала?! — воскликнула Бриджит. — Как может такая юная девушка устать, чтобы отказаться от ночи в самом романтическом городе на земле? Да еще в медовый месяц! Позор, Доменико! Если ты будешь продолжать в том же духе, я решу, что ты стал ворчливым стариком. Кэролайн, скажи ему, что я права.

С сияющими от волнения глазами Кэролайн подтвердила:

— Я совершенно не устала, спасибо, Доменико. Никогда еще мне не хотелось спать меньше, чем теперь.

Однако Доменико настоял, чтобы Кэролайн тоже выпила шерри, после чего, поблагодарив Бриджит за все хлопоты, они отправились в отель.

Вито как раз начал скучать по Кэролайн, и хотя девушка, которую наняли сидеть с ним, уверяла, что он вел себя как ангел, в последние минуты перед их возвращением он стал выражать свое нетерпение. Кэролайн положила свертки и взяла малыша на руки. Услышав знакомый голос, он сразу же успокоился, и его маленькие губки растянулись в улыбке.

— Думаешь, не страшно оставить его одного на ночь? — забеспокоилась Кэролайн.

— Конечно. Ты же сама говорила, что он спит как убитый и его просто невозможно разбудить. Девушка, которая присматривала за ним, старшая из двенадцати детей в семье. Она справится с ним, даже если он вдруг проснется.

— Но она сможет побыть с ним сегодня ночью?

— Все уже устроено. Она готова сидеть с ним столько, сколько потребуется. Я принесу ей конфеты и журналы, чтобы скоротать время. Это занятие намного интереснее ее обычных обязанностей. Думаю, мы даже оказываем ей услугу.

Кэролайн успокоилась и принялась готовить Вито ко сну, а когда начала кормить его, маленькая головка склонилась ей на плечо, и глаза малыша затуманились. Он храбро боролся со сном, но вскоре перестал ему сопротивляться.

Доменико бережно взял Вито у Кэролайн и отнес его в соседнюю со спальней комнату, которая превратилась в детскую. Там накрыл маленькое тельце одеялом и на цыпочках вышел из комнаты.

— Теперь все будет нормально. Можно идти ужинать с чистой совестью. Интересно, многие ли люди проводят медовый месяц с младенцами?

Эта мысль рассмешила Кэролайн, и глаза Доменико засияли. Впервые за время их знакомства она забыла, что перед ней враг, и широко улыбнулась ему.

Доменико подошел к ней и положил руки ей на плечи. Кэролайн не отшатнулась, как прежде, а он осторожно произнес, словно боясь уничтожить волшебство:

— Давай объявим перемирие хотя бы на одну эту ночь, Кэролайн. Давай станем просто людьми, ищущими развлечения в самом веселом городе Европы. Забудем об обстоятельствах, которые свели нас вместе, и сделаем вид, что только что встретились и ничего не знаем друг о друге.

Темные глаза пристально смотрели на Кэролайн в ожидании ответа. Она не стала колебаться. Сегодня ночью она будет просто молодой девушкой, которая собирается хорошо провести время с привлекательным мужчиной. Кэролайн не смела и думать, куда это может завести, потому что знала, что играет с огнем. Но она просто не могла дожидаться, когда же начнется этот восхитительный вечер вдвоем с Доменико. Он затаил Дыхание, заметив ее бесшабашный взгляд, и его лицо озарила улыбка, когда девушка ответила:

— Хорошо, Доменико, я согласна.

За окнами такси, которое везло их в известный ресторан, где часто бывал Доменико во время своих визитов в город, как в калейдоскопе, мелькали красивые магазины, залитые светом парки, очаровательные кафе и бульвары с подсвеченными деревьями.

Доменико терпеливо отвечал на вопросы, которыми его засыпала взволнованная Кэролайн. Она вертелась во все стороны, когда такси пролетало мимо какого-нибудь особенно интересного места, чтобы как можно лучше разглядеть захватывающие виды, которых так много в этом городе мечты.

Доменико сжал ее руку и, когда Кэролайн обратила к нему пылающее лицо, сказал, что они уже прибыли к месту назначения. В его глазах по-прежнему горел странный свет, который появился, когда он увидел Кэролайн во всем ее великолепии.

Она смущенно отвела взгляд, вспомнив сцену, разыгравшуюся в отеле перед отъездом. Их спальни с отдельными ванными комнатами находились в одном номере и разделялись гостиной. Кэролайн приняла душ и одевалась перед роскошным туалетным столиком. Не веря

своим глазам, она рассматривала в зеркале элегантную незнакомку, когда, небрежно стукнув в дверь, в ее спальню вошел Доменико.

При виде столь ослепительного зрелища в его темных глазах загорелись огоньки, и Доменико осмотрел ее от венца прекрасно убранных волос до кончиков расшитых стразами вечерних туфельек. Кэролайн, затаив дыхание и слушая, как бешено бьется ее сердце, ждала, что он скажет.

Доменико подошел к ней и крепко обнял за талию.

— Принцесса Кэролайн, — с насмешливой почтительностью произнес он, — мне почти страшно брать вас с собой сегодня вечером, потому что я боюсь, что другие мужчины убьют меня из зависти. Когда Париж увидит тебя сегодня ночью, он упадет к твоим ногам. — Доменико наклонился, одарил Кэролайн мимолетным поцелуем, от которого она растаяла, и прошептал: — Как и я, моя милая жена.

Она отчаянно старалась не поддаться приливу страсти, охватившему ее при поцелуе Доменико, и пыталась высвободиться из его объятий. Он нехотя отпустил ее, и Кэролайн принялась ругать его с наигранным негодованием:

— Доменико, это нечестно! Ты обещал, что будешь вести себя так, словно мы только что познакомились. Если ты собираешься продолжать в том же духе, я отказываюсь идти с тобой! — Она все еще дрожала от переполнявших ее чувств, о существовании которых никогда прежде не подозревала. В голове промелькнули сигналы, напоминая, как опасно поддаться очарованию и потерять голову в объятиях Доменико даже на мгновение. Кэролайн пыталась сдержать свои предательские чувства, непреодолимое стремление к тому, что было для нее запретным. Внезапно мысль о том, чтобы стать его женой, показалась* ей сладкой и недостижимой, от которой она поспешно отмахнулась. Так много препятствий стояло между ней и чудесной мечтой, блеснувшей от прикосновения властных губ Доменико. Обман Кэролайн стал непреодолимым барьером, а мысль о ярости Доменико, когда он узнает правду, заставила ее похолодеть от страха перед расплатой, которая, она знала, будет неминуема и беспощадна. На одно безумное мгновение Кэролайн представила, что скажет ему правду, но страх, что Доменико может забрать ребенка и исчезнуть из ее жизни, сдавил ее сердце мучительной болью, и она приказала себе быть сильной, чтобы противостоять искушению открыть Доменико правду и отдаться на его милость.

Он засунул руки в карманы своего безупречно пошитого костюма и свирепо отвернулся от нее:

— Ты просишь невозможного, Кэролайн! Как ты можешь требовать от меня вести себя словно статуя, когда ты выглядишь такой желанной? Теперь я понимаю, почему Вито потерял от тебя голову. — И Доменико с горечью добавил: — Никогда больше я не стану его осуждать!

При этих словах у Кэролайн чуть не вырвался крик отчаяния, но Доменико его услышал. Он быстро развернулся и пошел к ней:

— Нет! Уходи! Я не хочу, чтобы ты прикасался ко мне. Я не хочу с тобой говорить. — В этот миг Кэролайн ненавидела свое тело и все искусственные украшения, подчеркивающие его красоту, за то, что они вызывали в Доменико лишь плотскую страсть. Она не хотела, чтобы их вместе свело лишь вождление.

Доменико проигнорировал ее мольбу, схватил за плечи и заставил взглянуть в его молящие глаза.

— Прости меня, Кэролайн! Прошу, прости меня. Наверное, я самый большой эгоист во всем Париже, раз обращаюсь с тобой таким образом. Я знаю, как ты ждала этот вечер, и сумел испортить его. Но я все исправлю. Пожалуйста, Кэролайн! Давай сделаем так, как хотели, и забудем обо всем, кроме веселья. Пожалуйста!

Его молящий голос и встревоженное лицо вернули блеск ее глазам, а когда он улыбнулся нежной, любящей улыбкой, Кэролайн совсем потеряла голову. Она тихо спросила:

— Ты будешь вести себя хорошо, Доменико?

Он положил руку на сердце и с улыбкой поклялся.

Такси остановилось перед ярко освещенным фасадом ресторана, который выбрал для них Доменико. Когда они вошли в зал, все взгляды устремились на них. Мужчины восхищались прелестной юной девушкой с сияющими глазами и фигурой принцессы, а женщины с завистью взирали на ее спутника. Почтительный метрдотель проводил их к столику, и, как только они уселись, оркестр начал играть, а лампы загорелись приглушенным розовым светом. Музыка была томной и мечтательной, и несколько пар вышли на середину зала танцевать.

Доменико заказал бутылку шампанского. Похоже, официант знал его вкусы и обслуживал их в почтительной и дружеской манере. Когда он ушел, Доменико уговорил Кэролайн попробовать шампанское.

Она сделала осторожный глоток и ахнула от изумления, когда пузырьки ударили ей в нос.

Доменико подал ей белоснежный носовой платок и со смехом спросил:

— И это тоже в первый раз, Кэролайн? Ты никогда не пила шампанского? В некоторых вопросах ты совсем ребенок!

Кэролайн с достоинством ответила:

— Это не в первый раз. Я пила шампанское на свадьбе Элин, и тогда было то же самое. — Кэролайн и понятия не имела, что выдержанное вино, которое она пила сейчас, было почти не похоже на искрящийся напиток, опробованный ею на свадьбе Элин. После первых осторожных глотков она решила, что шампанское ей нравится, и, когда ее стакан почти опустел, Доменико подлил еще. Вино разлилось по ее телу, и Кэролайн стало весело. За роскошным ужином она беззаботно болтала с Доменико, и он так же весело ей отвечал. Для посторонних они были молодой парочкой, полностью поглощенной друг другом, потому что Доменико не отводил глаз от лица Кэролайн, а ее сияющий взгляд был взглядом девушки, любящейся своим возлюбленным.

Когда они поужинали, Кэролайн уже не терпелось танцевать. Самыми счастливыми моментами ее жизни были нечастые посещения танцев на Рождество, а до смерти Милдред они с Дориндой ходили в танцевальную школу в Ньюеме, где прирожденная фация и чувство ритма сделали Кэролайн настоящей звездой. Когда Доменико пригласил ее на танец, она с живостью согласилась, немало удивив его, потому что он не был уверен, умеет ли она вообще танцевать. И с изумлением почувствовал, что Кэролайн невесома в его руках, не испытывает ни малейшей неловкости и двигается в такт музыки.

— Ты никогда не перестанешь меня поражать, Кэролайн, — пробормотал Доменико. — Легкая, словно пушинка, и танцуешь просто божественно.

Кэролайн не ответила. Она была настолько очарована этим волшебным вечером, что боялась заговорить. Доменико крепко держал ее в объятиях, и его щека касалась ее золотых волос.

Когда музыка оборвалась, они обескураженно огляделись по сторонам, словно были в другом мире и внезапно вернулись к действительности. Доменико улыбнулся, все еще обнимая Кэролайн за талию, и она улыбнулась ему в ответ, опустив руки и направляясь обратно к столику. Снисходительные улыбки других пар, следящих, как они идут рука об руку, смутили Кэролайн, и когда она заняла свое место, Доменико указал на ее раздумывавшиеся щеки.

— Знаешь, как говорят, что влюбленным все двери открыты, Кэролайн?

— Но мы не влюбленные, — вспыхнула она. — Просто я была совершенно очарована музыкой. Пожалуйста, не думай, что я флиртовала с тобой, Доменико, — солгала Кэролайн.

— Тогда мне стоит запомнить, что ты становишься более восприимчивой на танцплощадке, так что в будущем нам стоит побольше танцевать, — злорадно ответил он.

Доменико налил Кэролайн шампанского, которое оживило ее, и жестом подозвал официанта.

— Вечер был просто восхитительный, Доменико. Большое тебе спасибо.

— Но он еще не окончен. Мы не едем в отель. Париж еще многое может нам предложить. Посмотрим представление в казино или ты предпочла бы «Фоли-Бержер»?

— Выбирай сам, Доменико. Мне все равно. Но сначала я хотела бы позвонить в отель и удостовериться, что с Вито все в порядке. Я беспокоюсь, что он может проснуться.

— Я уже позвонил, — заверил ее Доменико. — Вито мирно спит. Можешь развлекаться с чистой совестью.

Кэролайн довольно вздохнула и в который уже раз подумала, как Доменико внимателен. С ним она чувствовала себя бесценным сокровищем, за которым бережно ухаживает ревностный коллекционер. Доменико предусмотрел все. Кэролайн вспомнила о тех временах, когда ей приходилось самой все решать, и как приятно было теперь предоставить эту привилегию другому.

Весь этот прекрасный вечер они были в отличном расположении духа. После ужина Доменико повез Кэролайн на такси по городу, чтобы она успела хотя бы мимолетно увидеть те места, о которых столько слышала. А потом они погрузились в атмосферу веселья и смеха.

Оказалось, у них много общего. Им нравились одни и те же вещи, они смеялись над одними и теми же шутками, наслаждались одной и той же музыкой. Даже не нравилось им одно и то же. Доменико делал все возможное, чтобы Кэролайн получила удовольствие от этого вечера, а значит, им были доступны самые лучшие места, у входа всегда ждало такси, и все двери распахивались перед ними по его требованию.

Кэролайн не привыкла быть в центре внимания. Она сказала об этом Доменико, и на его лице появилось прежнее надменное выражение.

— Ты моя жена, и обращаться с тобой будут соответствующим образом. А если тебе будет чего-то не хватать, я захочу узнать причину.

Каждый раз, когда он называл ее своей женой, она испытывала мимолетную дрожь, потому

что, несмотря на то что на пальце у Кэролайн было его кольцо, а свадебная церемония состоялась сегодня утром, она не ощущала себя замужней женщиной. Ей казалось, что она связана с Доменико множеством нитей, среди которых, однако, не было главной — любви. Он не мог полюбить ее, он был из тех мужчин, которые должны полностью обладать женщиной и требовать, чтобы она была верна только ему. Доменико не станет ни с кем делиться. Непреодолимым препятствием между ними было то, что он считал, будто она раньше принадлежала Вито. Доменико женился на ней и признался, что испытывает к ней страсть, но он никогда не полюбит ее так, как она любит его.

Когда Кэролайн призналась себе в том, чему пыталась сопротивляться уже несколько недель, у нее перехватило дух. Она полюбила его?!

С самого первого дня их встречи Кэролайн испытала странное влечение к Доменико, в котором отказывалась себе признаться. В течение следующих недель она все больше и больше попадала под обаяние его личности, но упрямо закрывала глаза на восторг, охватывающий ее, когда он прикасался к ней, на то, с каким волнением ожидала его прихода, как тревожилась, когда он немного задерживался, как пыталась притворяться спокойной, чтобы скрыть радость, когда он заходил в комнату. Она любит его? Несколько мгновений Кэролайн с наслаждением повторяла эти слова про себя, а потом решительно отмахнулась от этой мысли. Доменико не нужна ее любовь. Теперь она понимала, что поставила перед собой невыполнимую задачу. Быть замужем за ним лишь номинально, одновременно питая к нему нежные чувства, — слишком тяжелое испытание для нее. Но придется потерпеть. Доменико не должен заподозрить, что она влюблена, иначе все ее планы рухнут. Когда он узнает правду, Кэролайн должна открыть для него дверь и позволить уйти. Она слегка поежилась, представив его гнев, когда он выяснит, что она обманом заставила его жениться на себе. Кэролайн была уверена, что в гневе Доменико страшен.

Они сидели в одном из самых лучших ночных клубов города, в котором Доменико решил завершить вечер. Теплая атмосфера и приглушенный свет располагали ко сну, и Кэролайн ощутила сильную усталость. Ее веки отяжелели, и она с огромным усилием отогнала подступающий сон.

Доменико взял ее за руку и с усмешкой произнес:

— Знаешь, сейчас ты ужасно похожа на малыша Вито. Он точно так же пытается бороться со сном. Надеюсь, ты не поддашься так же быстро, как он, иначе мне придется укладывать тебя спать, как только мы вернемся в отель.

Этого предупреждения было достаточно, чтобы усталость как рукой сняло, и Кэролайн немедленно выпрямилась:

— В этом нет, необходимости, Доменико. Я могу сама лечь.

— Жаль, — со смехом пожал он плечами, — но мне все равно кажется, что на сегодня с тебя хватит. Идем, а в отеле я закажу для нас сэндвичи. Согласна?

Мысль об интимном ужине с Доменико в одном номере была слишком страшной, и Кэролайн начала было возражать:

— Я совершенно не хочу есть, Доменико. Если ты не против, я бы сразу легла спать.

— Я против. Думаю, это будет отличным завершением нашего вечера. Не волнуйся, я тебя долго не задержу.

Доменико попросил швейцара найти такси, и через несколько минут они вернулись в отель. Девушка, которую Доменико нанял для Вито, спокойно сидела рядом с его кроватью, когда они вошли в комнату взглянуть на малыша. Она заверила их, что Вито вел себя образцово и ни разу не проснулся. Девушка благодарно взглянула на Доменико, когда он сунул ей в руку деньги, и заявила, что для нее большая честь приглядывать за младенцем.

Кэролайн принялась тревожно рассказывать по комнате в ожидании предстоящего испытания, каким должен был стать ужин наедине с Доменико. «Знаю, он попытается приставать ко мне», — думала она.

— Почему бы тебе не переодеться во что-нибудь более удобное, Кэролайн?

Для разыгравшегося воображения Кэролайн эти слова Доменико были полны скрытого смысла, и она быстро ответила:

— Мне и так удобно, спасибо.

— Тогда сядь и успокойся. Я тебя не съем, — ехидно ответил он.

Скоро в номер принесли крошечные куриные сэндвичи и бутылку шампанского, и, когда за официантом, вкатившим тележку, закрылась дверь, Доменико налил шампанского в бокал и подал Кэролайн.

Он откинулся на спинку кресла и повертел перед глазами бокал.

— Тот, кто изобрел шампанское, наверное, предусмотрел этот момент, как ты думаешь, Кэролайн? — Доменико вопросительно поднял брови.

Кэролайн быстро взглянула на него из-под полуопущенных ресниц и не ответила. Он поставил бокал и подошел к ней. Ее тело напряглось, как натянутая струна, когда Доменико положил руки ей на плечи, а сердце бешено забило под задумчивым взглядом его темных глаз. Кэролайн с трудом сглотнула и произнесла:

— Ты обещал мне, Доменико.

— Я сдержу свое обещание.

— Ты же сам знаешь, что нет. Ты сказал, что не станешь приставать ко мне. Это было частью нашего уговора. Ты обещал, что, если я пойду с тобой, ты оставишь меня в покое.

— Ну нет! Я только обещал, что мы станем вести себя так, как если бы только что познакомились. Мы будем веселиться и радоваться жизни, не думая о том, что было раньше.

— Но это ведь то же самое?

— Конечно нет, — лениво возразил Доменико, лаская Кэролайн взглядом. — Я веду себя так, как вел бы с любой другой девушкой, с которой провел волшебный вечер.

Кэролайн поняла жестокое значение его слов. Конечно же он имел в виду, что ценит ее настолько низко, что не считает нужным вести себя по-другому. Он обманул ее. Весь вечер, пока она была так счастлива и весела, он планировал этот финал. Кэролайн хотелось ненавидеть его, но не могла. Она чувствовала себя глубоко несчастной и попыталась уязвить его:

— А я-то думала, что ты джентльмен, Доменико!

— Неужели мне опять надо напоминать тебе, что ты моя жена, Кэролайн? Что такого, если мужчина хочет поцеловать свою жену? Разве не ты сама сказала, когда я спросил, насколько хорошо ты знала Вито, что знала его так, как в наше время любая другая девушка знает отца своего ребенка, — свирепо выдохнул он. — А теперь, когда на твоём пальце кольцо, ты ведешь себя словно целомудренная девица! — Доменико яростно впился пальцами в плечи Кэролайн. — Я без ума от тебя, Кэролайн. Ненавижу себя за это, но не могу устоять перед соблазном растопить лед в твоём маленьком каменном сердечке. — Глаза Доменико блестели, словно горящие угли. — Неужели этот лед только для меня, Кэролайн? Если да, то я знаю, что могу растопить его! Я заставлю тебя полюбить меня.

Кэролайн пыталась сбросить ласкающие ее руки Доменико, но они были будто из стали. Ее глаза потемнели от боли, но он то ли не заметил этого, то ли не обратил внимания. Его губы яростно вонзились в нежные лепестки ее губ. Кэролайн стойко переносила его унижительные ласки, зная, что Доменико причиняет больше боли себе, нежели ей. Он вымещал на ней отвращение к себе за то, что не смог устоять.

Усталость, которую Кэролайн испытывала последние несколько часов, вновь нахлынула, и она почувствовала, что ее окутала волна безразличия, которую не растопить даже страсти Доменико. Она все глубже и глубже проваливалась в черную яму и не могла сопротивляться.

Доменико почувствовал, что тело Кэролайн ослабело. Она перестала бороться, и он испытал торжество, обнимая ее ставшее податливым тело. Он поднял голову, чтобы восторженно взглянуть в ее глаза, но, к своему недоумению, увидел, что мягкие ресницы Кэролайн опустились, а прислушавшись к ее тихому дыханию, понял, что она далеко от него. Она почти спала сном усталого ребенка.

Взгляд Доменико смягчился, когда он взглянул на ее невинное лицо. Она выглядела такой юной и беззащитной, что он устыдился. Шепотом обругав себя, Доменико бережно поднял ее на руки и понес в спальню.

Глава 5

Машина Доменико неслась из аэропорта Рима в центр города. Такого роскошного интерьера Кэролайн еще не видела. Лучи солнца плясали на сияющем кузове, а блестящие хромированные панели горели ослепительным светом.

Машина поджидала их, когда они спустились по трапу самолета, прилетевшего из Парижа рано утром, и на лице Доменико, когда он уселся за руль, появилось довольное выражение, потому что парижские такси и взятые напрокат машины, в которых он ездил в Англии, остались позади.

Взгляд отдыхал на обивке из кремовой кожи, и сидеть было очень удобно. Кэролайн взглянула на Вито, который довольно ворковал в детском креслице, прочно установленном на заднем сиденье, и, когда убедилась, что ему удобно, искоса посмотрела на суровый профиль Доменико. Она открыла было рот, чтобы что-то сказать, но передумала. Ее пальцы нервно тербли тончайший кружевной носовой платок, и Кэролайн пыталась тщетно справиться с волнением, охватившим ее при мысли о приближающемся испытании.

Понравится ли она тете Доменико? Примет ли ее семья или они восстанут против нее? Пока

Кэролайн думала, как начать этот разговор с Доменико, он на удивление пронизательно заметил:

— Не волнуйся, Кэролайн. Тетя Рина — одна из самых удивительных женщин, какую я когда-либо знал, а что касается остальных членов семьи, — он слегка пожал плечами, — то их мнение не имеет значения.

— Как похоже на мужчину, — холодно воскликнула Кэролайн, — отмахиваться от естественного любопытства своих родных и их удивления при появлении новой родственницы, о которой они ничего не слышали! Как бы ты среагировал, если бы Вито представил тебе меня и ребенка?

Не отводя взгляда от дороги, Доменико вытащил из кармана сигарету, закурил и помедлил, прежде чем дать ответ, который несколько не успокоил Кэролайн.

— Вероятно, я представил бы самое худшее, как и они, — спокойно ответил он. — Но тебе не стоит бояться. Важнее всего мнение тети Рины, и я дам ей достойное объяснение, а если оно ее не удовлетворит, то она слишком уважает мои чувства, чтобы начать расспросы. Ты скоро поймешь, что ребенок вполне загладит обиду, причиненную ей нашей тайной свадьбой.

— Ты намерен ей сказать, что мы поженились совсем недавно?

— Это самое трудное решение, какое мне приходилось принимать. — Лоб Доменико пересекла морщинка. — Никогда прежде ее не обманывал. Мысль о том, что придется ей лгать, мне отвратительна, но правда разобьет ей сердце. Так что мне не остается ничего другого, кроме как сказать ей, что мы поженились полгода назад и держали все в тайне, потому что твои родственники возражали против того, чтобы ты выходила замуж так рано. Как думаешь, это правдоподобно?

— Не знаю, — с сомнением протянула Кэролайн. — Разве ей не покажется странным, что мы ждали, пока ребенку исполнится полгода, чтобы сообщить ей обо всем?

Доменико с отвращением раздавил сигарету в пепельнице.

— Очень возможно. Она сделает свои собственные выводы, но, как я уже сказал, тетя слишком уважает мои чувства, чтобы спрашивать меня о личных делах. Конечно, она обидится, но не настолько, если я скажу ей, что ребенок от Вито. И у меня хватит сил вынести ее недовольство, если оно последует.

«Да, но хватит ли сил у меня? Естественно, любой невесте даже в присутствии любящего мужа трудно знакомиться с родственниками, но что тогда говорить, если у тебя уже шестимесячный ребенок, а муж из веселого спутника, показавшего ей Париж, вновь превратился в надменного римлянина». Кэролайн не смела вспомнить об ужасе прошлой ночи, когда Доменико показал ей свое истинное лицо. Унижение, которое она испытала от его презрительного отношения, меркло по сравнению с тем, что она обнаружила, проснувшись на следующий день утром, оглушенная и изумленная окружающей обстановкой. На ней тогда была черная ночная рубашка, которую Бриджит положила в коробку вместе с костюмом, надетым на ней сейчас.

Кэролайн вспыхнула, вспомнив, как лежала в постели, не смея думать, кто раздел ее накануне ночью. Она долго медлила, прежде чем выйти в комнату, где они обычно завтракали вместе с Доменико. Но ей не стоило беспокоиться. Он был погружен в какие-то свои неотложные письма, одарил ее холодным взглядом и спокойно пожелал доброго утра.

Доменико занимался делами и во время перелета. Все время, пока они находились в воздухе, он что-то быстро писал, поэтому они почти не разговаривали.

Машина уже мчалась по великолепной автостраде дель Соль — «дороге к солнцу», как объяснил Доменико, построенной на месте старой военной дороги. Кэролайн подумала, что пленные британки, которых везли римляне на своих колесницах, наверное, испытывали тот же трепет при въезде в Рим, что и она. С каждой секундой Кэролайн нервничала все больше, и ей пришлось положить руки на колени, чтобы унять дрожь.

Наконец ужасный миг наступил. Доменико затормозил перед величественным домом, окна которого смотрели на Кэролайн, словно пустые, недобрые глаза. От волнения, выходя из машины, она споткнулась и была рада, что Доменико ее поддержал. Кэролайн распрямилась плечи и глубоко вздохнула, прежде чем поднялась по каменным ступеням к массивной двери. Доменико позвонил, и дверь почти сразу же открылась.

— Доменико! Доменико! Наконец-то!

Смеясь и плача одновременно, на пороге появилась хрупкая пожилая женщина и заключила Доменико в объятия.

— Тетя Рина! Ты, как всегда, неотразима! — Доменико поднял маленькую даму так, что ее ноги повисли в воздухе.

Она взмолилась о пощаде:

— Доменико, немедленно отпусти меня! Что подумает о твоём поведении жена?

Доменико бережно поставил тетю на ноги и подождал, пока она придет в себя, затем представил Кэролайн.

— Тетя Рина, хочу познакомить тебя с женщиной, которую я люблю, — убедительно произнес он.

Пораженная Кэролайн готова была верить его словам, если бы ей не было известно истинное мнение Доменико. Но он играл свою роль и ждал, что она поддержит его.

Кэролайн робко протянула руку пожилой женщине и взглянула в ее теплые карие глаза. На сердце у нее тут же потеплело, и она совершенно успокоилась. «Тетя Доменико волнуется так же, как и я», — подумала она и с облегчением улыбнулась ослепительной улыбкой.

Тетя Рина подставила Кэролайн лицо для поцелуя, и девушка без колебаний прижалась прохладными губами к почти прозрачной щеке.

— Спасибо тебе, мой дорогой. — Тетюшка склонила голову перед племянником. — Я боялась, что мы не уживемся, но мне не стоило сомневаться в безупречном вкусе моего Доменико.

— Так ты одобряешь мой выбор, тетя Рина? — с улыбкой спросил он.

— Разве не папа Григорий Великий сказал, впервые увидев англичан: «Это не англы, а ангелы»? Именно об этом я вспомнила, увидев Кэролайн. Такие прекрасные золотые волосы, светлая кожа и невинные, словно у ангелочка, глаза. Да, Доменико, мне нравится твой маленький английский ангел.

Доменико улыбнулся женщинам, которые все еще стояли, взявшись за руки, а когда тетя направилась в гостиную, он перехватил взгляд Кэролайн и весело приподнял бровь. Кэролайн показалось, что она вот-вот задохнется от стыда. Ей был отвратителен спектакль, который они разыгрывали перед этой милой женщиной. Кэролайн сразу почувствовала, что тетя Рина очень добра, и поняла, что полюбит ее.

Они вошли в такую огромную гостиную, что у Кэролайн перехватило дух. Однако у комнаты, несмотря на размеры, был жилой вид. Уютные кресла и кушетки, обтянутые белым узорчатым шелком, так и манили опуститься на них и расслабиться. Хрустальные подвески на великолепной люстре слегка зазвенели, когда дверь открылась и молодая служанка вкатила чайную тележку. Восхитительные полотна на стенах были настолько яркими и живыми, словно картины написали только сегодня утром, но Кэролайн понимала, что перед ней бесценные сокровища.

Тетя Рина указала на место на кушетке рядом с ней, приглашая Кэролайн сесть. Доменико устроился напротив и снисходительно наблюдал, как она разливает чай в чашечки из тончайшего фарфора.

— Это большая честь для тебя, Кэролайн. Обычно тетя Рина не пьет чай, ее любимый напиток кофе. Ты должна чувствовать себя польщенной, раз она ради тебя готова пить то, что обычно называет отвратительной смесью.

Тетя Рина нахмурилась и хлопнула Доменико по колену:

— Чушь! Я часто пью чай с моими английскими друзьями. И рассержусь, если ты станешь говорить подобные вещи твоей жене. Ты должен изо всех сил стараться, чтобы она чувствовала себя здесь как дома. Но ты всегда был таким. Постоянно приводил моего сына Вито в ярость своими шутками. Дразнил его безжалостно, особенно когда вы были детьми. — Ее губы слегка задрожали, но усилием воли она сдержала слезы.

Неловкое молчание нарушило хныканье ребенка. Слуга тети Рины Эммануэль разобрал багаж, внес мирно спящего в детском креслице Вито в прихожую и бережно поставил на стул. Очевидно, малыш решил, что его время настало, и, когда издал второй, более громкий крик, его усилия были вознаграждены.

Кэролайн и Доменико поспешили взять его на руки и передали тете Рине, которая умело подхватила непоседливого младенца.

Когда Вито широко распахнул карие глазки, тетя Рина с изумлением воскликнула:

— Доменико! Это же мой Вито. Сходство просто невероятное. Мой дорогой Вито!

— Мы назвали его в честь вашего сына, тетя Рина. Мы подумали, что вам будет приятно, — мягко произнесла Кэролайн.

— Вы назвали его Вито? — Женщина протянула руку Кэролайн и благодарно взглянула на Доменико. — Спасибо, дети мои, — с чувством проговорила она.

Доменико приподнял ее лицо и заглянул ей в глаза:

— Ты же знаешь, что мы сделаем все, чтобы тебе было хорошо, тетя Рина. Я очень многим обязан тебе. И Вито тоже, ведь он делил со мной и тебя, и ваш дом, и я буду вечно благодарен вам обоим.

— Глупости, Доменико. Вам никогда не нужно было ничего делить, ты всегда был для меня вторым сыном, а для Вито — любимым братом. Я больше не желаю слышать это слово «благодарность». Ты и так дал нам намного больше, чем мог получить от нас за всю жизнь. — Глаза пожилой женщины затуманились, потому что она все еще не могла спокойно говорить о погибшем сыне. И чтобы не разрыдаться, резко сменила тему. — Меня очень удивило твое письмо, в котором ты сообщил о своей женитьбе и о том, что стал отцом ребенка. — В голосе тети Рины не было и тени укора, лицо ее оставалось спокойным, но было ясно, что она обижена, и Кэролайн увидела, как Доменико глубоко вздохнул. Но не успел он ответить, как пожилая женщина обернулась к Кэролайн и сказала: — Последние несколько лет я все ждала, что один из моих мальчиков или оба приведут ко мне своих невест. Меня удивляло, что они так долго не женятся, но, возможно, они просто были немного испорчены: бесконечные поездки, красивые женщины и развлечения привели к тому, что они не захотели связывать себя узами брака. Возможно, они думали, что женитьба помешает им наслаждаться жизнью, ведь так, Доменико?

— Возможно, — улыбнулся он, — но, может, просто наши запросы были слишком высоки, потому что мы привыкли считать идеалом тебя, а множество женщин, которых мы встречали, были далеки от него, тетушка.

— Лъстец! — вскричала тетя Рина, однако Кэролайн видела, что она довольна.

Легонько стукнув в дверь, в комнату вошел Эммануэль и неуверенно встал за стулом тети Рины. Он был так же стар, как и она, и позже Кэролайн узнала, что еще его отец служил в семье Викари. Его загорелое морщинистое лицо просветлело, когда он увидел, как радуется тетя Рина, нянча ребенка, а на губах появилась восторженная улыбка, когда малыш Вито посмотрел в его сторону и радостно заворковал.

— Настоящий Викари, — довольно пробормотал старик. — Истинный сын своего отца.

Доменико слегка покраснел:

— Спасибо, Эммануэль. Но я надеюсь, что он не доставит тебе столько хлопот, сколько я.

— Хлопот, синьор Доменико? Если бы все хлопоты были такими приятными, — торжественно отозвался слуга и неуверенно зашаркал ногами.

— Да, Эммануэль? Тебя что-то беспокоит? — нетерпеливо спросила тетя Рина.

Он с негодованием взглянул на нее, словно старый друг, а не слуга:

— Вы прекрасно знаете, что сказал доктор, синьора. Каждый день вы должны отдыхать. Пора вам пойти к себе. Я заранее предупрежу вас, чтобы вы успели переодеться к ужину.

Тетя Рина явно хотела поспорить, однако поднялась, передала внука Кэролайн и с тихим ворчанием в сопровождении Эммануэля покинула гостиную.

Доменико тут же подошел к Кэролайн:

— Спасибо, что была так добра с тетей Риной.

— Тебе не стоит меня благодарить, Доменико. Она одна из самых милых женщин, каких я когда-либо встречала. Только мне бы хотелось... — Она помедлила.

— Да?

— Чтобы наша встреча не была омрачена обманом. Тетя Рина добра и великодушна, чтобы спокойно принять своего внука. Хотя его родители не были связаны узами брака, она не станет хуже относиться к мальчику. Я в этом уверена.

— Хочешь сказать, что нам не было нужны жениться, чтобы познакомить ее с Вито?

— Да, я так думаю, — тихо ответила Кэролайн.

— Теперь об этом уже несколько поздно говорить, — резко ответил Доменико. — В любом случае как бы она отреагировала, узнав, что этот ребенок — сын Вито, а не мой? Уверен, она не выставила бы нас за дверь, но это могло убить ее, а я не хочу рисковать.

— Но ведь она спокойно восприняла то, что ребенок твой, Доменико. И может начать что-то подозревать относительно времени, прошедшего между рождением Вито и нашей свадьбой, а также ей может показаться странным, что ты ничего ей не сообщил. Как ты объяснишь, что мы поженились больше года назад, а ты не счел нужным поставить ее в известность?

— Я ведь уже объяснял тебе, — холодно отозвался Доменико. — Если тетя что-то и заподозрит, то не станет меня расспрашивать. Я ее слишком хорошо знаю. Конечно, она будет обижена, но с этим ничего не поделаешь. Тетя Рина всегда относилась ко мне, как к сыну, и любила не меньше Вито. Но все равно, ее настоящий сын — он, а не я. В этом вся разница, Кэролайн. — Доменико отвернулся. — Между матерью и сыном существует связь, которую ничто не разобьет, и третий между ними уже не встанет.

Кэролайн догадалась, что он чувствует. Она представила себе маленького мальчика, который плачет оттого, что у него нет родного человека, который бы любил его. Доменико еще не рассказывал ей о своем детстве. Она лишь знала, что его родители погибли в автомобильной катастрофе, когда ему было лет семь. Теперь он принялся рассказывать более подробно:

— Мой отец и отец Вито были братьями, и, когда я осиротел, тетя Рина и дядя Артуро распахнули для меня свои сердца и двери своего дома. Когда нам с Вито было около двенадцати, дядя Артуро умер, и тетя Рина осталась одна с двумя детьми. Она ни за что не хотела отдать меня другим родственникам и настояла на том, чтобы мы были все вместе, к моей вечной благодарности. Так что теперь ты понимаешь, почему я взял на себя обязательство жениться на тебе. Вито был достаточно благороден, чтобы делить со мной любовь своих родителей. Теперь я обязан помочь девушке, которая должна была стать его женой. Я готов пойти на все, чтобы отплатить им за любовь и теплоту, которой они одарили меня. — Доменико резко повернулся и сурово уставился на Кэролайн. — У нас никогда не было проблем с деньгами. Но на деньги не купишь то, что они дали мне.

На сердце у Кэролайн стало еще тяжелее, как только Доменико подтвердил то, что она уже заподозрила. Доменико всю жизнь приходилось делить с кем-то любовь, по крайней мере после гибели его родителей, а теперь он, по его мнению, опять вынужден был делить с Вито самое дорогое — любовь его жены. Ей захотелось подойти к нему и обнять, чтобы утолить его непреодолимую жажду любви, но она не посмела. Доменико — гордый и надменный человек, а не печальный сирота, тоскующий по умершей матери, и она знала, что ее порыв будет немедленно отвергнут. Решимость Кэролайн дать ему свободу, чтобы он смог жениться на любимой девушке, возросла, и она поклялась себе, что любой ценой освободит его от этого фарса, который назывался браком.

«Если бы я только знала, где Доринда», — в который раз подумала Кэролайн. Она оставила

мистеру Уилкинсу указания отправлять любую почту на ее имя в Рим, но особо не надеялась получить письмо от сестры. Доринда не писала уже полгода и, видимо, не заботилась об их благополучии, иначе присылала бы деньги, зная, как трудно им живется. Кэролайн глубоко вздохнула и поудобнее усадила Вито на коленях. Малыш быстро рос и набирал вес. Ему хотелось ходить самостоятельно, и он постоянно ерзал, утомляя Кэролайн.

Доменико услышал вздох и увидел, как она возится с Вито. Он тут же пересадил ребенка себе на колени.

— Дай его мне. Он тебя утомил. Тебе лучше отдохнуть в своей комнате, прежде чем за ужином ты познакомишься с остальными членами моей семьи. Не бойся, — добавил он, взглянув на ее встревоженное лицо, — уверяю тебя, они все люди.

Доменико сочувственно улыбнулся, и сердце Кэролайн дрогнуло, когда их взгляды встретились. Он держал Вито с нежностью, свойственной почти всем итальянским мужчинам в обращении с детьми, и она подумала, каким бы замечательным отцом он был. Если бы...

Кэролайн рассердилась на себя за эти мысли, быстро поднялась и позвонила, чтобы Эммануэль проводил ее в комнату. Все ее тело было влажным и липким от жары, и ей не терпелось принять прохладный душ и немного отдохнуть перед ужином, который устраивали в их честь.

Эммануэль появился в комнате в сопровождении Аделины, которая протянула руки к Вито.

— Я буду заботиться о нем, синьор Викари. Детскую уже приготовили для малыша. Как прекрасно, что в доме опять появился ребенок! Да, Эммануэль?

— Ты права, Аделина, но, пожалуйста, помни, что его нельзя баловать так, как ты баловала его отца и дядю.

— Я их баловала? Ах ты старый негодник! Это ты баловал их, — негодуя возразила Аделина.

Когда они вышли из комнаты, продолжая шутливо препираться, Доменико подал Кэролайн руку и повел к двери:

— Идем, я провожу тебя в твою комнату.

С легким трепетом она последовала за ним. Когда Доменико открыл дверь, Кэролайн невольно вскрикнула от удовольствия.

Она стояла на толстом голубом ковре, простиравшемся от одной стены до другой. Мебель была из светлого, с серебристым блеском дерева с узорными серебряными ручками ящиков и шкафа. Вдоль одной из стен стоял огромный гардероб, и, когда Кэролайн распахнула его, внутри она увидела обширное освещенное пространство. Огромные окна, завешенные шторами того же оттенка, что и ковер, шли от пола до потолка, и за каждым был маленький балкончик. В центре комнаты стояла изящная кровать, покрытая нежно-голубым покрывалом. Серебристо-голубую гамму то тут, то там нарушали вкрапления нежно-персикового цвета. Такого же оттенка была изящная лепнина на потолке, а в двух массивных серебряных вазах стояли чайные розы, распространяя по комнате приятный аромат.

Сказать, что Кэролайн была ошеломлена, — значит ничего не сказать.

— Доменико! — только и смогла она прошептать.

— Тетя Рина оказала тебе большую честь, Кэролайн, — сухо заметил он. — Насколько я помню, эта комната предназначена только для самых дорогих гостей. Получить ее в постоянное пользование — большая честь, потому что тетя много раз отказывала даже членам семьи.

— Значит, она просто еще не считает меня членом своей семьи?

— Вовсе нет. Это значит, моя милая, что она считает тебя самым почетным членом.

Кэролайн взглянула на него сияющими глазами. Если бы ею дорожил один Доменико, это было бы счастьем, но если ею дорожит его семья — то и это не хуже.

Кэролайн подошла к окну и шагнула на балкон. Она с удивлением заметила, что окна ее комнаты выходят в сад, и радостно подумала, что это отличное место для игр Вито.

— Это твой единственный дом, Доменико? — задумчиво спросила она. — Я хочу сказать, у тебя есть собственное жилье или ты все время живешь с тетей?

— У меня есть вилла в горах, куда мы перебираемся в сильную жару. Обычно тетя Рина живет там в это время года, но после смерти Вито она остается тут, поближе к остальной семье. У меня никогда не было желания обзавестись собственным домом, потому что мне приходилось много ездить. Здесь, в Риме, делами занимался Вито, но, поскольку его больше нет с нами, придется все изменить. Я буду вести дела здесь, а разъезжать, наверное, придется моему молодому кузену Джованни, которому уже давно не терпится показать, на что он способен. В таком случае надо будет приобрести дом неподалеку, если ты не хочешь жить с тетей Риной.

— Нет, Доменико, не говори так. Я очень счастлива жить под одной крышей с твоей тетей. Просто мне было интересно, вот и все.

Доменико по-прежнему задумчиво смотрел на нее, но ничего не говорил. После этого он подошел к соседней двери и подтвердил опасения Кэролайн.

— А это моя комната. Ты увидишь, что она не настолько роскошна, как твоя, но тетя знает, что я предпочитаю меньше украшений.

Кэролайн вспыхнула, вспомнив о других комнатах, которые им пришлось делить вместе, и о том, что из этого вышло. Она страстно надеялась, что Доменико не станет появляться в самый неподходящий момент, и уже хотела повернуть ключ, торчащий в дверном замке, но передумала. Было даже страшно подумать, что мог устроить Доменико, если бы она не пустила его в комнату.

— Отдохни немного, Кэролайн. Я скажу, когда надо будет готовиться. К нам на коктейль придут друзья, чтобы познакомиться с тобой. Но на ужин останутся только самые близкие. И пожалуйста, надень платье, которое было на тебе вчера вечером. Оно тебе очень идет.

— Спасибо, Доменико, я надену его.

Если бы Кэролайн могла, то ни разу не надела бы это платье, которое навевало на нее печальные воспоминания. Но у нее не было выбора, поскольку заказанные у Бриджит другие наряды еще не привезли и белое платье было пока ее единственным вечерним туалетом.

Небрежно махнув рукой, Доменико вошел в свою комнату и закрыл дверь. Кэролайн легла на кровать и попыталась задремать, но в голове постоянно вертелись мысли. Ее изумленный взгляд блуждал по комнате, и она не могла поверить, что теперь это ее дом. Естественно,

временный, тем не менее она будет жить здесь, пока не отыщет Доринду. Но Кэролайн постаралась отогнать мысли о будущем. В этой безнадежной ситуации она научилась жить одним днем и не беспокоиться заранее. Прохлада и тишина в комнате сделали свое дело, и вскоре веки Кэролайн отяжелели. Она повернулась на бок и заснула.

Проснулась Кэролайн примерно через час, чувствуя себя совершенно бодрой. Услышав шаги Доменико в соседней комнате, она взглянула на часы и поняла, что пора одеваться.

Кэролайн поспешно вскочила и направилась в ванную. Но когда вылезла из нее, обнаружила, что забыла халат, поэтому вернулась в спальню, обернувшись большим полотенцем. Сначала она не заметила высокую фигуру у окна, но, узнав ее, вскрикнула от ужаса:

— Доменико!

Он уставился на нее, с одобрительной ухмылкой разглядывая ее обнаженные плечи и кончики пальцев ног, торчащие из-под полотенца.

— Очаровательно! — протянул Доменико, а Кэролайн безуспешно попыталась прикрыть полотенцем плечи. Щеки ее залила краска.

— Что тебе надо? — негодуя спросила она.

Доменико подошел к ней, пристально глядя в лицо, и встал так близко, что Кэролайн пришлось откинуть голову, чтобы посмотреть на него.

— А что ты можешь предложить? — прошептал он ей на ухо.

Кэролайн отпрянула, словно ее ужалили.

— Это неслыханно! Ты любишь меня унижать, Доменико.

Его близость волновала Кэролайн. Она заставила себя перестать дрожать и приняла равнодушный вид, что очень насмешило Доменико.

— Хватит разыгрывать из себя недотрогу!

Она сердито развернулась:

— Ты меня совершенно не знаешь. Разве ты сам недавно не говорил, что я для тебя загадка? — Она сердито вздернула подбородок. — Откуда ты знаешь, какая я, Доменико? — с вызовом спросила она.

Он прищурился, явно собираясь что-то сердито ответить, но потом передумал, улыбнулся и коснулся рукой ее спины, отчего по телу Кэролайн пробежал ток. Однако она не пошевелилась и не показала виду. Между тем одна рука Доменико поглаживала ее голую спину, а другая, к ее ужасу, пыталась развязать край полотенца. Он не посмеет!

Но Доменико был готов на все, и Кэролайн это прекрасно знала. Она яростно шагнула назад и в этот момент страстно ненавидела его за торжествующий смех.

— Видишь, я доказал, что прав, Кэролайн. Ты можешь быть кем угодно, только не светской львицей, — насмешливо произнес он, а потом, к ее досаде, со смехом направился к двери своей комнаты, добавив на прощание: — Я вернусь позже, когда ты немного успокоишься. Хочу, чтобы ты кое-что надела сегодня вечером, но в данный момент ты этого не оценишь.

Когда дверь за ним захлопнулась, Кэролайн упала на табурет, уже не сдерживая злости. Никогда в жизни не чувствовала она себя так глупо. «Ненавижу его», — дрожа, повторяла Кэролайн, но какой-то другой голос в глубине ее души твердил, что это не так.

Когда Доменико вернулся в ее комнату, Кэролайн уже оделась и взяла себя в руки. Он молча протянул ей маленькую коробочку. Кэролайн с удивлением взяла ее и открыла крышку. Внутри на подкладке из темно-красного бархата лежала изысканная брошь в форме розы с только что раскрывшимися лепестками, инкрустированная бриллиантами. Это была такая красивая вещь, что Кэролайн непроизвольно вскрикнула от восхищения:

— Но, Доменико, я не могу надеть ее! Она слишком ценная. Пожалуйста, возьми ее и положи в безопасное место. Ужасно, если я ее потеряю.

Доменико вынул брошь из коробочки и приколот к ее платью.

— Я хочу, чтобы ты надела эту розу. — Он помедлил. — Это брошь моей матери.

Кэролайн осторожно коснулась пальцем бриллиантовых лепестков.

— Твоей матери? И ты хочешь, чтобы я ее надела?

— Да.

Кэролайн не сдержалась: подошла к нему и прижалась губами к его щеке. В ее глазах стояли слезы жалости к маленькому мальчику, который расставался с драгоценностями своей матери, и она хрипло прошептала:

— Спасибо, Доменико, за большую честь, которую ты мне оказал. Я буду счастлива носить брошь твоей матери.

Впервые за все время Доменико не знал, что сказать. Он поднес руку к щеке и тронул то место, к которому только что прикоснулись ее губы.

— Кэролайн...

Она поспешно отошла в сторону, уже жалея о своем импульсивном поступке. Если он догадается, что она любит его, все ее планы рухнут. Доменико нужно сдерживать, а не поощрять.

— Синьора Викари! — Кэролайн с облегчением услышала голос Аделины за дверью. — Синьора Викари! Вам пора спускаться вниз к гостям.

— Спасибо, Аделина, — быстро ответила Кэролайн. — Я уже иду.

Не глядя на Доменико, она направилась к двери, но он преградил ей путь и настойчиво повторил:

— Кэролайн...

— Пожалуйста, Доменико, мне надо идти. Тетя Рина ждет.

— Она может подождать еще несколько минут, дорогая. Я хочу поговорить с тобой.

Ласковое обращение, произнесенное с такой нежностью, заставило Кэролайн запаниковать, и

она торопливо крикнула:

— Аделина! Аделина!

— Да, синьора?

— Зайди на минуту. Я хочу, чтобы ты помогла мне застегнуть «молнию».

— Конечно, синьора.

Дверная ручка начала поворачиваться, но Доменико опередил ее.

— Все в порядке, Аделина. Я сам помогу синьоре. Можешь сказать тете, что мы спустимся через несколько минут.

— Да, синьор Доменико. — И Аделина мягко направилась к комнате своей хозяйки.

— А теперь, — Доменико приподнял голову Кэролайн за подбородок и заглянул ей в глаза, — объясни мне, пожалуйста, как произошло такое чудо, что ты сама меня поцеловала?

Он вновь коснулся рукой щеки, словно не веря себе, и на его губах заиграла довольная улыбка. Как могла Кэролайн развеять его подозрения? Отвернувшись и смертельно побледнев, она произнесла:

— Я всегда так благодарю моих поклонников, когда они дарят мне драгоценности. Я их обожаю. Бриллианты — лучшие друзья девушек. Когда возлюбленный уходит, бриллианты остаются как утешение.

Кэролайн не могла поверить, что этот резкий, язвительный голос принадлежит ей. Ее охватила сильная слабость в ожидании негодующего ответа, который должен был последовать за ее словами.

Доменико стал уже мягче относиться к ней, и Кэролайн надеялась, что он изменит свое первое мнение о ней. Но теперь! Что он должен чувствовать? Она не смела взглянуть на него, потому что знала: то, что она увидит, превратит ее сердце в камень.

Когда Доменико наконец заговорил, оправдались ее самые худшие опасения. Он не приблизился к ней и даже не повысил голоса.

— Маленькая мерзавка!

Кэролайн дернулась, как от удара, и против воли взглянула на него. Он стоял, засунув руки в карманы брюк, небрежно привалившись к дверному косяку. Даже загар не скрывал его бледности, но на лице не было отвращения, только равнодушие. И лишь глаза выдавали правду. Они были ледяными, тусклыми и полными боли. Казалось, в них никогда и не было той лукавой искорки и насмешливого блеска, которые так полюбила Кэролайн.

Она инстинктивно шагнула к Доменико. В тот миг Кэролайн была готова признаться ему, что никогда не знала других мужчин, что единственное украшение у нее — эта брошь, которая дорога ей не из-за своей стоимости, а потому, что была подарком от него. Но не успела Кэролайн заговорить, как услышала:

— Наверное, тебе будет приятно узнать, но ты почти заставила меня поверить, что я ошибался на твой счет. — В голосе Доменико не было гнева, но сурово сжатые губы и горечь в глазах,

которую он тщетно пытался скрыть, говорили об обратном. — Когда я приехал в Англию искать тебя, то, должен признаться, рассчитывал встретить авантюристку и вести себя с ней соответственно. Однако, увидев тебя, совершил большую глупость, потому что усомнился в своей правоте, и ты против воли стала меня привлекать. В Париже я удостоверился, что ты не из тех, кто только берет все от мужчин и что по каким-то своим причинам ты намеренно пыталась создать у меня обратное впечатление. Я даже устыдился того, как вел себя в ту ночь, — признался он с горьким смехом, — так что на следующее утро даже не мог посмотреть тебе в глаза. Но теперь, — Доменико шагнул к Кэролайн и с силой схватил ее за плечи, так что она чуть не закричала от боли, — здесь, в Риме, я узнал твою истинную суть. Женщина без чести, продажная, дешевая, готовая вцепиться в любого мужчину, который попадет в ее ловушку, привлеченный лживой простотой и наивностью. И достаточно глупая, чтобы решить, что достойна оказаться в этой семье, где с ней, как с почетной гостьей, будет обращаться женщина, на тень которой она недостойна наступать!

Доменико не скрывал гнева и не щадил Кэролайн. Он ни разу не повысил голоса, но горькие слова, которыми хлестал ее, были сильны и без того. Она не пыталась ответить или оправдаться. Смирившись с судьбой, Кэролайн покорно принимала удары. Разве не к этому она стремилась? Разве не пыталась настроить его против себя? Она не сомневалась, что теперь ей это удалось. Ей больше не надо бояться, что внимание Доменико станет слишком настойчивым или что она не устоит против его обаяния. Он презирал ее.

Кэролайн стояла прямо в своем роскошном вечернем платье с воротником, обрамляющим лицо, которое было столь же белым, как и сам наряд, и покорно принимала его слова. Ее спокойствие разозлило Доменико, и его пальцы с такой силой впились ей в плечи, что она не выдержала и вскрикнула от боли. Он чуть разжал пальцы, но не отпустил ее.

— Скажи мне одну вещь! — Лицо Доменико, казалось, было высечено из гранита.

Кэролайн с трудом сглотнула и прошептала:

— Если смогу...

— Ты любила Вито? Или он был просто очередным идиотом, попавшим в твои сети?

Кэролайн не знала, что ответить. Она медлила, пытаясь привести мысли в порядок. Но опоздала. Доменико понял ее молчание по-своему и резко оттолкнул ее от себя, словно боясь испачкаться, после чего повернулся к ней спиной, силясь справиться с охватившим его гневом. Кэролайн не смела двинуться, не смела заговорить. Она подозревала, что в гневе Доменико страшен, но не догадывалась, что ярость может настолько охватить его. Ей хотелось бежать от его презрения и отвращения, но ноги не слушались ее.

Когда он наконец повернулся к ней, то был внешне совершенно спокоен и холоден. Кэролайн опустила глаза, чтобы только не встретиться с этим ледяным презрением, и ждала.

— Ты слишком часто играла в свою игру, — с угрозой проговорил Доменико. — Сейчас я был не в силах прикоснуться к тебе, Кэролайн, но запомни одно: в прошлом тебе платили за твою благосклонность. Я заплатил своей честью, именем моей семьи и драгоценностью моей матери. Слава богу, она не видит, какая женщина будет ее носить! — сурово добавил он. — Я позабочусь о том, чтобы ты дорого заплатила за свою подлость. Пройдет время, прежде чем я смогу заставить себя взять то, что принадлежит мне, но это случится. Так что будь готова заплатить в любой момент.

Пока он говорил, Кэролайн не отрывала взгляда от ковра. Угроза в его голосе напугала ее.

Голубой ковер превратился в колышущееся море, грозящее ее поглотить. Кэролайн перевела дух, и на мгновение пол перестал колебаться. Она храбро подняла голову и с презрением взглянула на него.

— Только посмей тронуть меня, Доменико, и я все расскажу твоей тете. Я не желаю страдать из-за твоего раздражения.

Он пытался ее перебить, но Кэролайн не слушала, боясь, что смелость оставит ее.

— Ты желал меня с момента нашей первой встречи и злился из-за этого. Ты ненавидишь себя за то, что тебя влечет к женщине, которую ты презираешь. Взгляни в лицо правде, Доменико! — с вызовом крикнула она. — Ты презираешь не меня, а себя и хочешь заставить меня страдать. Но я не буду страдать по твоей милости! — Голос ее дрогнул, и она прикусила дрожащую губу.

Доменико посмотрел на нее свысока, сердито сдвинув черные брови, и прошипел:

— Увидим, Кэролайн! Увидим.

Глава 6

Доменико и Кэролайн распахнули дверь в просторную гостиную как раз в тот миг, когда начали собираться первые гости. Тетя Рина вздохнула с облегчением и радостно приветствовала их:

— А вот и вы, милые мои. Я уже боялась, что мне придется извиняться перед нашими гостями. Почему вы так задержались?

Она вопросительно взглянула сначала на Доменико, потом на Кэролайн. О произошедшей несколько минут назад бурной сцене невозможно было догадаться, поэтому на лице тети Рины появилось одобрение и гордость, когда она протянула Кэролайн руку и воскликнула:

— Доменико, какая же красавица твоя жена! Сегодня вечером тебе станут завидовать все родственники. — Она повернулась к Кэролайн: — Вижу, ты нанесла визит моей доброй подруге Бриджит, пока была в Париже. Никто, кроме нее, не может в точности подобрать наряд, который бы так идеально подходил определенному человеку, а это платье — настоящий шедевр. Лучше не найти.

Тетя Рина поспешно провела их в гостиную и поставила у дверей, чтобы они приветствовали первых гостей.

Доменико отвечал спокойно и дружелюбно на поздравления своих друзей и родственников. Кэролайн обменивалась рукопожатиями и вежливыми поцелуями с изумленной процессией тетюшек, дядюшек, кузенов, причем некоторые из них были очень дальними и уже отчаялись, что их когда-нибудь вспомнят. У Кэролайн было такое чувство, что все они искренне рады ее видеть. Конечно, ей было бы все равно, будь все иначе, потому что ничто не могло исцелить той боли, которая поселилась в сердце после ссоры с Доменико. Волнение, испытанное ею перед встречей со всеми этими людьми, совершенно улетучилось, а его место заняло равнодушие.

Наконец первые гости, не приглашенные на обед, начали расходиться, словно по неслышному

сигналу, и в гостиной остались только члены семьи. Тетя Рина проводила их в соседнюю комнату, где стоял огромный стол, уставленный серебряными подсвечниками, белоснежными салфетками, букетами и блюдами фруктов. Свет люстры играл на хрустальных бокалах.

Когда все уселись так, как желала тетя Рина, она дала знак подавать ужин. Доменико сидел справа от тети, а Кэролайн слева, лицом к нему. Стул рядом с ним оставался пустым, и, когда он поднял карточку, лежавшую на столе напротив пустующего места, его брови вопросительно поднялись, и он обернулся к тете. Она пожала плечами и сердито нахмурилась. Кэролайн недоумевала, кто этот отсутствующий гость, и повернулась спросить у соседа, который оказался кузеном Доменико, Джованни. Но не успела она задать вопрос, как дверь распахнулась, и в комнату влетела смеющаяся девушка в сопровождении молодого человека, у которого был такой вид, словно он с радостью оказался бы сейчас в любом другом месте.

Кэролайн, да и остальные члены семьи затаили дыхание при виде красоты девушки, которая на минуту остановилась, махнула всем рукой, а потом подбежала к тете Рине и извинилась за опоздание:

— Милая тетя! Прости мои плохие манеры. Я хотела прийти вовремя, ведь я знаю, как ты ненавидишь ждать, но у меня было полно дел.

Недовольство на лице тети Рины не исчезло, когда девушка повернулась к Доменико, который, как и все мужчины, поднялся из-за стола при ее появлении, и с радостным криком обнял его:

— Доменико! Мой милый Дом! Как я скучала по тебе!

Кэролайн испытала укол ревности, глядя на разворачивающуюся перед ней сцену. Она не хотела признаться в этом самой себе, но тут же невзлюбила девушку с волосами цвета воронова крыла и зелеными глазами хищной дикой кошки, которая обнимала ее мужа.

Однако Доменико это было, похоже, по вкусу. Он снисходительно улыбнулся, обнял точеную талию девушки и поцеловал ее.

— Кандида! Как всегда, импульсивна!

Резкий голос тети Рины прервал приглушенные разговоры за столом, начавшиеся после внезапного появления девушки.

— Ты не представишь своего спутника, Кандида? — ледяным тоном спросила она.

— Ах, Джеффри, милый, прости! Это Джеффри Грэм. Джеффри, моих родственников я представлю тебе по отдельности потом.

Молодой светловолосый мужчина грустно улыбнулся и слегка поклонился гостям, после чего направился к хозяйке. Он пробормотал извинения, когда тетя Рина одарила его застывшей улыбкой и объяснила, что, поскольку все места уже заняты, она не может посадить его рядом со спутницей, но с радостью усадит его на место, которое Эммануэль приготовил для него в конце стола.

Когда Джеффри уселся, тетя Рина дала знак Эммануэлю подавать ужин. Все разом заговорили, словно для того, чтобы замять неловкое происшествие, и в сторону Кэролайн не раз бросали задумчивые взгляды. Она пыталась казаться спокойной и весело болтала с Джованни, который был словно бальзам на ее раненые чувства, поскольку его предупредительность и восхищенные взгляды говорили о зародившемся платоническом чувстве.

Кэролайн была ласкова с ним, но не потому, что он оказывал ей очевидные знаки внимания, а потому, что напоминал ей молодого Доменико, еще не умудренного жизненным опытом. Кэролайн пыталась забыть, как зажглись глаза Доменико при виде сидевшей рядом с ним девушки и что он даже не представил ее своей жене.

Однако тетя Рина не забыла. Она перевела удивленный взгляд с Кэролайн, ощутив напряжение между ней и Доменико, и ее раздражение племянником все росло, потому что он даже и не пытался заговорить с женой.

Кандида тоже не обращала ни на кого внимания, кроме Доменико, хотя должна была понимать, что этот ужин был устроен для того, чтобы ввести Кэролайн в круг семьи. Тетя Рина решительно вмешалась в их разговор, и Доменико резко отвел взгляд от лица своей соседки, уловив незнакомый ему прежде укор в голосе тети:

— Доменико, ты так и не представил Кандиду Кэролайн. Она подумает, что у нас дурные манеры. Ты сам это исправишь или сделать мне?

Ее недовольство было очевидно, но Доменико не смутился. Он улыбнулся Кэролайн, словно между ними ничего не произошло, и сказал:

— Прости, милая, но я так давно не видел Кандиду, и нам надо обсудить общих знакомых. Прошу прощения. — Он сверкнул на Кэролайн глазами, словно бросая ей вызов, и казался вполне довольным, когда она невозмутимо взглянула на него. — Кандида — очень дальняя родственница, но всегда была нашей любимицей. В детстве мы играли вместе, она, Вито и я, и были неразлучны. — Он повернулся к Кандиде: — Хочу познакомить тебя с моей женой Кэролайн. Надеюсь, вы станете друзьями.

В зеленых глазах, смотревших на Кэролайн, не было и намека на дружелюбие. Их холодность ничто не могло скрыть, а принужденная, кривая улыбка, появившаяся на ее губах, противоречила сердечному ответу:

— Конечно же мы станем друзьями, Доменико. Я очень хочу познакомиться с твоей женой. После ужина мы должны договориться, Кэролайн, чтобы я сводила тебя в лучшие магазины. Ты должна встретиться с моими друзьями. Им не терпится увидеть девушку, которая поймала самого закоренелого холостяка в Риме.

Последние слова сопровождались взглядом, который увидели только Кэролайн и Джованни, и Кэролайн почувствовала себя маленькой, незаметной. Наглый взгляд Кандиды обшарил ее с ног до головы. Кэролайн съежилась. Она была слишком сильной, чтобы ее обескуражила ревность женщины, которая была готова унижить ее, не пожелав получше узнать, и Кэролайн решила показать, что у нее тоже есть коготки и она умеет пускать их в ход.

— Возможно, он уже устал от преследований, когда я поймала его. — Ее ответ ясно отражал презрение к тем женщинам, которые охотятся на мужчин, и Кандида вспыхнула от гнева.

Джованни, который был заинтересованным наблюдателем этого поединка, чуть не подавился супом и отвлек присутствующих за столом, пытаясь справиться с приступом кашля. Кэролайн с радостью пришла ему на помощь и до конца этого кажущегося бесконечным ужина старалась больше не вступать в беседу с Доменико и Кандидой.

Когда тетя Рина решала принимать гостей, то делала это на широкую ногу. На столе появились девять видов закусок, три вида супа, два рыбных блюда, три разновидности омлетов, два основных блюда, множество салатов, а также разнообразные десерты и фрукты. Она

объяснила:

— У нас такая большая семья, Кэролайн, и у всех свои предпочтения в еде. К примеру, Кандида почти ничего не ест и никогда не употребляет продукты, содержащие крахмал, а мужчины, как и все итальянцы, могут съесть огромное количество еды. Так что мне приходится учитывать все вкусы.

— Но, наверное, много еды пропадает?

— Милая моя, ничто никогда не пропадает на этой кухне. У Эммануэля и Аделины полно внуков, которые немедленно уничтожают все, что принесут со стола нетронутым.

Наконец, через несколько часов, как показалось Кэролайн, ужин был позади. Старшие члены семьи уселись в круг и погрузились в беседу. Молодые, стали проявлять нетерпение, и кто-то предложил включить в соседней комнате проигрыватель, потанцевать. Предложение было встречено с энтузиазмом.

Кэролайн сидела с тетей Риной и ее сверстницами, изо всех сил стараясь справиться с искушением пойти поискать Доменико, который и после ужина не оставил Кандиду. Кэролайн начала сердиться. Всем было уже ясно, что он вполне доволен обществом своей красивой кухни и не обращает внимания на жену. Она вздохнула с облегчением, когда к ней подошел Джованни.

— Потанцуешь со мной, Кэролайн?

— С удовольствием, спасибо, Джованни.

Он повел ее в маленькую комнату, где остальные уже всю веселились. Джованни оказался прекрасным танцором, и скоро Кэролайн уже поддалась очарованию танца, постепенно успокаиваясь и начиная наслаждаться музыкой. Кто-то приглушил свет, и по комнате нежным эхом разносились романтические звуки медленного вальса. Несколько молодых пар танцевали, прижавшись друг к другу. Кэролайн отвернулась. Ей не хотелось с грустью вспоминать тот неземной танец с Доменико в Париже.

Джованни повернулся, когда кто-то положил руку ему на плечо. Кэролайн с удивлением увидела, что это Джеффри Грэм, который пришел с Кандидой.

— Вы позволите?

Джованни был недоволен, но вежливо отошел, и Кэролайн закружил в вальсе высокий светловолосый англичанин.

— Не возражаете? — прошептал он.

— Нет, я польщена.

Его дерзкий взгляд блуждал по ее лицу и остановился на прелестных, полураскрытых губах, за которыми виднелись белоснежные зубки. Томный вальс закончился, заиграла простая латинская мелодия. Голова у Кэролайн закружилась, музыка опьянила ее. Джеффри прижимал ее все ближе к себе и, когда раздался удар тарелок и грохот барабанов, закружил ее по комнате, пока все не поплыло у нее перед глазами. Тогда они со смехом упали на удобный диван. Кэролайн, все еще смеясь, протянула руку:

— Спасибо, Джеффри. Это было восхитительно!

Он поднес ее руку к губам и поцеловал. В его глазах светилось нескрываемое восхищение, когда он смотрел на ее оживленное лицо. Ее грудь быстро поднималась, а фиалковые глаза сияли от счастья.

И тут, будто туча закрыла солнце, глаза Кэролайн потухли, и прелестное лицо залил румянец. Джеффри оглянулся, недоумевая, что вызвало такую перемену, и увидел, что на них, свирепо сдвинув брови, смотрит Доменико. Он быстро поднялся и заговорил:

— Я должен поздравить вас, синьор Викари. Ваша жена волшебю танцует.

— Вы не можете сказать о моей жене ничего, что бы не было мне известно, мистер Грэм! — ледяным тоном ответил Доменико.

Джеффри не смутился. Он уже успел привыкнуть к ревнивым мужьям. Однако этот выглядел опаснее других, и Джеффри решил пока не торопить события. Он улыбнулся чуть извиняющейся улыбкой и направился к стоявшей в отдалении Кандиде.

Она услышала слова Доменико и задумчиво посмотрела на Джеффри:

— Почему ты не можешь держать себя в руках? Неужели обязательно надо ухлестывать за каждой женщиной, которая появится в твоём поле зрения? Ну и вкус у тебя! Не понимаю, что мужчины находят в этих бледных, вялых существах.

— Это все наигранное, любовь моя, — фамильярно отозвался Джеффри. — Ты прекрасно знаешь, что она божественно красива, и я завидую мужчине, который растопит лед у горячего сердца, бьющегося под этой холодной маской.

Кандида свирепо взглянула на него и направилась в сторону Доменико.

Но она опоздала. Доменико уже вел жену в центр комнаты, и Кандида ревниво следила, как они скрылись от глаз среди танцующих пар.

— И что значит твоё бесстыдное поведение? — спросил Доменико сквозь стиснутые зубы.

— Мое что?

— Неужели ты должна была так дерзко вести себя на глазах у моей семьи с человеком, который нам совершенно незнаком?

— Как ты смеешь! Обвинять меня в бесстыдстве, когда сам весь вечер влюбленно ворковал со своей дальней родственницей. Из того, что я видела сегодня вечером, она для тебя не такая уж дальняя. И вообще меня не удивит, если узнаю, что в прошлом она была тебе очень близка!

— Это неслыханно! — Доменико с силой сжал Кэролайн, и она почувствовала, что он выходит из себя. — Кандида всегда была и будет очень близким мне другом, но это все. Как ты могла подумать иначе? Разве она сама не предложила познакомиться с тобой поближе?

Кэролайн перевела дух и удивилась глупости мужчин, когда дело заходит о женщине. Она выпрямилась во весь рост и с презрением взглянула на Доменико:

— Я лучше подружусь с гремучей змеей!

Его щека дернулась, и Кэролайн поняла, что зашла слишком далеко. Он был невероятно предан своей семье, а она оскорбила одного из ее членов. Но Кэролайн было все равно. Этот вечер стал слишком тяжелым испытанием для нее. Сцены в спальне и мучений за столом было бы достаточно, но Доменико обвинил ее еще и в том, в чем сам был виноват. Один невинный танец с незнакомцем был клеймен им как бесстыдное поведение, в то время как он сам, оказавшийся в центре внимания из-за очевидного интереса к своей экзотической кухне, имел наглость осуждать жену, словно она совершила страшное преступление.

— Ты извинишься за свое отвратительное поведение.

— Никогда! — бросила Кэролайн.

В полумраке никто не мог видеть, что они ссорятся. Посторонним, которые лениво наблюдали за танцующими, они казались обычной парой, время от времени перебрасывающейся парой слов. Посторонние не видели холодной ярости в глазах Доменико и негодования на лице Кэролайн.

Кэролайн с облегчением увидела, что к ним направляются Джеффри с Кандидой, Она сделала Джеффри знак, который не ускользнул от внимания его спутницы, и на ее губах появилась довольная улыбка.

— Дом, милый, может, нам поменяться партнерами? Мы не танцевали с тобой уже много месяцев, и я уверена, твоя жена не станет возражать против танца с Джеффри. Они так подходят друг другу, тебе не кажется?

Довольной улыбки Кэролайн было достаточно, и она проворно скользнула к Джеффри, прежде чем Доменико понял, что его жена собирается делать. Его хмурая улыбка не предвещала Кандиде ничего хорошего, но ей было все равно. Он не станет устраивать сцену на глазах у всех, а потом... Что будет, потом увидим!

Танцующих становилось все меньше. Было уже поздно, тетя Рина и ее гости давно разошлись, сославшись на усталость, и молодые тоже стали разъезжаться по домам. Для тех, у кого не было машин, заказали такси, и гости расходились шумными группами.

Джеффри подвел Кэролайн к открытым французским окнам, и они вышли на террасу. Она глубоко вдохнула напоенный ночными ароматами воздух, и они спустились по низким ступеням в сад. Сначала тропинка вилась мимо лужайки, а потом свернула в кусты, среди которых то тут, то там стояли скамейки. Кэролайн с счастливым вздохом уселась на одну из них и впитывала красоту ночного сада, залитого светом луны. Джеффри осторожно обнял ее за плечи.

— Нет, Джеффри, — спокойно сказала она.

Он небрежно пожал плечами и убрал руку.

— Почему нет?

— Потому что мне не нужны любовные связи. Я могу предложить тебе дружбу, но если этого недостаточно, лучше уходи.

— Думаешь, Кандида предложит дружбу твоему мужу? — грустно спросил он.

Кэролайн с болью взглянула на него и просто ответила:

— Нет.

— Кэролайн, какая же ты дурочка! Неужели ты не видишь, что она затеяла? Она ужасно ревнует, что Доменико женился на тебе. Кандида годами считала, что он принадлежит только ей, и не станет считаться с таким незначительным препятствием, как жена.

— Ты думаешь, Доменико любит ее?

— Спрашиваешь! Думаешь, он любит тебя?

Кэролайн слишком поздно поняла, что выдала себя. Джефффри удивленно смотрел на нее в ожидании ответа.

— Да, наверное... — пробормотала она.

Он положил руку ей на колено.

— Слушай, Кэролайн. Всем ясно, что между вами с Доменико не все гладко. Не вздумай отрицать! Я видел слишком много несчастливых семей. — Джефффри говорил с горечью, словно перед его мысленным взором пролетали какие-то неприятные картины. — Но я также могу сказать, что вам не потребуется много, чтобы броситься друг другу в объятия. Кандида — дрянь. Она сделает все, чтобы получить Доменико. Мне ли этого не знать!

Кэролайн поняла, что Джефффри любит Кандиду, а она не обращает на него внимания. Она сочувственно коснулась его руки, и они какое-то время просто посидели рядом, погруженные в свои мысли, безмолвно утешая друг друга.

Потом Джефффри продолжил:

— Что бы ни случилось между вами, я советую как можно скорее все исправить, если ты хочешь удержать его. Со своей стороны я попытаюсь держать ее в узде ради нас обоих.

Кэролайн поежилась, потом поднялась и направилась к дому. В окнах по-прежнему горел свет, но в доме было тихо. Они подошли к террасе. Джефффри взял Кэролайн за руку и увлек в тень, где их не могли видеть те двое, что находились в комнате и были так увлечены друг другом.

Кэролайн не собиралась подслушивать, но удивление заставило ее затаить дыхание. Она заглянула в окно, и ее сердце чуть не разорвалось. Кандида стояла к ней спиной, держа голову Доменико в своих руках и не отводя взгляда от его лица.

— Почему ты это сделал, Дом? Я знаю, что ты любишь меня и всегда любил! Почему ты женился на ней? — Кандида не стала ждать ответа, обняла Доменико и принялась страстно его целовать.

Кэролайн больше не могла смотреть. С плачем она отбежала от окна и бросилась по лестнице в свою комнату.

Глава 7

Кэролайн растянулась на шезлонге, стоявшем на террасе. На коленях у нее лежал блокнот, а между пальцами была небрежно зажата ручка. Вито счастливо играл под деревом на лужайке, и она смотрела, как он возится с игрушками, которые купил ему Доменико. Когда он

возвращался с работы, то оставлял для малыша маленький сверток в детской.

С того вечера, как в доме был устроен прием, Кэролайн почти не видела Доменико. Она знала, что за время его отсутствия скопилось много работы и что после гибели Вито на его плечи легла двойная ответственность, но ведь у него должно было быть хоть немного свободного времени?

Каждый вечер Доменико ненадолго забегал домой, чтобы принять душ и переодеться, прежде чем снова уйти. Утром он уходил на работу очень рано, когда все в доме еще спали, а возвращался только под утро. В тех редких случаях, когда Кэролайн все же встречалась с ним, он отделялся беглым взглядом и холодным приветствием, даже не пытаясь объяснить свои частые отлучки.

Тетя Рина была в ярости. Она уже собиралась сделать племяннику выговор за то, что он пренебрегает семьей, но Кэролайн отговорила ее. Ей тоже нужно было время, чтобы разобраться в своих чувствах и решить, что делать дальше.

Одно она знала точно: ей нужно уехать. Туда, где ее наконец оставит боль. Туда, где Доменико ее не найдет.

Но сначала надо отыскать Доринду. Когда это произойдет, можно будет рассказать Доменико правду, и тогда он сможет жениться на Кандиде. Кэролайн отмахнулась от мыслей о той ночи, когда узнала, что они любят друг друга. Страстный поцелуй, которым они обменялись, говорил сам за себя, и с тех пор Кэролайн смирилась с неизбежным и перестала мечтать о том, что в один прекрасный день Доменико полюбит ее и попросит остаться, даже узнав правду о ребенке. Она слишком хорошо сыграла свою роль. Уже ничто не изменит мнения, которое у него сложилось. Особенно теперь, когда его может утешать Кандида.

Кэролайн взяла блокнот и принялась писать. Самое первое и важное письмо было мистеру Уилкинсу с просьбой нанять человека для поисков Доринды. Кэролайн особо подчеркнула, что он не должен жалеть средств на поиски. Поскольку она поклялась не трогать счет, который открыл для нее Доменико, то воспользоваться им сможет сам мистер Уилкинс.

Второе письмо было адресовано Джейн, и прежде чем начать писать, Кэролайн задумалась. Перед своей свадьбой она в спешке написала несколько строк подруге, объясняя свой столь неожиданный отъезд из Англии. Она пообещала написать подробнее, когда устроится на новом месте, но теперь не знала, с чего начать и что можно сообщить. Джейн была такой проникательной, к тому же у Кэролайн не было желания ее обманывать. Ее и без того тошнило от всей этой лжи, в которой она запуталась. И в то же время она не могла поведать всю эту невероятную историю без утайки, ведь это означало бы предать Доринду. Кэролайн грызла кончик ручки, размышляя, что можно поведать, а о чем лучше умолчать. Наконец решила написать жизнерадостное письмо и пообещать Джейн навестить ее как можно скорее, чтобы сообщить все подробности. Тщетно надеясь, что это успокоит подругу, которая, несомненно, тревожится за нее, столь внезапно вышедшую замуж, Кэролайн сунула письмо в конверт и быстро заклеила, опасаясь, что может передумать.

И тут она услышала шаги на террасе и, обернувшись, увидела тетю Рину. Та вернулась от одной из своих многочисленных подруг и теперь выглядела уставшей.

Кэролайн вскочила, пододвинула стул и принялась ласково укорять женщину:

— Милая тетя, почему вы не хотите слушаться врачей и больше отдыхать? Вы выглядите совершенно измученной. Присядьте, а я попрошу Эммануэля принести что-нибудь

освежающее.

Тетя Рина с благодарностью приняла предложение и опустилась на стул.

— Спасибо, Кэролайн. Это было бы просто замечательно. Ты такое утешение для меня, дитя. — Она взяла Кэролайн за руку и с искренней признательностью взглянула на нее.

Кэролайн почувствовала, что глаза наполняются слезами, и уже в который раз подумала, как ей повезло встретить эту любящую старую женщину.

— Зачем вы так себя утомляете, тетя Рина?

Женщина прикрыла глаза и откинулась на спинку стула. Ее изящные руки все в выступающих венах, казалось, отяжелели под весом многочисленных колец, которые она так обожала носить.

— Зачем? Я и сама не знаю. Совершенно не могу сидеть спокойно. Мне постоянно надо что-то делать, куда-то идти. Думаю, — продолжала она, еле сдерживая слезы, — это все потому, что я не могу перестать думать о сыне. Если бы я только знала, что на самом деле случилось с ним, как он умер и где! Тогда я смогла бы успокоиться.

Кэролайн подошла к тете Рине и сочувственно сжала ей руку. Она чувствовала себя так неловко, столкнувшись с горем старой женщины. Тетя Рина впервые не сдержала слез, заговорив о Вито, и Кэролайн не знала, что ответить.

— Может, вам станет легче, если мы поговорим о нем? — мягко спросила она.

— Мне кажется, ничто уже не поможет, — искренне ответила тетя Рина. Но когда молчание стало слишком напряженным, она продолжила: — Он был нашим единственным ребенком. Мы столько лет молили о детях, и когда сын наконец родился, он казался нам настоящим чудом. Не могу описать, как мы с мужем были счастливы, а когда с нами стал жить еще и Доменико, наша чаша счастья была переполнена до краев. Оба моих мальчика были такими красивыми, такими беззаботными! Я была так горда, когда матери девочек, сопровождавшие их на праздники и танцы, подходили ко мне и говорили, как по-рыцарски вели себя мои ребята. Годами я с надеждой ожидала и одновременно страшилась того дня, когда они придут и скажут, что нашли девушек, которые станут их женами. — Тетя Рина погладила Кэролайн по голове. — Как была бы я счастлива, если бы у Вито была такая жена, как ты. Но теперь этого уже не будет. — Она достала кружевной платок, промокнула глаза, потом принужденно улыбнулась и тряхнула головой, словно стремясь избавиться от охватившей ее печали.

— Они были похожи? — с любопытством спросила Кэролайн.

— Внешне да. Они оба были Викари. Их отцы были родными братьями, оба очень красивые и смуглые мужчины, так что неудивительно, что их сыновья походили друг на друга. Но по характеру они были очень разными. Вито более непостоянный, чем Доменико, хотя иногда мне кажется, что это смерть родителей наложила на него свой отпечаток, сделав его таким серьезным. Он обожал родителей и, конечно, помнил их и те счастливые моменты, что они переживали вместе. Мы изо всех сил пытались заменить их, но не думаю, что нам это удалось. Даже в самые веселые минуты глаза Доменико вдруг становились грустными, словно он до сих пор ощущал свою потерю. Я так надеялась, милая, — она на минуту помедлила, словно боясь обидеть Кэролайн, — что тебе удастся то, что не удалось мне, и ты сможешь навсегда стереть эту грусть с его глаз.

Кэролайн отвернулась и ничего не ответила, а тетя Рина вздохнула, но не пыталась

расспрашивать.

Малыш Вито отвлек их от этого разговора, споткнувшись об одну из своих бесчисленных игрушек, и, когда раздался его жалобный плач, обе женщины вскочили на ноги и бросились ему на помощь. Вито не ушибся, но тетя Рина, любившая приласкать его, при этом не балуя, взяла ребенка на руки и понесла на террасу. Кэролайн вздохнула с облегчением. Опасный момент миновал. Она была почти готова поделиться с мудрой старой женщиной своим горем и опасениями. Тетя Рина понимала, что у них с Доменико не все гладко, но Кэролайн была уверена, что она не станет выпрашивать и будет ждать, пока они сами все расскажут.

В дверь резко позвонили, и Эммануэль бросился открывать. Целых пять минут в прихожей слышался топот ног. Женщин охватило любопытство, и они отправились узнать, что происходит.

Эммануэль и мужчина в серой униформе складывали у стены груды серых коробок с белым завитком в углу. Кэролайн ахнула от удивления. Привезли ее наряды от Бриджит! Она изумленно повернулась к тете Рине:

— Но здесь какая-то ошибка! Я не заказывала все эти вещи. Надо объяснить курьеру, что это не мое.

Но курьер настаивал на своем:

— В каждой коробке был счет. Ошибки быть не может, синьора. Это все для вас.

Словно в тумане, Кэролайн расписалась в получении и поблагодарила курьера, после чего вновь взглянула на огромное количество вещей в нагромождении серо-белых коробок. Она заказала шесть дневных платьев, два вечерних, одежду для пляжа, множество белья и ночных рубашек, но тем, что принесли сейчас, можно было до отказа набить гардероб!

Потом Кэролайн вспомнила, что Доменико и Бриджит были одни, пока она посещала парикмахера. Ей показалось, что они что-то задумали. Неужели все это сделал Доменико?

Эммануэль отнес коробки в ее комнату. Кэролайн принялась с волнением их распаковывать, а тетя Рина находилась рядом, чтобы оценить творения Бриджит. Кэролайн извлекала из мягкой серой оберточной бумаги одно платье за другим и демонстрировала тете Рине. Перед изумленным взглядом Кэролайн проносились все мыслимые цвета и оттенки. Нежный бархат, романтический шифон, прохладный хлопок — все вещи были замечательно скроены, о таких можно было только мечтать.

Две самые большие коробки Кэролайн оставила напоследок. Она осторожно раскрыла одну и не смогла сдержать восторга, увидев роскошное меховое манто дымчато-серого цвета. Она поднесла его к лицу и погладила нежный мех, наслаждаясь роскошью. Кэролайн не хотелось выпускать его из рук, но предстояло раскрыть последнюю загадочную коробку. В ней оказалось безумно дорогое белое меховое манто, словно сшитое для принцессы.

От удивления Кэролайн потеряла дар речи. Тетя Рина нежно похлопала ее по руке и рассмеялась ее нескрываемому изумлению и благоговению:

— Вижу, подарок Доменико пришелся тебе по душе. Ты должна как следует отблагодарить его.

— И она подмигнула.

— Тетя Рина! Наверное, он потратил целое состояние. Я никогда прежде не видела столько

одежды, даже в магазине. Не могу поверить, что это все для меня. Когда же я буду это носить?

— У тебя будет много возможностей, дитя мое. Жена одного из самых известных в Риме деловых людей часто должна появляться на светских мероприятиях и развлекать гостей. Не бойся! Ты удивишься, как быстро устанешь от этих вещей, когда окажешься в гуще светской жизни. И потом, ты должна всегда носить все самое модное. Невозможно, чтобы у синьоры Викари был дурной вкус.

Радость от подарка несколько померкла, когда тетя Рина упомянула об этой причине щедрости Доменико. Он купил дорогие наряды не для того, чтобы доставить ей удовольствие, а чтобы удивить своих коллег и их жен. Она должна поддерживать престиж Викари своим сказочным гардеробом и бесценными украшениями, словно статуя, которую обвешивают богатыми вещами, чтобы поразить конкурентов.

Когда тетя Рина ушла, Кэролайн принялась складывать свое приданое в просторный шкаф. Когда она закончила, он был полон, но вместо того, чтобы захлопнуть дверцы, Кэролайн принялась извлекать одно платье за другим и вновь любоваться ими. Некоторое время Кэролайн развлекалась таким образом, и только стук в дверь отвлек ее от этого приятного занятия.

— Войдите! — крикнула она.

Это оказалась Аделина.

— Звонит джентльмен, синьора. Он хочет поговорить с вами.

— Спасибо, Аделина, я сейчас спущусь.

Кэролайн поспешно захлопнула дверцы шкафа и поспешила к телефону:

— Алло!

— Кэролайн? Это Джеффри. Я просто хотел спросить, не занята ли ты сегодня. Если нет, то будь умницей и пожалей одинокого человека. Я умираю со скуки, и мне нужен спутник.

— Не думаю, что я смогу, Джеффри.

— Почему? Ты ведь не боишься, что скажет твой хозяин и повелитель? Я скучаю лишь потому, что он увел мою лучшую девушку. Каждый раз, когда я звоню ей, она отговаривается тем, что должна встретиться с Доменико.

В его голосе слышалась плохо скрытая досада, но Кэролайн не обратила на это внимания и твердо произнесла:

— Прости, Джеффри, но сейчас у меня много дел. Я не смогу пойти с тобой.

Она не стала слушать внутренний голос, шептавший ей: «Доменико весело проводит время! Почему бы и тебе не последовать его примеру?» Она хотела быть дома и поблагодарить его за подарки, когда он вернется вечером. Радость, которую пробудили в ней мечты, все еще была с ней, и в ее мыслях не было места для Джеффри.

На другом конце провода послышался вздох.

— Ну ладно. Сдаюсь. Но я позвоню позже, вдруг ты передумаешь.

— Но... — Кэролайн собиралась возразить, но Джеффри уже повесил трубку.

Но когда Кэролайн поднялась наверх и принялась думать, что ей надеть вечером, она уже забыла о нем.

Она долго рассматривала наряды. Тетя Рина настаивала, чтобы она переодевалась к ужину, даже когда их было только двое, так что Кэролайн принялась задумчиво перебирать вечерние туалеты. Большинство из них были пастельных тонов, но наконец Кэролайн остановилась на платье черного цвета.

Лиф платья был сделан из тончайшего кружева и оставлял плечи обнаженными. На фоне черного бархата ее кожа была похожа на ослепительно белый алебастр. Юбка мягкими складками падала к ногам. Изящные кружевные черные вечерние туфельки были похожи на крылья, когда Кэролайн кружилась перед зеркалом, и ее глаза сверкали от удовольствия. Под конец она приколола к платью подаренную Доменико брошь и задрожала от восторга, увидев, как прелестно она смотрелась на черном кружеве. Удостоверившись, что все в порядке, Кэролайн сняла платье и натянула тонкий розовый пеньюар, чтобы заколоть волосы, прежде чем принять ванну. Ей нравилось самой делать себе прически. Тетя Рина всегда ходила к парикмахеру, если намечалось важное событие, а ей надо было просто вымыть волосы, высушить локоны и заколоть их шпильками.

Принимая ванну и накладывая дрожащими от волнения руками макияж, Кэролайн не спрашивала себя, что ей нужно от Доменико. Она не задумывалась, зачем старается так понравиться мужчине, которого сама оттолкнула от себя. Последние несколько дней принесли ей тревожное чувство, которое на самом деле было чувством одиночества. В компании милой пожилой дамы и маленького ребенка дни тянулись медленно, и Кэролайн испытывала раздражение и разочарование каждый раз, когда Доменико уходил из дому, не сказав ей ни слова и даже не взглянув на нее. В этот вечер Кэролайн чувствовала себя молодой и полной жизни, и ей хотелось, чтобы кто-то разделил ее радость с ней. Например, тот Доменико, которого она знала в Париже и который смеялся, шутил и даже заигрывал с ней.

Наконец она была готова. В свете лампы ее волосы блестели, когда Кэролайн вертела головой, брызгая духами за маленькими розовыми ушками. Оставалось только ждать приезда Доменико, и она сидела тихо, сжав руки на коленях и прислушиваясь, не хлопнет ли дверца машины и не раздадутся ли его быстрые, легкие шаги.

Кэролайн все еще была в комнате, когда в дверь постучала Аделина и сказала, что тетя Рина ждет ее к ужину. Кэролайн была погружена в приятные мысли и не слышала, что гонг прозвучал уже десять минут назад. Поспешив в столовую, она извинилась за опоздание.

— Все в порядке, милая, — ответила тетя Рина. — Тебя стоило ждать. Сегодня ты выглядишь ослепительно, Кэролайн. Я попрошу Доменико после ужина показать тебе город. Позор, что ты не выходила из дому со дня своего приезда, и я очень рассержусь на него, если он будет продолжать в том же духе.

Тетя Рина угрожающе сжала губы, словно спрашивая, осмелится ли кто-нибудь ей возражать, но на этот раз Кэролайн не пыталась ее разубедить.

За ужином они обе были погружены в свои мысли и почти не разговаривали. Потом перешли пить кофе на террасу. Доменико все еще не было. И только когда начали сгущаться сумерки, к дому подъехала его машина.

Тетя Рина с решительным видом поднялась со своего места и вышла в прихожую. И вскоре

Кэролайн услышала ее сочувственные восклицания. Слов Доменико она не слышала, но его голос ей показался совсем другим — в нем не было обычной напористости. Затем его шаги застучали на лестнице, и Кэролайн собралась направиться за ним, чтобы поблагодарить за подарки, но тетя Рина остановила ее:

— Не надо, Кэролайн!

— Я хотела сказать ему всего несколько слов, тетя Рина.

— В другое время, милая. Оставь его ненадолго. Он не очень хорошо себя чувствует.

Кровь отхлынула от лица Кэролайн.

— Что случилось? — забеспокоилась она.

— Ничего, что не смогут исправить покой и несколько часов сна, уверяю тебя. Не смотри на меня так, дитя мое. Ничего серьезного, просто мигрень, которой он страдает с семи лет после смерти родителей.

— Мигрень? Бедный Доменико!

— У тебя она тоже бывает, Кэролайн?

— Нет, но я часто ухаживала за отцом во время приступов. Он очень мучился. Когда боль в голове становилась невыносимой, даже молил о смерти, а я могла лишь прикладывать к его лбу ледяное полотенце и тихонько массировать ему шею. После этого отец засыпал на пару часов, а когда просыпался, был совершенно здоров. Я часто думала, что боль была настолько ужасна, что после приступа он чувствовал себя вдвойне здоровым человеком.

— Если бы ты могла сделать то же для Доменико, дитя! Но когда у него приступ, он никого не пускает в комнату. Задвигает шторы и ждет, когда боль стихнет, но иногда я часами слышу, как он ворочается на постели. Конечно, ему выписывают таблетки, но они не помогают, так что он отказывается их принимать. Врачи говорят, что это может быть аллергия или он просто переработал, но пока им не удастся его излечить.

Кэролайн хотела пойти к Доменико, но тетя Рина удержала ее:

— Он очень рассердится. Мы знаем, что его лучше оставить в покое.

Они еще посидели, а потом разошлись по комнатам. Тетя Рина расстроилась из-за Доменико, и ей хотелось отдохнуть. Она поцеловала Кэролайн и попросила ее не волноваться, так как утром он будет совершенно здоров.

Кэролайн поцеловала тетю Рину в ответ, вошла в свою комнату и начала раздеваться. Из комнаты Доменико не доносилось ни звука, и она надеялась, что ему удалось заснуть. Она на цыпочках подошла к двери и приложила ухо к замку в надежде услышать какое-нибудь движение, но из комнаты не доносилось ни звука. Кэролайн взглянула на ключ и подумала, осмелится ли она открыть дверь. Ее рука задержалась над ручкой, но тут она вспомнила слова тети Рины: «Оставь его в покое. Он очень рассердится, если ты войдешь к нему».

Кэролайн знала, что сможет помочь ему. Отец говорил, что, если бы она не сидела с ним рядом, когда боль была невыносимой, он застрелился бы. Но они с отцом были очень дружны. Доменико может возненавидеть ее, если она узнает о его слабости. Кэролайн медленно отошла

от двери.

Глава 8

Прошли часы, прежде чем Кэролайн приняла решение. Она лежала в своей огромной постели под пологом и невидящими глазами смотрела на узорчатый потолок. Как он? Удалось ли ему наконец заснуть?

Кэролайн не могла спать, думая о том, какие мучения терпит Доменико в соседней комнате. А ведь она знала, что может ему помочь.

За стеной что-то упало на пол, и Кэролайн быстро села на кровати, напряженно прислушиваясь. Ее сердце яростно колотилось, когда она опустила ноги на пол и подошла к двери, разделяющей их спальни. У Доменико было тихо. Она больше этого не вынесет! Схватив с кровати пеньюар, Кэролайн быстрым движением накинула его и затянула пояс. Потом подошла к двери и повернула ручку. Слава богу, не заперто!

В спальне царил полумрак. Шторы были плотно закрыты, чтобы ограничить доступ света. Подойдя на цыпочках к постели, Кэролайн увидела, что на полу валяется стакан, а на толстом ковре блестит лужица воды. Она перевела взгляд на кровать. Наверное, Доменико хотел выпить воды и уронил стакан. Она подошла поближе, чтобы спросить, не принести ли ему воды, и сочувственно ахнула, когда он открыл глаза. Они были полны боли. На лбу залегли морщины, а сквозь загар просвечивала бледность. Черные волосы Доменико, всегда так аккуратно причесанные, были влажными и свалявшимися. Сбитые простыни и одеяло валялись на полу.

Увидев Кэролайн, он попытался заговорить приказным тоном, но его голос был так же полон боли, как и глаза.

— Уходи! — слабо попросил он. — Оставь меня в покое.

Кэролайн двинулась к двери.

— Я иду вниз, Доменико. Но вернусь через минуту.

Он махнул ей вслед рукой, но Кэролайн уже повернулась к нему спиной. Через несколько минут она уже несла в спальню миску с водой, в которой плавали кубики льда. Поставив ее на столик рядом с кроватью, она окунула в воду чистое белое полотенце, ласково отстранила Доменико рукой, когда он приподнялся на подушке, чтобы начать спорить. Он глухо застонал и сдался.

Кэролайн знала, что не стоит пытаться приводить в порядок простыни и подушки, поскольку даже легкое движение способно вызвать новый приступ жуткой боли.

Она выжала ставшее ледяным полотенце и приложила его ко лбу Доменико. Он глубоко вздохнул и тихо произнес:

— Какое облегчение, Кэролайн!

Она принялась терпеливо ухаживать за ним, прикладывая ко лбу мокрое полотенце, пока оно не становилось теплым, а затем меняя на другое, которое тем времени пропитывалось ледяной

водой. Доменико молчал, но Кэролайн знала, что лечение принесло желанный результат, потому что он лежал спокойно и его лицо стало более умиротворенным. Она не видела его глаз, так как его веки были опущены, но он не спал, потому что, когда Кэролайн снимала холодный компресс, Доменико пытался удержать ее руку.

Все это время она сидела на краю кровати, а потом, не снимая полотенца со лба Доменико, принялась мягко массировать его шею, где от напряжения мышцы превратились в тугие узлы. Постепенно он успокоился, повернулся на бок, обнял ее за талию и погрузился в сон. Кэролайн, продолжая массировать его шею, сидела в очень неудобной позе, отчего ноги ее онемели, а пальцы рук стало покалывать, но она не смела двинуться, опасаясь его разбудить. Наконец отчаянно попыталась высвободиться из объятий Доменико и осторожно положила одну ногу на постель. Стало намного легче. Ей удалось усесться и уложить другую ногу, и, когда она оказалась рядом со спящим Доменико, ужасное покалывание прекратилось, и Кэролайн прислонилась к подушке. Дыхание Доменико обвевало ей щеку, и ее сердце охватила нежность, когда она взглянула на него. В нем не было и следа от надменного римлянина, которого она знала. Теперь, когда боль улеглась, он выглядел очень бледным и уязвимым. Темные густые ресницы были опущены, а прежде такие сурово сжатые губы казались совсем мальчишескими.

Кэролайн повернула голову и тихонько поцеловала его в губы. Когда сквозь шторы начали просачиваться первые лучи солнца, она украдкой вылезла из кровати. Доменико крепко спал. Кэролайн тихо открыла дверь и вошла в свою спальню. Глаза у нее слипались, и, как только ее голова коснулась подушки, она тут же уснула крепким сном.

Через несколько часов ее разбудил грохот подноса, и она с изумлением увидела приближающуюся к ней с улыбкой Аделину.

— Доброе утро, синьора. Хорошо спали?

— Боже мой, Аделина! Зачем вы принесли мне завтрак в постель? Вы же знаете, я всегда ем внизу. Сколько времени?

— Десять часов, синьора. И синьор Викари настоял, чтобы вас не будили, а завтрак принесли в постель.

Кэролайн вспыхнула:

— Синьор Викари? Ему лучше?

— Лучше? Он проснулся на рассвете, отправился на работу еще до восьми и все время насвистывал. Да, ему уже гораздо лучше!

Глаза Аделины весело блестели, и Кэролайн покраснела еще сильнее, думая о том, насколько хорошо преданная старая служанка осведомлена о делах своего хозяина. Судя по ее пронизательному взгляду, Аделина знала почти все. Но она будет помалкивать, как и ее муж Эммануэль. Их преданность семье, которой они служили, была поистине фанатичной.

Кэролайн с наслаждением съела завтрак. Потом приняла душ, облачилась в яркое платье без рукавов и спустилась на террасу, где тетя Рина смотрела на играющего в саду Вито. Кэролайн не знала, что ей известно о событиях прошлой ночи, поэтому застенчиво приблизилась к креслу.

Ей не стоило опасаться, потому что первые слова тети Рины развеяли ее сомнения:

— Тебе будет приятно знать, милая, что у Доменико прошла мигрень. Я же тебе говорила, что утром он будет совершенно здоров.

— Вы его видели, тетя Рина?

— Нет, но Аделина сказала мне, что он встал рано и пел в душе, значит, чувствовал себя отлично. — Тетя Рина задумчиво добавила: — Никогда не слышала, чтобы Доменико пел после приступа. Наверное, на этот раз он был не очень сильным.

Кэролайн улыбнулась про себя. Бедный Доменико, подумала она, если это слабый приступ, то что будет, когда приступ будет сильный?

День тянулся медленно, и Кэролайн с нетерпением ожидала возвращения Доменико. Она играла с Вито и сидела на кухне с Аделиной, которая любила общество и охотно рассказывала Кэролайн о проделках маленьких Доменико и Вито. У нее была внимательная слушательница, потому что Кэролайн хотелось знать о Доменико все — чем он болел, как смешил членов своей семьи, а больше всего — каких девушек приводил в дом до своей женитьбы. Аделина знала о нем все, а девушка вспоминала Доменико, которого знала несколько часов в Париже, и с болью поняла, что он изменился к худшему, только встретившись с ней. Но возможно, после прошлой ночи они объявят перемирие. Возможно, когда Доменико вернется с работы, он велит ей надеть самое красивое платье и покажет ей ночную жизнь Вечного города, который ей так хотелось увидеть.

Кэролайн облачилась в то же платье, которое было на ней накануне, но которое Доменико не видел, и спустилась вниз. Однако к ужину он не приехал.

Затем Кэролайн долго его ждала. Тетя Рина давно уже легла спать, а она, сидя в своей комнате, все прислушивалась, не подъехала ли машина Доменико. Было уже далеко за полночь, когда он вернулся. Кэролайн быстро выскочила на лестницу, чтобы увидеть его прежде, чем он скроется в своей комнате.

— Доменико!

— Боже, Кэролайн! Почему ты не спишь в такой час?

Она помедлила, собираясь с духом.

— Я ждала, когда ты придешь, Доменико. Мне нужно с тобой поговорить.

Он внимательно осмотрел ее черное платье, которое, она знала, ей очень шло, затем отвел глаза и раздраженно спросил:

— А нельзя ли нам поговорить утром? Я устал.

— Нет, Доменико. — Кэролайн удивилась твердости своего голоса. — Я хочу поговорить с тобой прямо сейчас.

Он пожал плечами и начал спускаться вниз. Они вместе прошли в гостиную, Кэролайн уселась на кушетке, а Доменико подошел к камину и ждал с плохо скрываемым нетерпением.

Теперь, когда он стоял перед ней, все многократно отрепетированные речи вылетели у нее из головы, и она не знала, как начать. Сунув руку в карман в поисках сигарет, Доменико небрежно бросил:

— Кстати, спасибо за прошлую ночь.

И только-то! Больше ничего! Кэролайн не ожидала горячей благодарности, но его небрежный тон оскорбил ее, и она опустила глаза, чтобы он ненароком не заметил, как обидел ее.

Пробормотав, что не стоит ее благодарить, Кэролайн вновь попыталась заговорить о своем заточении в доме и тут с облегчением вспомнила, что еще не успела сказать Доменико спасибо за наряды.

— Я хочу поблагодарить тебя за одежду, которую ты для меня купил. Ее привезли вчера, и я хотела в этот же вечер сказать тебе спасибо, но, — она запнулась, — ты плохо себя чувствовал, так что мне пришлось сегодня ждать до ночи. Наряды такие красивые, Доменико. Я не могла поверить своим глазам, когда раскрыла все коробки. А меховые манто! Я просто потеряла дар речи. Не могу выразить, как я тебе благодарна.

Циничный взгляд Доменико несколько охладил пыл Кэролайн. Она мечтала, что они станут друзьями хотя бы на то короткое время, что ей придется провести в его доме, пока не объявится Доринда, но теперь стало ясно, что его отношение к ней осталось неизменным. Доменико не намеревался менять о ней свое мнение, несмотря на ее заботу о нем прошлой ночью.

— Это все, что ты хотела сказать? — Он бросил сигарету в пепельницу и двинулся к двери, давая понять, что разговор окончен.

— Нет, Доменико, постой!

Он обернулся, вопросительно приподняв черную бровь. Кэролайн пробормотала:

— Пожалуйста, Доменико, мне хотелось бы иногда выходить из дому. Ты понимаешь, — она слегка повысила голос от негодования, — что я сижу здесь со дня нашего приезда?

— А, вот мы и перешли к делу! Тебе наскучило собственное общество? Наверное, ты тоскуешь по своему соотечественнику, мистеру Грэму?

— Джеффри? Почему я должна по нему тосковать? Я едва его знаю.

— Похоже, ты знаешь его достаточно, чтобы называть по имени, — сурово возразил Доменико.

— Ах это! В день нашего знакомства он попросил меня называть его Джеффри, и я так привыкла. Возможно, потому, что мы здесь оба изгнанники, или потому, что с ним легко общаться. Но между нами ничего нет, уверяю тебя.

— Я не нуждаюсь в твоих заверениях, — сухо отрезал Доменико. — Я намерен проследить, чтобы твое неудачное знакомство с этим человеком подошло к концу. У него дурная репутация. Ни одна женщина не может быть с ним в безопасности, и в будущем его не станут пускать в этот дом. Я дал слугам указание, так что не удивляйся, что, когда он захочет прийти, его не пустят на порог.

Кэролайн негодуяще взглянула на него:

— Как ты мог, Доменико? Чем Джеффри заслужил такое отношение? Он джентльмен и не сделал ничего, что могло бы оправдать подобное оскорбление. Что касается его репутации, то позволь тебе напомнить: его представила мне твоя кузина. Ты ведь не возражаешь, чтобы она с

ним встречалась?

Доменико задумчиво посмотрел на нее, вытащил из кармана очередную сигарету и закурил.

— Кандида не обязана ни перед кем отчитываться, — надменно ответил он, — в то время как ты моя жена и твое поведение благоприятным или же неблагоприятным образом сказывается на мне. Если ты не в состоянии вести себя достойно, значит, я, твой муж, должен проследить, чтобы твоя деятельность в этом направлении была пресечена.

— Вести себя достойно? — Кэролайн не скрывала своего удивления. — Когда же я вела себя недостойно? Не мог бы ты объяснить поподробнее?

Она не ожидала, что их разговор примет такой оборот, когда терпеливо ожидала возвращения Доменико домой. Кэролайн хотела предложить ему оливковую ветвь мира, просить о дружбе, чтобы снять напряжение между ними. Но тут, видя его хмурое лицо, поняла, что ее старания тщетны. Она ждала его объяснений и стала в нетерпении постукивать ногой, потому что он медлил с ответом.

Доменико заметил ее нетерпение.

— Ты станешь отрицать, что твое вызывающее поведение в ту ночь было нескромным?

— Мое поведение? — Кэролайн искренне рассмеялась. — Ты, наверное, шутишь, Доменико? Нам с Джефффри нравилось танцевать вместе, но называть это вызывающим поведением! — У нее не было слов, и, не удержавшись, она прыснула. — Ты действительно говоришь серьезно, Доменико? — тихо спросила она.

В ответ он нетерпеливо швырнул сигарету в камин и даже не удостоил Кэролайн взглядом. Она разозлилась — несправедливость обвинения заставила ее защищаться.

— Жена цезаря должна быть вне подозрений? Так, Доменико? Не важно, что поведение самого цезаря оставляет желать лучшего...

— И что это означает? — угрожающе спросил он.

— Это означает, что, хотя я и танцевала с прекрасным партнером, я не потеряла голову в его объятиях до такой степени, как это было у тебя с Кандидой! Наверное, ты не ожидал, что у вас будут слушатели? Или ее чары совсем вскружили тебе голову?

Кэролайн не сомневалась, что задела Доменико за живое, потому что на его лице медленно проступил румянец. Он обернулся к ней, готовый осыпать ее сотнями сердитых слов, но усилием воли взял себя в руки и промолчал, щелкнув от ярости зубами. Через несколько секунд Доменико успокоился и заговорил так, словно Кэролайн не высказала ему никаких обвинений:

— Ты будешь оставаться в этом доме до тех пор, пока я не позволю тебе покинуть его. Это часть придуманного мной плана, цель которого — научить тебя поведению порядочных людей, не забывающих о чести. — Он не обратил внимания на ее возглас ужаса и продолжил: — Я не могу придумать для тебя лучшего учителя, чем моя тетья, и надеюсь, что жизнь рядом с ней покажет тебе ошибочность твоего поведения и, возможно, ты даже переймешь некоторые из ее достоинств. Когда или, скорее, если я удостоверюсь, что ты достойна занять свое место в нашем обществе, не пороча имя, которое ты носишь, тогда, и только тогда, я позволю тебе занять позицию, подобающую моей жене. Можно сказать, что ты на испытательном сроке. Так

что чем быстрее ты усвоишь урок, тем скорее придет освобождение.

Гнев и шок лишили Кэролайн дара речи, и Доменико терпеливо ждал, когда она успокоится. Наконец она выдохнула:

— Ты самодовольный и надменный человек! Как ты смеешь так со мной говорить? Как ты смеешь даже думать обо мне в таком духе? Я никогда не прощу тебе эти слова. Никогда!

Доменико пожал плечами и повернулся к двери.

— Как хочешь. Я не стану спорить. Но уверяю тебя, чем дольше ты будешь отказываться понимать, кто здесь хозяин, тем более долгим будет твоё заточение в этом доме.

Когда он взялся за ручку двери, Кэролайн резко спросила:

— Тетя Рина знает о твоём дьявольском плане?

Она с замиранием сердца ждала ответа, чувствуя, что не сможет вынести, если тетя Рина окажется такого же невысокого мнения о ней, как и Доменико. Кэролайн успела горячо полюбить пожилую женщину и чувствовала, что её любовь взаимна. К её облегчению, Доменико твердо ответил:

— Нет. Наоборот, она так прониклась к тебе, что не стала бы ничего слушать. И мне не хочется расстраивать тетю. Хотя она могла сама догадаться, потому что мне недавно пришлось выслушать от нее немало суровых слов относительно того, что я якобы забросил тебя.

— И ты правда думаешь, что я позволю тебе диктовать свои условия, Доменико? Я обещаю, что буду бороться с тобой до конца. Неужели ты думаешь, что мы все еще живем в Древнем Риме, что ты цезарь, а я твоя рабыня? Это же нелепо! Наверное, ты сошел с ума.

Кэролайн взяла накидку и поспешила в свою комнату, даже не взглянув на Доменико. Ей показалось, что вслед ей донесся тихий смех.

Глава 9

Пальцы Кэролайн дрожали, когда она набирала номер. Был полдень, и дом опустел, если не считать слуг. Тетя Рина ушла в гости к друзьям и забрала с собой Вито. Они ушли около получаса назад и должны были вернуться только к вечеру.

Тетя Рина пригласила Кэролайн пойти с ними, но она отказалась: у нее были другие планы.

— Алло, это ты, Джеффри? Это Кэролайн.

— Кэролайн, милая! Как хорошо, что ты позвонила. — Радостный голос Джеффри действовал словно бальзам на ее раненые чувства, и она постаралась вложить в свой голос как можно больше тепла.

— Джеффри, у тебя есть на сегодня планы?

— Никаких. Я могу надеяться, что тебе требуется моя компания?

Сердце Кэролайн учащенно забилось, и она поняла, что еще есть время отступить, прежде чем

жребий будет брошен, но колебалась всего несколько секунд.

— Если ты свободен.

Джеффри никогда не упускал возможностей, поэтому отреагировал моментально:

— Одевайся понаряднее, милая, я заеду за тобой через десять минут!

Кэролайн бросила трубку и помчалась в свою комнату. Она торопливо просмотрела свои наряды и выбрала ярко-зеленое хлопковое платье с глубоким вырезом, туфли на ремешках и сумочку в тон. Потом приняла душ, чтобы охладиться, потому что жара была невыносимой, быстро подкрасила губы и сбежала вниз. Кэролайн не забыла угрозы Доменико, что Джеффри могут не впустить в дом, поэтому поспешила открыть ему дверь сама.

Минувшую ночь она провела почти без сна, вспоминая суровый и бескомпромиссный тон Доменико, которым он диктовал ей свои условия, и ее решимость позвонить Джеффри только возрастала, пока она наконец не бросилась к телефону, чтобы не успеть передумать. Теперь пути назад уже не было.

Одобрительный возглас Джеффри на мгновение смутил ее, но она тут же улыбнулась и дружески подала ему руку. Он прижал ее к губам и поцеловал, при этом его глаза внезапно стали серьезными. Потом он повел ее по низким каменным ступеням к маленькой спортивной машине, стоящей у обочины. Кэролайн уселась на переднее сиденье и отправилась в свое первое путешествие по Риму.

К несчастью, представления Джеффри о способах осмотра достопримечательностей сильно отличались от ее желаний. Ему было безразлично, что на строительство матери городов ушло двадцать семь веков, и его машина со свистом проносилась мимо величественных зданий, прохладных фонтанов с журчащей водой, великолепных соборов и картинных галерей, наконец остановившись перед очередным рестораном.

Кэролайн с разочарованным лицом повернулась к нему:

— Джеффри, я думала, мы будем осматривать город. Мне так много хочется увидеть — Колизей, термы Каракаллы. Я мечтала услышать священную музыку в Сикстинской капелле.

Джеффри с ужасом посмотрел на нее:

— Но, милая моя, туда же ходят одни туристы. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя сдавили в толпе восхищенных иностранцев, болтающих на разных языках и беспрестанно щелкающих своими камерами?

— Почему бы и нет? Я ведь тоже иностранка и не говорю по-итальянски, так что в компании туристов буду чувствовать себя как дома. Ты и представить не можешь, как давно я мечтала увидеть все чудеса Рима, а теперь, когда оказалась в самом сердце города, ты пронесся мимо них и привез меня в очередной ресторан!

Джеффри принужденно улыбнулся, но его решимость не поколебалась. Он взял Кэролайн под руку и мягко увлек за собой.

— Если я пообещаю показать тебе город завтра, ты согласна пойти со мной сейчас и познакомиться с моими друзьями?

— Но...

— Отлично, — поспешно перебил Джеффри. — Я обещаю. — И он потащил Кэролайн в ресторан, прежде чем она успела передумать.

Оказавшись внутри, Кэролайн не могла оторваться от восхитительного вида из окна ресторана. Ее восторг был очевиден всем, потому что она почти не отводила взгляда от окна, чтобы приветствовать многочисленных друзей Джеффри, которых он представлял ей, когда они заказали себе выпить перед обедом и ждали, пока официант не найдет им свободный столик. Очень скоро Кэролайн получила столько приглашений, что могла бы занять время до Рождества, если бы пожелала, но она не спешила их принимать, отвечая, что сначала должна выяснить, будет ли в эти дни свободен Доменико. Кэролайн запретила себе думать о том, как он отреагирует, когда узнает о ее встрече с Джеффри. Лучше жить сегодняшним днем и не думать о будущем.

Так она и сделала. К ее удивлению, время летело незаметно. Встречи с новыми людьми приободрили Кэролайн, и она была совершенно изумлена, когда Джеффри сообщил, что им пора уходить. Но перед этим двое его друзей принялись упрашивать Кэролайн принять участие в маскараде, который они устраивали этой ночью. Маленькая темноволосая итальянка по имени Мария и ее муж умоляли их пообещать прийти.

— Ну что, Кэролайн? Твой господин разрешит тебе?

Кэролайн съежилась. Она не собиралась принимать приглашение, но слова Джеффри все изменили.

— Конечно, я с радостью приду на ваш праздник, — ответила она Марии и тут же вздрогнула от дурного предчувствия.

Только оказавшись в машине, летящей к дому, потому что она хотела добраться туда до возвращения тети Рины и Вито, Кэролайн вспомнила, что у нее нет маскарадного костюма и поделилась этим с Джеффри.

— И только-то? — засмеялся он. — Предоставь это мне. Я возьму его напрокат. Отвезу тебя домой и тут же этим займусь. Ты доверишься моему вкусу?

— Думаю, да, — с сомнением протянула Кэролайн, — но ты не знаешь моих размеров. И когда я получу костюм?

Джеффри, прищурился глазами, принялся изучать ее фигуру и рассмеялся, заметив смущение Кэролайн:

— Ты просто маленькая скромница, Кэролайн! Я всего лишь измерял твои параметры. Не бойся и предоставь все мне. Я договорюсь, чтобы костюм доставили тебе домой.

Она улыбнулась в ответ и поблагодарила Джеффри.

— Не стоит благодарности, милая. Я заеду за тобой позже, будь готова, потому что у меня нет желания сталкиваться без нужды с твоим суровым супругом. — Махнув рукой, Джеффри отъехал от дома, и мотор его машины взревел так, что разбудил бы и мертвого.

В тот вечер обстоятельства были на стороне Кэролайн. Вскоре после ее возвращения домой пришла тетя Рина и передала Вито Аделине, чтобы та искупала и накормила ребенка перед

сном. В эту минуту зазвонил телефон. Кэролайн слышала, как тетя Рина говорила:

— Хорошо, Доменико, надо — значит, надо. Но я уже договорилась сегодня вечером идти в гости, а это означает, что Кэролайн придется пойти со мной и слушать скучные стариковские воспоминания или же остаться ужинать в одиночестве. Мне кажется, ты ужасно с ней обращаешься! — Она бросила трубку и повернулась к Кэролайн: — Слышала?

— Да, тетя Рина, но, прошу вас, не беспокойтесь обо мне. Меня пригласили сегодня вечером на праздник, так что вы можете спокойно развлекаться.

— Отлично, милая. Но с кем ты пойдешь? Доменико весь вечер будет занят с деловым партнером.

— Все уже решено, тетя Рина. Я иду с мистером Грэмом, другом Кандиды.

При упоминании имени Джеффри по лицу тети Рины пробежала легкая тень, и Кэролайн решила, что она начнет возражать, но пожилая женщина лишь улыбнулась и подмигнула:

— Обворожительный молодой человек. Жаль, что Доменико не сможет прийти. Немного здоровой ревности пошло бы ему на пользу.

Кэролайн подбежала к тете Рине и поцеловала ее.

— Да вы интриганка, тетя! Как я люблю вас за это.

Кэролайн долго нежилась в воде и, вернувшись в спальню, тут же заметила, что принесли ее наряд, потому что на кровати стояла большая коробка. Открыв ее, она отпрянула в ужасе.

На первый взгляд в коробке не было ничего, кроме нескольких лоскутков шелка и похожего на бикини костюма, украшенного бисером и двумя блестящими брошками на плечах. Она подняла его. Очевидно, это был наряд девушки из гарема, потому что на дне коробки лежала чадра и огромное количество поддельных драгоценностей. Кэролайн в смятении примерила костюм. Тяжелый, украшенный камнями пояс облегал ее стройную талию, а полупрозрачная юбка свисала чуть ниже колен. Живот оставался голым, а лиф плотно обтягивал ее крепкую молодую грудь. К костюму прилагались плоские сандалии с одним ремешком и браслет на лодыжку, с которого свисали крошечные металлические бляшки, звенящие при каждом движении. Кэролайн примерила сверкающее ожерелье, серьги и взглянула на себя в зеркало.

— Какой ужас! Джеффри сошел с ума. Я не могу это надеть.

В этот миг пронзительно зазвонил телефон, и Кэролайн вскочила. Поскольку в доме никого не было, звонок перевели в ее комнату, и она сняла трубку.

Раздался голос Доменико, и Кэролайн бессознательно накинула на плечи пеньюар, боясь, что он каким-то загадочным образом увидит ее костюм.

— Тетя Рина?

— Нет, это Кэролайн. Тети Рины нет дома.

— Не важно. Я перезвоню позже. Ты одна?

— Да, — с легким негодованием ответила Кэролайн, надеясь, что Доменико скажет, что придет домой раньше, чтобы она не сидела одна. Но тут услышала властный голос Кандиды, и ее

охватило отвращение. Доменико начал что-то говорить, но она бережно повесила трубку, подошла к зеркалу и принялась решительно наносить макияж.

После этого Кэролайн уже ни разу не взглянула на свое отражение, потому что надетый костюм вызывал у нее ужасное смущение, а она не хотела, чтобы что-то отвлекло ее от принятого решения.

Накинув плащ, Кэролайн спустилась по лестнице в тот момент, когда в дверь позвонили. Она почти выбежала на улицу и оказалась в объятиях Джеффри. Он взглянул на ее лицо и решил ничего не говорить. Когда они отъехали от дома, он осторожно спросил:

— Тебе понравился наряд, Кэролайн?

— Конечно, Джеффри, он замечательный!

Джеффри вздохнул с облегчением:

— Ты настоящий друг, Кэролайн. Конечно, я не изменил бы своего мнения о тебе, если бы ты отказалась его надеть. Нет, он не плохой, — поспешно добавил Джеффри, — просто на некоторых девушках не смотрелся бы. Кроме того, мне с трудом удалось вписать тебя в число гостей. Кажется, все жители города собираются сегодня прийти на эту вечеринку к Марии.

Джеффри грустно оглядел свой довольно прозаический костюм пирата, и Кэролайн невольно улыбнулась, потом хихикнула и наконец разразилась беспомощным смехом, так что Джеффри тоже не смог удержаться. Он остановил машину, и они смеялись как дети. На глазах у них появились слезы, а в боках закололо. Это был самый счастливый миг, и они оба почувствовали себя молодыми, беспечными.

Джеффри первый успокоился. Посмотрев на Кэролайн сияющими глазами, он произнес:

— Спасибо тебе. Спасибо за то, что наполнила мою жизнь смыслом. Я чувствую себя просто великолепно! — Затем с радостной ухмылкой завел машину и тронулся в путь.

В доме, где должен был состояться маскарад, ярко светились все окна, и сердце Кэролайн забилось в радостном ожидании, когда она услышала звуки музыки и смеющиеся голоса, долетающие из окон. Когда Джеффри удалось поставить машину, они вошли в широкие двери и приветствовали хозяев, одетых Антонием и Клеопатрой. Костюм Марии был столь же открытым, как и у Кэролайн, и когда она огляделась по сторонам, застенчивость оставила ее, потому что по сравнению с некоторыми платьями ее наряд был верхом скромности.

Мария показала ей, где можно оставить плащ, и Кэролайн застенчиво подошла к Джеффри, который непроизвольно ахнул от восхищения:

— Ты выглядишь потрясающе, Кэролайн! Этот костюм просто сногшибательный.

Их тут же увлекла веселая, смеющаяся толпа, и с этого момента Кэролайн совершенно забылась и предалась веселью. Она почти не видела Джеффри, потому что ее то и дело приглашали танцевать. Ее необычный костюм, сияющие темно-синие глаза и прелестное разрумянившееся лицо привлекали множество молодых людей, и впервые за много месяцев Кэролайн ощутила себя совершенно счастливой и свободной.

Через некоторое время на горизонте появился Джеффри. Его негодование из-за того, что ему не дали возможности потанцевать с Кэролайн, не знало границ, и он решительно протиснулся

сквозь толпу ее поклонников.

— Эй, это уже слишком! Я привожу на танцы самую красивую девушку в Риме, а мне не дают даже приблизиться к ней. Идите-ка и найдите себе других партнерш. Следующий танец мой!

Кэролайн с готовностью подала руку Джеффри и весело махнула своим разочарованным почитателям. Когда они вышли в центр зала, раздался громкий звон тарелок, музыка перестала играть, и дирижер оркестра объявил:

— Синьоры! Минуточку внимания! — Все в комнате сразу затихли. — Следующий танец будет штрафным. — В толпе раздалось восторженные крики, и Джеффри объяснил удивленной Кэролайн, что среди танцующих будет ходить человек и, когда музыка прекратится, пара, стоящая у его правой руки, должна будет ответить на вопрос. Если они не смогут ответить, то должны будут исполнить штрафное задание.

Оркестр снова заиграл, и пары стали стараться уклониться от человека, снующего в толпе, чтобы остановиться по левую руку от него. Было очень весело, и те пары, которые не сумели ответить на вопросы, оказались достаточно смелыми, чтобы выполнить полученные задания. Молодой человек, которому поручили спеть оперную арию, поднялся на сцену и прохрипел первый куплет популярной мелодии под насмешливые и одобрительные крики гостей, а его партнерша, молодая, привлекательная девушка, должна была управлять оркестром, в результате чего у всех чуть не лопнули барабанные перепонки.

Кэролайн и Джеффри так веселились, что не заметили опасности, и, к своей досаде, оказались по правую сторону от охотящегося за ними человека. Им задали вопрос, который мог бы задать университетский профессор, и, хотя они в панике пытались дать несколько версий ответа, им не удалось угадать.

Друзья Джеффри пришли в полный восторг, когда его попросили станцевать хорнпайп, что ему удалось сделать довольно неплохо, а Кэролайн, к ее ужасу, попросили станцевать любой танец, подходящий к ее наряду.

— Я не смогу! — начала было возражать она, но гости были непреклонны. Джеффри вытолкнул ее на середину зала, и все присутствующие начали одобрительно кричать и свистеть.

Оркестр заиграл, и сразу воцарилась атмосфера восточного дворца в пустыне, где властителей, возлежащих на шелковых подушках, услаждали смуглые девы. Можно было представить себе красивых восточных принцев, ждущих начала танца.

Со смехом пожав плечами, Кэролайн прикрыла лицо чадрой и шагнула в круг веселящихся гостей. Она начала раскачиваться в такт почти гипнотической музыке, и в ушах раздавался голос старого учителя танцев: «Слушай музыку! Отдайся ритму, и пусть твое тело рассказывает историю, которую должна передать музыка. Расслабься!» Кэролайн унеслась на крыльях фантазии и, когда музыка внезапно оборвалась, с ужасом увидела над головами неистово аплодирующих гостей темные презрительные глаза. Она стояла словно зачарованная и опустила глаза под ледяным, суровым взглядом Доменико.

Когда гости сгрудились вокруг нее и начали поздравлять, она потеряла его из виду. Кэролайн отчаянно пыталась спрятаться в толпе, но нисколько не удивилась, когда стальная рука схватила ее за локоть и потащила к дверям. Она заметила негодование на лице Джеффри, но ей не удалось обмолвиться с ним ни одним словом.

Через несколько секунд она оказалась в прихожей. Доменико набросил ей на плечи плащ и

принялся изысканно-вежливо раскланиваться с хозяевами, после чего мрачно повел Кэролайн к стоявшей возле дома машине. Только усадив ее на переднее сиденье, он ослабил хватку, и Кэролайн похолодевшими от страха пальцами потеряла место, где была его рука.

Доменико сел за руль. Не говоря ни слова и не глядя на нее, он завел машину и быстро выехал на дорогу. Кэролайн украдкой взглянула на него и, увидев его суровый профиль, быстро отвернулась, принялась невидящим взглядом смотреть в окно. Ее сердце бешено колотилось, и она ожидала, что вот-вот над ее головой разразится настоящая буря.

Доменико ехал вперед. Мощная машина быстро пожирала милю за милей. Кэролайн заметила, что он едет намного быстрее обычного, но не испугалась, потому что слепо доверяла крепким загорелым рукам на руле. Ее охватила тревога, потому что она не узнавала этой длинной пустой дороги, петляющей вверх. Дома уступили место сельской местности, и Кэролайн охватила паника, когда она поняла, что Доменико везет ее отнюдь не в безопасный дом своей тети.

Но она не смела заговорить, только мяла пальцами свою нелепую чадру. «Это смешно, — говорила она себе. — Почему я должна бояться? Он не причинит мне вреда, хотя у него такой вид, что он мог бы меня убить».

Доменико притормозил у обочины, и Кэролайн удивленно глянула на него. Он выключил двигатель и достал сигарету. Несколько раз затянувшись, наконец посмотрел на нее, и во рту у нее тут же пересохло.

Глаза Доменико беспощадно впились в Кэролайн, пристально изучая ее наряд, который теперь казался дешевым, кричащим, неуместным и слишком откровенным. Кэролайн опустила глаза, не смея встретить его взгляд.

Когда Доменико наконец заговорил бархатным, спокойным голосом, она подскочила на месте. Кэролайн ожидала гнева, но Доменико был совершенно спокоен.

— Не будешь ли ты так любезна объяснить, как ты могла настолько забыть, чтобы сделать меня посмешищем всех друзей и предметом жалости в семье? И почему ты нарушила мое распоряжение и выделась с Джеффри Грэмом?

Доменико терпеливо ждал ответа. Но Кэролайн ощутила, что он с огромным трудом сдерживает себя, и тут на ее глаза навернулись предательские слезы и она начала тихо плакать.

В черных глазах Доменико сверкнула ярость.

— Слезы тебе больше не помогут, Кэролайн, так что сбереги их на потом. Уверен, тебе захочется выплакаться, когда я разделаюсь с тобой.

Кэролайн подняла мокрые ресницы и в панике спросила:

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, — холодно и непоколебимо ответил он, — что пришло время платить по счетам, Кэролайн! Я кое-что возьму у тебя в обмен на бесчестие, которым ты покрыла меня. И это произойдет сегодня!

Кэролайн в ужасе смотрела, как Доменико повернул ключ в замке зажигания, и машина

тронулась с места.

Они продолжали взбираться вверх мимо виноградников и одиноких вилл, еле различимых в сгущающихся сумерках. Доменико всю дорогу молчал, и Кэролайн по-прежнему не знала, куда он ее везет. У нее возникла безумная мысль распахнуть дверцу и выскочить на дорогу, но она знала, что это ничего не даст, потому что Доменико легко нагонит ее.

Между тем он свернул на узкую дорогу и остановился перед выкрашенной в розовый цвет виллой, заросшей кустарниками и цветами. В тусклом вечернем свете Кэролайн не могла насладиться великолепием сада, но аромат цветов был одуряющим. Из-за облака выглянула луна и залила виллу призрачным светом. Окна были темные, и когда они вышли из машины, их никто не встретил.

Кэролайн тихо ждала, пока Доменико достал ключи и отпер парадную дверь. Она не шевельнулась, когда он распахнул дверь, и отступила в сторону, но он взял ее под локоть и твердо провел в прихожую с черно-белым изразцовым полом. В центре стояла витая решетка и стеклянный столик с телефоном. Взгляд Кэролайн метнулся к нему. Это может быть ее спасением! Если ей удастся позвонить Джеффри, он приедет за ней. Потом она вспомнила, что не знает, где находится, и даже если сможет до него дозвониться, то не сумеет объяснить, как до нее добраться.

Кэролайн сдержала испуганный крик и попыталась взять себя в руки, чтобы не впасть в истерику при мысли о том, для чего Доменико привез ее сюда. Когда он заговорил, она вздрогнула.

— Проходи и садись. Я приготовлю кофе.

Кэролайн послушно последовала за ним в убранную со вкусом комнату, где горели всего две лампы, которые зажег Доменико, прежде чем удалился на кухню. Она опустилась на кушетку у большого окна, выходящего в сад. Шторы не были задвинуты, и Кэролайн видела, как по ночному небу плывет луна, а темные тени деревьев и кустов возле дома создавали такое ощущение, что они с Доменико одни в целом мире.

Дверь открылась, и Доменико внес в комнату поднос с кофе, поставил его на низкий столик и принялся разливать в чашки.

— Прости, но печенья нет. На вилле давно никто не жил, так что еды очень мало. Это тебя согреет.

Он сел рядом и подал ей чашку. Ее руки по-прежнему дрожали, и она пролила кофе на плащ. Кэролайн поспешно вытерла пятно, пока Доменико не успел прикоснуться к ней, и от его насмешливой улыбки у нее кровь похолодела в жилах.

— Вижу, ты опять начала разыгрывать целомудренную девицу, — с ненавистью протянул он. — Однако это может придать еще больше пикантности ситуации. — Его черные глаза впелись в ее лицо, но Кэролайн не ответила. Горячий сладкий кофе обжег ей горло, но она залпом выпила его, чтобы избавиться от леденящего холода, сковавшего ее тело.

Постепенно по ее лицу разлился горячий румянец. Ее ладони покрылись испариной, а щеки вспыхнули, когда в глазах Доменико, неотрывно смотревших на нее, появился странный блеск. Кэролайн попыталась встать, но он удержал ее. Она отпрянула, и бархатный плащ соскользнул с ее плеч на пол. Доменико протянул руку и с силой привлек ее к себе, не давая возможности

сопротивляться. Она зажмурилась, ожидая ненавистного поцелуя, но его руки коснулись ее шеи, и когда девушка открыла глаза, он сорвал с нее и швырнул в дальний угол дешевые, кричащие бусы.

Его глаза впились в нее и были полны презрения к ее наряду, поведению в тот вечер, и его поцелуй сказал о том же.

Кэролайн обожгло пламя, когда рот Доменико прижался к ее губам. Его руки принялись ласкать ее тело, но он не сказал ни слова любви. Просто хладнокровно и методично ломал ее сопротивление, даже не пытаясь скрыть, что это запланированное дьявольское наказание.

Кэролайн принялась отчаянно бороться. Страсть, которую он пробудил в ней, исчезла, остался лишь жгучий стыд.

Доменико схватил ее еще крепче, и все ее попытки высвободиться ни к чему не привели.

— Пожалуйста, Доменико! — вскричала она. — Ради всего святого, не надо!

Он взглянул ей прямо в лицо и процедил сквозь стиснутые зубы, словно его терпение подошло к концу:

— Почему? Неужели я такой дурак, чтобы позволять любому другому мужчине пользоваться твоей благосклонностью, а самому каждый раз быть отвергнутым? Ты забыла, что я твой муж? И я заранее заплатил за услуги, которые теперь намерен получить. Неужели ты думала, что я буду спокойно стоять в стороне и смотреть, как ты заигрываешь с другим?

— Я ни с кем не заигрывала, Доменико, — взмолилась Кэролайн. — Я пошла с Джеффри на танцы, потому что мне было ужасно одиноко, а ты пытался навязать мне свою волю этим нелепым приказом оставаться в доме. Ты что, всерьез думал, что я исполню твой приказ? Мы же не в мрачном Средневековье живем. Ты не мог говорить серьезно!

— Довольно! Я больше ничего не желаю слушать. Ты знала, что твой поступок разозлит меня, так что теперь можешь пожинать плоды этого гнева. Ты полна противоречий, Кэролайн! С самого первого дня нашей встречи я не мог догадаться, кто ты есть на самом деле. То я вижу счастливую молодую мать и младенца, который ее обожает. Потом ты заявляешь мне, что не любила Вито, и я могу только сделать вывод, что ты очень распушенная женщина. Дальше ты говоришь, что принимаешь драгоценности от своих поклонников как залог против бедности, а потом позоришь меня, отплясывая, словно распутная девка, перед моими знакомыми. Но больше всего меня удивляет, как тебе удалось втереться в доверие к моей тете, она-то уж могла бы раскусить тебя. Если бы тетя Рина увидела тебя сегодня в этом наряде, она почувствовала бы то же, что и я. Я мог бы тебя убить!

В следующее мгновение Доменико поднял Кэролайн на руки и понес к кушетке. Блеск, который она заметила в его глазах, превратился в обжигающее пламя, где отражалось ее испуганное лицо. Кэролайн понимала, что говорить что-то еще бесполезно, и ее охватило отчаяние. Она так любила Доменико, что была готова отдать его Кандиде, хотя мысль об этом разбивала ей сердце. Она отчаянно мечтала, чтобы в его жизни был человек, чья любовь всецело принадлежала бы ему одному, кого не пришлось бы ни с кем делить, как приходилось делить с Вито мать, а потом жену и ребенка.

При мысли о Вито к Кэролайн внезапно пришло решение. Единственный человек, ради которого он женился на ней, поможет спасти его для Кандиды. Если ей удастся убедить Доменико, что она любит Вито, их брак можно будет аннулировать. Эти мысли со скоростью

света проносились в ее голове.

Кэролайн перестала бороться и закрыла глаза, когда к ее губам прикоснулись его теплые властные губы. Постепенно, чтобы не вызвать подозрений, она начала отвечать ему. Его яростные поцелуи сменились нежностью, и на одно невероятное мгновение они прильнули друг к другу, словно любовники.

Еле сдерживая крик боли, Кэролайн провела рукой по его затылку, закрыла глаза и прошептала:

— Вито, мой милый! Как я люблю тебя.

Доменико застыл, и Кэролайн открыла глаза. По его лицу пробежало изумление, а потом догадка. Он взял ее за плечо и тихо спросил:

— Ты любила его?

Стараясь не разрыдаться, Кэролайн ответила так тихо, что Доменико пришлось нагнуться к ней:

— Да, думаю, я всегда буду любить его.

Его молчание встревожило ее, и на глазах выступили слезы. Она отвернулась, и это возвратило Доменико к действительности. Он поднес руку к ее мокрой щеке и нежно смахнул слезы. Кэролайн была на грани отчаяния, отшатнулась и истерически закричала:

— Не прикасайся ко мне!

Доменико быстро опустил руку и отошел от кушетки. Он уставился в окно, пристально глядя на темные тени в залитом лунным светом саду. Когда Доменико повернулся, его лицо было строгим, а о пережитом напоминали лишь сурово сжатые губы. Глядя на Кэролайн серьезно и немного печально, он тихо сказал:

— Идем, я отвезу тебя домой.

Он не стал спрашивать ее, почему она лгала ему о своих чувствах к Вито. Он покорно принял то, что правда была вырвана у нее и что его объятия напомнили ей о единственном мужчине, которого она по-настоящему любила.

Доменико помог Кэролайн подняться и накинул ей на плечи плащ. Его пальцы едва прикоснулись к ней, и по ее телу пробежала дрожь. Он принял это за дрожь отвращения и опустил руки. Долгим взглядом посмотрел в ее страдающие глаза, вздохнул и произнес:

— Тебе не надо беспокоиться, что я снова попытаюсь принуждать тебя, Кэролайн. И прошу тебя принять мои извинения за мое поведение в прошлом. Если бы я знал, что ты так любишь Вито, этого никогда не случилось бы. Ты сможешь меня простить?

Кэролайн не могла ответить, потому что нежность в его голосе разрывала ей сердце. Доменико бережно обнял ее за плечи и повел к машине.

Домой они доехали быстро и в полном молчании. Искусно ведя машину по извилистым дорогам, Доменико казался погруженным в свои мысли, а Кэролайн была слишком уставшей и опустошенной, чтобы следить за пробегающими за окном пейзажами. Было раннее утро, когда

они остановились перед домом тети Риной, но в окнах горел свет. На лице Доменико появилось выражение удивления, он быстро помог Кэролайн выйти из машины, взбежал по ступенькам к двери и позвонил.

Дверь открыл Эммануэль и, увидев, кто приехал, воздел руки и принялся благодарить небеса.

— Что такое, Эммануэль? Что-то случилось с тетей Риной?

Старик покачал головой. Похоже, он был во власти сильных чувств и не мог произнести слов, которые так и вертелись у него на языке. Наконец после нетерпеливого жеста Доменико слуга выпалил:

— Это синьор Вито. Его нашли! Он возвращается домой! Синьора вне себя от радости, нам пришлось уложить ее в постель, потому что потрясение было слишком сильным для ее слабого сердца. Но она так счастлива, так счастлива! Как и все мы. — Эммануэль смахнул слезу со своих выцветших старых глаз и тут же радостно улыбнулся.

Доменико повернулся к Кэролайн и тут же увидел выражение несказанной радости на ее лице. Он не мог знать, что она в этот миг думала о том, как обрадуется Доринда, узнав о воскрешении Вито, и о ребенке, у которого наконец появится отец.

Кэролайн не поняла выражение лица Доменико, когда он смотрел на нее. Внешне он оставался совершенно спокоен. С ужасом Кэролайн осознала, чем грозит появление Вито всем им, и Доменико обеспокоенно спросил:

— А как же мы, Кэролайн? Что будет с нами?

Он не стал ждать ее ответа и быстро побежал вверх, в комнату своей тети. Кэролайн услышала ее громкий крик и осталась одна, наедине со своими мыслями.

Она медленно побрела в свою комнату и, оглушенная, уселась на край постели. До нее дошел весь смысл сказанного Эммануэлем, и в голове была лишь одна мысль: Вито возвращается домой, и она должна уехать прежде, чем он обвинит ее во лжи. Мысль о гневе Доменико, когда он узнает правду, была слишком ужасна, и Кэролайн принялась торопливо собирать маленький чемодан, бросая туда только самое необходимое.

Деньги! Ей понадобятся деньги на дорогу. Банковский счет, который открыл для нее Доменико, оставался все еще нетронутым, но банки открывались позже, а ей надо было уехать немедленно. Но что же делать?

Взгляд Кэролайн с надеждой упал на телефон. Она порывисто набрала номер Джеффри и с облегчением вздохнула, услышав его заспанный голос.

— Джеффри? Это Кэролайн. Мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, Джеффри, помоги мне улететь в Англию.

Ее волнение передалось ему, и он быстро заверил ее, что сделает все возможное.

— Хочешь, чтобы я сейчас за тобой заехал?

— Да, да! Я буду уже готова. Только потише. Я услышу шум твоей машины и сама выйду к тебе. Спасибо, Джеффри. — Голос Кэролайн дрогнул. — Ты настоящий друг.

Она сорвала наряд, ставший причиной всего случившегося этой ночью, и быстро переоделась в дорожный костюм из бело-голубого твида. Бросив последний, долгий взгляд на свою красивую комнату, Кэролайн принялась тихо, словно вор, спускаться по лестнице.

Слуг нигде не было видно, и Кэролайн прислушивалась, не появится ли Доменико. Она молилась, чтобы он не выходил из комнаты тети, пока она не покинет дом, и удача была на ее стороне.

Кэролайн напряженно ждала, когда к дому подъедет машина Джеффри. Оказавшись на холодном утреннем воздухе, она захлопнула за собой дверь. Потом, не оглядываясь, сбежала по ступенькам к автомобилю.

— Я не успел позвонить в аэропорт, Кэролайн. Думаю, я лучше отвезу тебя к себе домой, чтобы позавтракать, а потом мы узнаем, когда первый рейс. Что скажешь? — Джеффри с тревогой обернулся к ней, и Кэролайн благодарно кивнула.

— Не знаю, что бы я делала без тебя, Джеффри! Мне стыдно говорить, но мне нужны деньги на билет. Ты не мог бы мне немного одолжить? Я верну, как только найду работу. Это ужасная наглость, знаю, но мне больше не к кому обратиться.

Джеффри очень рассердился, потому что всегда беспечно порхал по жизни и не думал, что его может что-то глубоко тронуть. Ему всегда благополучно удавалось избегать ответственности и трудностей, оставаясь изящным светским кавалером.

— Что значит — пока не найдешь работу? Хочешь сказать, твой муж позволит тебе работать, будучи одним из богатейших людей в Риме? — сердито спросил он.

— Доменико не знает. Я оставляю его навсегда. Не думаю, что мы увидимся.

Равнодушное выражение, которым Кэролайн попыталась прикрыть свои истинные чувства, не обмануло Джеффри, но он промолчал. Прежде всего он хотел отвезти ее в безопасное место, где она сможет перекусить и отдохнуть, а потом выяснит, что же случилось. Ясно одно: Кэролайн была глубоко несчастна и нуждалась в помощи.

Когда она расположилась в уютном кресле в его квартире, Джеффри приготовил завтрак, твердо отказавшись от ее помощи. Она добросовестно пыталась немного поесть, но еда застревала у нее в горле, и Кэролайн отложила булочку с извиняющейся улыбкой.

— Прости, Джеффри, но у меня нет аппетита.

Джеффри налил еще кофе и откинулся в кресле.

— Хорошо. А теперь расскажи все дядюшке Джеффри.

— Столько всего произошло, что не знаю, с чего начать. Может, сначала позвонить в аэропорт? Вдруг у них есть свободное место? Я должна бежать, Джеффри, потому что, когда Доменико обнаружит, что меня нет дома, он станет меня искать!

— И разве это так ужасно? — тихо спросил он.

— Да, — прошептала она. — Настолько ужасно, что я не вынесу.

Джеффри снял трубку и принялся звонить в аэропорт. Задав несколько вопросов, он повесил

трубку и кивнул тревожно ожидавшей Кэролайн:

— В самолете, который вылетает в восемь часов, есть место. Я заказал тебе билет.

Кэролайн вздохнула с облегчением и впервые за много часов полностью успокоилась.

— А теперь, — твердо произнес Джеффри, — расскажи мне все. У нас еще полно времени, так что начинай с самого начала.

Кэролайн нерешительно взглянула на него и принялась рассказывать обо всем, начиная со дня похорон отца и заканчивая тем, что случилось сегодня. Когда она закончила, кофе Джеффри остыл, и он издал изумленное восклицание:

— Бедняга Доменико! Честно говоря, никогда не думал, что в один прекрасный день мне будет его жаль. Хочешь сказать, что, хотя ты замужем за ним, он уверен, будто ты влюблена в его кузена? Несчастный!

— Не надо, Джеффри! Разве ты не видишь, что я должна была это сделать? Я не могла позволить ему забрать у меня ребенка. Он поверил, что я Доринда, а потом я просто запуталась во лжи. Теперь ты понимаешь, почему я должна уехать?

— Но ты уверена, что он действительно рассердится, когда узнает правду? Он может слишком сильно тебя любить. Почему бы тебе не поговорить с ним? Расскажи ему все, пока не появился Вито.

Кэролайн взволнованно вскочила:

— Нет! Нет, я не могу. Я должна улететь!

Кэролайн не стала говорить Джеффри, что Доменико влюблен в Кандиду, потому что знала, что он сам равнодушен к ней, и не хотела причинять ему боль. Вскоре он сам узнает, что девушка, которую он любит, принадлежит Доменико.

Джеффри убедил Кэролайн посидеть спокойно, пока он уберет со стола, примет душ и побреется, прежде чем везти ее в аэропорт.

«Прощай, любимый, — шептала она, когда машина выехала на окраины, — прощай, малыш Вито! Я не буду плакать о тебе, потому что знаю: теперь ты в надежных руках».

Они добрались до аэропорта задолго до вылета, и, когда Джеффри купил Кэролайн билет, они прошли в зал ожидания выпить кофе. Кэролайн чувствовала, как он переживает за нее. Она положила руку ему на плечо и пристально взглянула в глаза:

— Не волнуйся, Джеффри. Я знаю, что делаю. Пожалуйста, не переживай.

— Не могу, милая. Что с тобой будет, когда ты вернешься в Англию? Где ты будешь жить? Как я смогу связаться с тобой?

— Я напишу тебе, как только смогу, и благодаря тебе у меня теперь есть деньги, чтобы добраться до дома моей подруги, где меня всегда ждут. Все будет в порядке, обещаю!

— Если ты так уверена, — нехотя сдался Джеффри, — придется мне отпустить тебя. Но помни, милая, если я тебе понадобится, только свистни, и я прибегу.

Кэролайн с благодарностью взглянула на него, а Джеффри на мгновение сжал ей руку и отправился в киоск купить большую коробку шоколадных конфет и стопку журналов. Он быстро взглянул на заголовки и протянул журнал Кэролайн.

— Ты улетаешь вовремя, Кэролайн. Тут пишут, что Вито должен сегодня прибыть в этот аэропорт и что с ним прилетит его жена. Как, ты сказала, зовут твою сестру? Это она на фотографии?

Кэролайн взяла журнал и увидела улыбающееся лицо Доринды, которая смотрела на темноволосого молодого человека, очень похожего на Викари. Заголовки кричали, что спутница итальянца без устали искала его, пока наконец не нашла страдающим легкой потерей памяти в глухом миссионерском госпитале в самом сердце африканских джунглей. Говорилось, что Доринда не жалела никаких средств на поиски своего возлюбленного и никогда не теряла надежды, что в один прекрасный день отыщет его. После того как Вито выписали из больницы, состоялась свадьба, и счастливые лица, улыбающиеся с фотографии, были тому подтверждением.

Глаза Кэролайн наполнились слезами счастья. Неудивительно, почему она так и не получила от Доринды обещанных денег. Должно быть, она все до последнего пенса тратила на то, чтобы найти Вито. Но больше всего Кэролайн радовалась тому, что теперь у малыша наконец появятся родители.

Кэролайн встала, сжимая в руках газету, и, когда повернулась к Джеффри, ее лицо было торжественным и почти счастливым.

— Прощай, Джеффри. Это лучший прощальный подарок, который ты мог мне сделать. Теперь я знаю, что все, что случилось, было не напрасно. По крайней мере двое членов моей семьи счастливы, Доринда и ребенок. Обещай, что не скажешь Доменико, где я.

Кэролайн терпеливо ждала его обещания, и Джеффри ворчливо согласился. Она поднялась на цыпочки, быстро поцеловала его и направилась к самолету. Джеффри глядел ей вслед с тяжелым сердцем и, когда она превратилась лишь в темное пятнышко вдалеке, хмуро пошел к машине, подождал, пока самолет взлетит, и поехал по направлению к городу.

Глава 10

Таксист, которого остановила у вокзала в Саутгемптоне маленькая стройная девушка, был по натуре несентиментальным человеком. В процессе работы ему приходилось иметь дело с разными странными личностями, и он привык всегда вести себя сурово, но эта девушка натолкнула его на мысль об испуганной молодой лани. Ее широко распахнутые голубые глаза будто молили сжалиться над ней, у нее было растерянное и робкое выражение лица, которое странным образом смягчило сердце водителя.

— Куда едем, мисс? — ворчливо спросил он.

Кэролайн достала из кармана листок бумаги и прочитала адрес Джейн.

— Доставлю вас туда через десять минут! — последовал ответ, и Кэролайн с облегчением уселась на заднем сиденье.

Когда такси остановилось перед аккуратным домиком с пестрыми занавесками на окнах,

Кэролайн пожалела, что не послала сначала телеграмму. Что, если Джейн нет дома или они уехали отдыхать?

Она попросила таксиста подождать и с некоторым трепетом пошла по дорожке к двери.

Ей открыл высокий приятный мужчина с пронзительным взглядом моряка, который мгновение, не узнавая, смотрел на нее, а потом они заговорили оба разом.

— Джим, я...

— Кэролайн, как здорово! Я тебя сразу не узнал. Заходи!

Он позвал Джейн и втащил Кэролайн в крохотную прихожую.

Джейн выбежала из кухни, и, когда увидела Кэролайн, ее радость не знала границ. Она подскочила и заключила Кэролайн в объятия:

— Милая! Почему ты не сообщила нам, что приезжаешь?

— Мне пришлось поспешно уехать, Джейн. Надеюсь, я не причинила вам неудобств, но я всегда могу переехать в гостиницу.

— В гостиницу? Только посмей! Мы так хотели тебя увидеть. Я недавно говорила Джиму, что если вскоре не получу от тебя подробного письма, то сама полечу в Рим, чтобы узнать, как ты там.

Джейн чуть отстранила Кэролайн от себя и взглянула ей в глаза, немедленно заметив наигранную широкую улыбку. По ее лицу пробежала тень беспокойства, и, незаметно кивнув мужу, чтобы он оставил их одних, Джейн бережно повела Кэролайн в маленькую гостиную и усадила в уютное кресло. Она пододвинула поближе стул и спросила:

— Ладно, милая, хочешь поговорим?

Кэролайн давно уже привыкла к прямолинейности Джейн, но столь внезапный вопрос обескуражил ее, и она с плачем опустила на колени и, прижавшись к коленям Джейн, поведала ей всю горестную историю.

В последующие дни Джейн терпеливо пыталась спасти Кэролайн от депрессии, которая то и дело грозила завладеть ею. Знакомый смех близнецов разрывал ей сердце, тут же напоминая о Вито. Вид высокого мужчины, шагающего в отдалении, тут же пугал ее, и ей требовалось время, чтобы убедить себя, что это не Доменико, а всего лишь незнакомец. Боль в сердце не становилась слабее, но постепенно Кэролайн научилась ее скрывать даже от Джейн. Она притворялась веселой и беззаботной, играя с близнецами и болтая с их родителями, как и в дни до своего замужества.

Кэролайн провела у Джейн почти четыре недели и не хотела злоупотреблять ее гостеприимством. Она заикнулась, что ей пора найти работу и жилье. Джейн умоляла ее остаться, но Кэролайн была непреклонна и начала строить планы. Прежде всего ей необходимо сообщить мистеру Уилкинсу, что Доринда нашлась, и тут она вспомнила, что у него по-прежнему хранятся деньги от продажи ее дома и мебели.

На следующий день Кэролайн отправилась в маленький городок, где работал мистер Уилкинс. Ей очень хотелось повидать Элин с мужем, но она решила, что не сможет отвечать на их

расспросы о Доменико. Она направилась напрямик к мистеру Уилкинсу. Он уставился на нее поверх своих нелепых очков, и первые его слова ужаснули ее:

— Вы видели вашего мужа, юная леди?

— Нет, — пробормотала Кэролайн. — Хотите сказать, он сейчас в Англии?

— Скорее всего, — неодобрительно ответил мистер Уилкинс. — Он был у меня больше трех недель назад и расспрашивал о вас. Я не смог ему помочь, потому что понятия не имел, где вы находитесь. Он оставил адрес гостиницы, где остановился, и попросил меня немедленно связаться с ним. Должен сказать, что решительнее человека я еще не видел. Он не оставит камня на камне, пока не найдет вас!

Кэролайн ахнула от ужаса и схватилась за спинку стула, чтобы не упасть. Голова у нее закружилась. Она думала, что больше не увидит Доменико, что их адвокаты сами все уладят.

— Вы не должны говорить ему, где я живу, мистер Уилкинс, — взмолилась Кэролайн. — Пожалуйста! Я больше не хочу его видеть. — Она побелела словно мел, и мистер Уилкинс поспешно усадил ее на стул, попросил секретаршу принести стакан воды.

Сделав несколько глотков, Кэролайн почувствовала себя лучше и вновь принялась умолять адвоката ничего не говорить Доменико.

— Но мне кажется, что вам необходимо встретиться, чтобы все выяснить, — смущенно откашлявшись, произнес он. — Даже если — а я в это не верю — уже нет никакого шанса на примирение, вы должны знать, что он готов вам предложить в случае расторжения брака, а ему следует знать о ваших планах на будущее.

— Я не приму от него ни гроша, — свирепо заявила Кэролайн. — И когда наш брак будет расторгнут, ему не придется нести за меня ответственность, так что не понимаю, зачем ему понадобились мои планы на будущее.

Она с вызовом уставилась на мистера Уилкинса, и он был так поражен, что остался сидеть с открытым ртом.

— Но как вы будете жить? У вас нет специальности. Вы вернулись к тому, с чего начали, — никакой работы и практически нет денег. — Мистер Уилкинс в отчаянии покачал головой.

Вернувшись к Джейн, Кэролайн дрожала от переполнявших ее чувств. По дороге домой она каждые несколько минут оглядывалась, чтобы проверить, не идет ли за ней Доменико, и вздрагивала при виде высокого широкоплечего мужчины, который обгонял ее. Она пыталась скрыть от Джейн новости, и ей это удалось, потому что у Джейн был очень озабоченный вид, и Кэролайн пришлось повторять дважды.

— Прости, милая, — наконец произнесла Джейн. — Что ты сказала?

— Я сказала, — терпеливо повторила Кэролайн, — что встречалась с мистером Уилкинсом, и похоже, у меня есть небольшая сумма в банке, так что я могу начать подыскивать себе жилье.

Эти слова вернули Джейн к реальности.

— Не сейчас, Кэролайн. Подожди еще немного.

— Но почему, Джейн? Я не могу ждать, ты и так терпела меня слишком долго. Я не могу больше навязываться.

— Еще чуть-чуть, Кэролайн. Прошу тебя!

Кэролайн не знала, что думать, но решила уступить. Еще несколько дней ничего не изменят, так что она пожала плечами и ответила:

— Ладно, Джейн, если настаиваешь. Надеюсь, Джим не решит, что у него появился постоянный жилец.

— Нет! — с сияющей улыбкой ответила Джейн, и Кэролайн подозрительно взглянула на нее, но на лице Джейн появилось бесстрастное выражение.

Вернувшись вечером домой, Джим заметил, что у его жены такое довольное выражение лица, как у кошки, съевшей сметану, но, хотя он то и дело поддразнивал ее, ему так и не удалось узнать, в чем дело.

Кэролайн решила не рассказывать, что Доменико в Англии и что он ищет ее. Ей надо было подумать о том, что сказал мистер Уилкинс, — что она должна встретиться с Доменико, но прошло уже два или три дня, а она так и не решилась на это. Кэролайн думала, что ужасный момент расставания уже позади, и сомневалась, что у нее хватит смелости вновь увидеть Доменико, чтобы опять мучительно расставаться.

Как-то Джейн спросила, не сможет ли она посидеть с детьми, потому что вечером их пригласили в гости. Друг, который сделал это приглашение, не знал, что у них гость, и Джейн, как ни странно, не предложила привести с собой Кэролайн. Это несколько уязвило ее, но она подумала, что, возможно, Джейн с Джимом просто хотят побыть наедине. Она с радостью согласилась посидеть с близнецами и настояла, чтобы днем Джейн отправилась в парикмахерскую и не спеша прошлась по магазинам. Кэролайн была рада, что ее присутствие принесло хоть какую-то пользу, и весело проводила Джима с Джейн, велев им не возвращаться до утра.

Она поднялась наверх, где близнецы мирно спали в своих кроватках, переоделась в джинсы и розовый свитер с короткими рукавами. Проводя расческой по волосам, Кэролайн услышала звонок в прихожей и усмехнулась, решив, что это Джейн, которая постоянно что-то забывала, к раздражению своего мужа, и спустилась вниз открыть дверь. Она широко улыбнулась, собираясь поддразнить Джейн:

— Джейн, ты... — и осеклась, схватившись за дверной косяк. — Доменико!

Он ждал. Кэролайн молчала и не двигалась, и Доменико невесело улыбнулся и тихо спросил:

— Можно мне войти?

— Да, конечно.

Кэролайн не помнила, что говорит, и, словно робот, прошла в гостиную, где упала на кушетку, радуясь, что ее ноги не подкосились раньше. Доменико уселся напротив. Она впервые взглянула на него и была поражена его усталым видом и печалью в глазах. Когда он повернулся в поисках сигарет, она заметила у него на висках несколько серебристых волос. Ее охватил прилив нежности к нему, но она заставила себя говорить спокойно.

— Как ты меня нашел?

— Как? — резко переспросил он. — Почти месяц ездил по всей стране и наводил справки у твоих друзей и знакомых. Потом твоя сестра написала мне, чтобы я попытался найти Джейн, так как ты должна быть у нее. И оказалась права. Я приехал сюда несколько дней назад, увиделся с Джейн и убедил ее, что мне нужно с тобой поговорить. Она обещала устроить так, чтобы мы смогли остаться наедине. Нам надо поговорить, Кэролайн. Надеюсь, ты понимаешь?

— Да. — Кэролайн не могла винить Джейн за обман. Она сделала то, что считала нужным, и теперь Кэролайн не жалела об этом. Встреча должна была состояться, чтобы они наконец-то смогли проститься навсегда.

— Прежде всего, — продолжал Доменико, — я хочу извиниться за то, как обращался с тобой. Когда Доринда рассказала мне, через что ты прошла ради нее, я... — Он осекся, встал спиной к ней и раздавил сигарету в пепельнице. Кэролайн не видела его лица, но заметила, как у него дернулась щека, а руки с силой сжались в кулаки. — Ты вышла за меня, потому что боялась, что я отберу у тебя ребенка, когда узнаю, что ты не его мать. Так?

— Да, Доменико. Прости, что пришлось обмануть тебя, но я подумала, что, если ты согласишься, что Вито мой сын и что я любила его отца, ты не станешь разлучать нас. Я ненавидела себя за эту ложь, но мне пришлось это сделать, Доменико. Это был единственный выход!

Доменико накинулся на нее:

— И как же нам теперь быть? Я же говорил тебе, что в моей стране нет развода. Я что, должен жить один в Италии, а ты здесь? Или ты готова вернуться со мной и извлечь выгоду из этой ситуации?

Его глаза были полны боли, и Кэролайн принялась горячо объяснять ему, что им больше не придется жить вместе.

— Разве ты не понимаешь, Доменико? Мы можем аннулировать наш брак. По этой причине я не позволяла тебе... — Она замолчала, и ее лицо залил румянец. — Поэтому в Париже и на вилле... — Кэролайн не могла продолжать. Доменико не собирался помочь ей, хотя и понимал, о чем речь.

— Ты хочешь выйти замуж за другого?

— Нет, конечно нет! Как ты не понимаешь, Доменико! — От досады она топнула ногой. — Если мы аннулируем наш брак, то ты сможешь жениться на Кандиде.

Он изумленно уставился на нее:

— У меня нет ни малейшего желания жениться на Кандиде.

— Но ты же любишь ее, Доменико. Я знаю это. В тот вечер, когда вы целовались, я поняла, что ты любишь ее.

Доменико смущенно нахмурился.

— Если бы ты посмотрела внимательнее, Кэролайн, то заметила бы, что это не я целовал ее, а она меня, — сухо ответил он.

— Но ты был с ней каждый вечер, Джефффри мне сказал. И когда ты позвонил, она была с тобой. Я слышала!

Ее голубые глаза с укором смотрели на него. Доменико раздраженно вздохнул, сел рядом и взял ее за плечи:

— Слушай, Кэролайн, не знаю, какое отношение имеет к нам Кандида, но, похоже, надо разобраться с этим вопросом. Она директор фирмы и член нашей семьи, и во время моего отсутствия ее дела совершенно запутались. Она попросила меня помочь, а свободное время у меня было только по вечерам. Ты ведь помнишь, что, пока меня не было, накопилось много работы, так что мне приходилось помогать ей каждый вечер. Должен признать, — смущенно добавил он, — что в тот вечер она вела себя слишком откровенно, но если бы ты подождала, то услышала бы, что я сказал ей: мой интерес к ней исключительно деловой. Для меня она всегда была подругой детства и никем другим. Теперь ты довольна?

Сердце Кэролайн с надеждой забилося, она взглянула на Доменико, и ее нежный взгляд обезоружил его. Застонав, он крепко обнял ее и взмолился:

— Поедем домой, Кэролайн! Эти последние недели были настоящим адом. Обещаю, что не буду ничего требовать от тебя, если ты только дашь мне один шанс. Знаю, я не заслужил его, и я не стану тебя винить, если ты откажешься, но, — прошептал он, — я так люблю тебя, моя дорогая. Так сильно, что не могу представить себе жизнь без тебя!

Кэролайн не могла вынести такой покорности Доменико, ее надменного римлянина. Она любила его, но не таким! Доменико, который никогда раньше ни о чем не просил, теперь говорил, что будет довольствоваться даже крохами, которые она соизволит бросить ему. С неистово бьющимся сердцем она прошептала:

— Доменико, любовь моя!

Какое-то мгновение он непонимающе смотрел на нее, потом обхватил за талию и прижал к себе. Его легкий поцелуй унес их в заоблачные дали, где было место только для них. Они отчаянно прижимались друг к другу, словно пытаясь искупить всю боль, а их поцелуи были безмолвной клятвой никогда больше не причинять этой боли. Наконец Доменико смог связно заговорить. Все еще держа Кэролайн в объятиях, словно боясь отпустить ее, он ошарашенно взглянул на нее:

— Неужели я страдал не зря все эти месяцы и ты меня любишь?

Кэролайн обвила его шею руками, прижалась к нему и ответила:

— Я полюбила тебя в ту ночь в Париже, но боялась, что ты заметишь. А когда ты влюбился в меня?

Доменико улыбнулся, и в его глазах уже не было грусти.

— Первый раз это случилось в саду, моя любовь. На тебе был тот же ужасный наряд, что и сейчас, но я ничего не замечал. Я полюбил неряху в джинсах, с самыми голубыми глазами на свете и потрясающей фигурой.

Кэролайн принялась извиняться за свой домашний наряд, но Доменико остановил ее горячим поцелуем.

— Потом я влюбился еще сильнее в тот день, когда мы поженились. Но в Париже... В Париже я совсем потерял голову. Ту ночь мне никогда не забыть.

Кэролайн залилась румянцем, вспомнив, как проснулась в черной откровенной ночной рубашке, и теперь у нее уже не было сомнений, кто уложил ее в постель. Любящая улыбка Доменико рассеяла ее смущение, и, когда он потребовал, чтобы она его поцеловала, она с готовностью ответила:

— Будет сделано, мой повелитель!

Внезапно его глаза стали серьезными, и он отчаянно прижал ее к себе. Кэролайн выдержала его долгий, испытующий взгляд, не стыдясь показывать свою любовь, и была тронута до слез, когда Доменико торжественно прошептал:

— Если бы мне пришлось выбирать только один миг в моей жизни, я выбрал бы этот. Всю жизнь я искал тебя и рад, что мне пришлось страдать, чтобы тебя найти. Я не заслужил твоей нежности и любви, но теперь вся моя жизнь будет посвящена заботе о тебе.

Сердце Кэролайн было слишком переполнено любовью, и губы Доменико нежно коснулись ее губ. Больше у нее не было сомнений. Он полностью принадлежал ей, и она безмолвно благодарила его за любовь. Все мучения прошедших недель были совершенно забыты.

Доменико целовал ее шею, и Кэролайн почувствовала, что он задрожал.

— Я ревную тебя ко всем мужчинам, которые тебя целовали. Скажи мне, что любишь меня!

— Доменико, не ревнуй к моему отцу, — нежно произнесла Кэролайн.

— К твоему отцу?..

— Он единственный мужчина, который целовал меня.

Доменико побледнел и отвернулся, осознав, как могли оскорбить ее его грубые поцелуи. Его лицо медленно залил румянец. Кэролайн обхватила его голову и принялась целовать, пока он не пришел в себя и не стал пылко отвечать ей.

— Знаешь, куда мы едем? — прошептал Доменико.

Кэролайн покачала головой, ей было все равно.

— В Париж на медовый месяц. Только на этот раз все будет совсем по-другому.

Кэролайн довольно вздохнула и ответила:

— Да, Доменико, я согласна.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме

предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

mir-knigi.org